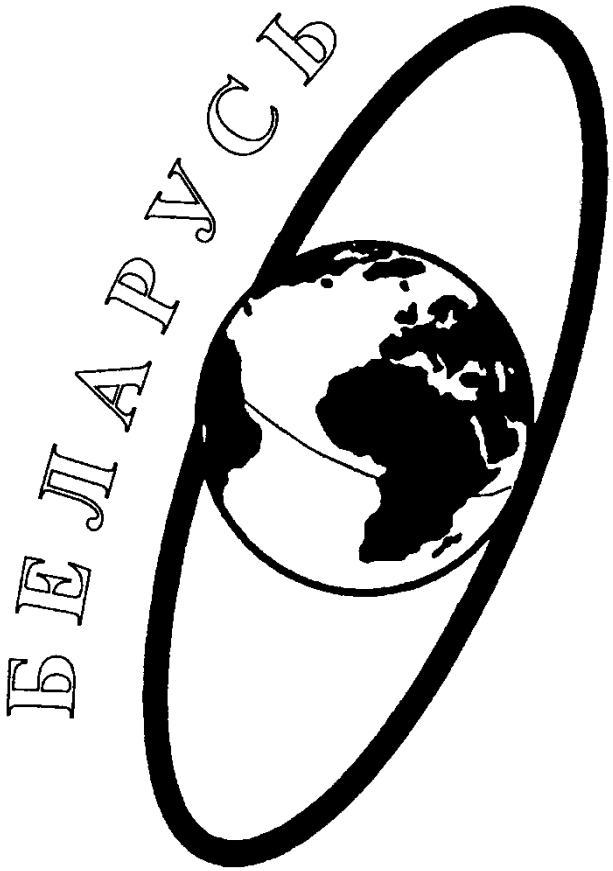
ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2 (99) / 2019



Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:
Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, А. Н. Гордей, Е. Г. Задворная,
Т. П. Карпилович, Г. Ф. Лепесская, Ю. В. Овсейчик,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований

© УО «Минский государственный лингвистический университет», 2019

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В е с т н и к
Минского государственного лингвистического университета

Серия 1 **ФИЛОЛОГИЯ**

Научно-теоретический журнал

Выходит один раз в два месяца

№ 2 (99), 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

Гордей Е. А. Парадигма модусных ёгенов в китайском языке 7
Гребень Т. Н. Типы синтаксической избыточности в медиажанре «репортаж» на белорусском и английском языках 14
Дубасова А. В. Акцентные модели литовских невозвратных глаголов в настоящем и прошедшем времени 20
Еромейчик Т. В. Ценностные ориентации в рекламной коммуникации некоммерческих организаций 28
Костюченко В. Ю. Аксиологическая модальность в русских и английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты 36
Кулік Л. У. Рэпрэзентацыя канцэпту «прастора» ў беларускай і англійскай саматычнай фразеалогіі 46
Mikayilova A. R. The Role of Metaphors in Text Formation 53
Перова С. В. Номинации, используемые для обозначения кофейных напитков, в диахронической перспективе (на примере русского и английского языков)..... 59
Рубанова Е. В. Экзистенциальная метафора жизни сквозь призму цитат и афоризмов..... 67
Старасціна Г. М. Рэпрэзентацыя катэгорый прасторы і часу ў нацыянальнай моўнай карціне свету (на матэрыяле саматычных фразеалагізмаў з кампанентам ‘вока/вочы’ з рамана І. Мележа «Людзі на балоце» і яго перакладу на нямецкую мову) 74
Сытько А. В. Семантические компоненты деонтического высказывания 82
Турчинская М. В. Семантика и прагматика терминов родства в английском и белорусском языках..... 94
Чайка Н. У. Моўная рэпрэзентацыя катэгорыі лакальнасці ў мастацкіх творах..... 103

Романское и германское языкознание

Беланович Е. В. Структурно-семантические модификации предложений с глаголами лексико-семантической группы «Потребление пищи»..... 111

Бурло В. Д., Жигунова В. Г. Стилистические средства
выражения несогласия во французских политических дебатах 117
Грачева Л. А. Структурно-семантические особенности сокращений,
репрезентирующих концепт «образование»
в современном французском языке..... 122
Ключенович С. С. Лингвокультурный аспект номинации
в современном немецком дискурсе: вопросы интерпретации семантики
и перевода..... 127
Неборская Л. Н., Олесько В. С. Средства реализации прагматического
потенциала текстов древневерхненемецких заговоров и молитв 134
Солонович Л. В. Структурно-семантические особенности
немецких глаголов, обозначающих вкусовое восприятие..... 141

Исследования славянских языков

Биюмена А. А. Доминанты местной прессы в Беларуси 148
Салаўёва М. А. Трансфармацыя канцэпту «радзіма»
ў светапоглядзе Міхала Клеафаса Агінскага..... 154

Проблемы прикладной лингвистики

Швец Н. Г. Формальный способ представления изображений
рекламных объявлений в виде тезауруса..... 161

Литературоведение

Казакова Л. Н. В поисках созвучия: о формировании
музыкально-звукового модуса в романах Дж. Джойса и Дж. Барнса..... 172
Калядка С. У. Эматыўнасць паэтычнага сінтаксісу 180
Романовская Е. В. Образы китайской классической поэзии
и способы их передачи средствами русского языка 187
Шода М. Ю. Светапоглядныя асновы позняй творчасці У. Б. Ейтса..... 194

Наши авторы 202

MINISTRY OF EDUCATION
REPUBLIC OF BELARUS

Minsk State Linguistic University Bulletin

Theoretical-scientific journal

Published once per two months

Series 1 **PHILOLOGY**

№ 2 (99), 2019

CONTENTS

General and Typological Linguistics

Hardzei K. A. The Paradigm of Modus Yogens in the Chinese Language 7
Hreben T. N. Types of Syntactic Redundancy in Belarusian and English Media Reports 14
Dubasova A. V. Accentual Models of Lithuanian Non-Reflexive Verbs in the Present and the Past Tense 20
Eromeitchik T. V. Value Perspectives in Advertising Communication of Non-Profit Organizations 28
Kastsiuchenka V. Y. Axiological Modality in Russian and English Online Talk Shows and Internet Comments: Semantic, Pragmatic and Cultural Aspects 36
Kulik L. V. Representation of the Concept "Space" in the Belarusian and English Somatic Phraseology 46
Mikayilova A. R. The Role of Metaphors in Text Formation..... 53
Perova S. V. To the Issue of Nominations of Coffee Drinks in the Diachronic Perspective in Russian and English 59
Rubanova Y. V. Existential Metaphor "Life is…" in Citations and Aphorisms 67
Starastsina H. M. Representation of Space and Time Categories in the National Language Picture of the World (on the basis of somatic phraseological units with component 'eye/eyes' from the novel by I. Melezh «People of the Marsh» and its translation into the German language) 74
Sytko A.W. Semantic Components of Deontic Statements 82
Turchinskaya M. V. Semantics and Pragmatics of Kinship Terms in English and Belarusian..... 94
Chaika N. Language Representation of the Category of Locality in Literature ... 103

Romance and Germanic Linguistics

Belanovich A. V. Structural and Semantic Modifications of the Sentences with the Verbs of Consumption..... 111

Burlo V., Jigunova V. Stylistic Means of Expressing Disagreement in French Political Debates 117
Gratcheva L. A. Structural and Semantic Properties of the Abbreviations Expressing the Concept of Education in Modern French 122
Klyuchenovich S. Linguo-Cultural Aspect of Nomination in Modern German Discourse: Problems of Interpretation of Semantics and Translation 127
Neborskaya L. N., Olesjko V. S. Means of Implementing Pragmatic Potential of Old High German Incantations and Prayers 134
Salanovich L. V. Structural-Semantic Characteristics of Verbs Denoting Taste Perception 141

Slavonic Languages

Biyumena A. A. Dominant Features of the Belarusian Local Press 148
Soloviova M. A. The Transformation of the Concept "Motherland" in Mikhal Kleafas Ahinski's Outlook 154

Applied Linguistics

Shvets N. G. Formal Way to Present Images of Advertisements as a Thesaurus 161

Literary Studies

Kazakova L. N. In Search of Consonance: Forming the Musical-And-Sound Moduses in the Novels by J. Joyce and J. Barnes 172
Kaliadka S. V. Emotivity of Poetic Syntax 180
Romanovskaya E. V. The Images of the Chinese Classical Poetry and the Means of their Transposition into Russian 187
Shoda M. Yu. Worldview Foundations of W. B. Yeats' Late Works 194

Our authors 202

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Е. А. Гордей

ПАРАДИГМА МОДУСНЫХ ЁГЕНОВ В КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В комбинáторной семантике для обозначения группы слов, называющих признаки, уточняемые другими словами, но не уточняющие других слов, используется термин *модальные ёгены*. В составе их парадигмы выделяется модусная подгруппа, которая и анализируется в настоящей статье на материале корпуса текстов китайского языка Пекинского университета.

Слова *мочь*, *быть в состоянии*, *должно*, *следует*, *достаточно*, *хотеть* и др., значения которых чаще всего конкретизируются словами с процессуальной семантикой (*следует читать*, *достаточно посмотреть*, *хотеть пить* и т.д.), в грамматиках разных языков обозначаются по-разному. В европейском языкознании наиболее распространен термин *модальный глагол*. В английских словарях, например, под ним понимается вспомогательный глагол (auxiliary verb), который используется с основным глаголом с целью выражения дополнительных смыслов, таких как «возможность»/«необходимость», поскольку этот смысл не представлен основным глаголом предложения. К модальным глаголам в английском языке относят *can*, *could*, *may*, *might*, *must*, *ought*, *will*, *shall*, *may* [1, p. 910; 2, p. 1 128].

В русской грамматике ученые придерживаются разных мнений по поводу модальных слов.

Одним из первых о них заговорил А. Х. Востоков, обративший внимание на то, что у кратких прилагательных и страдательных причастий прошедшего времени, а также у слов типа *можно*, *жаль*, *нельзя*, *лень* имеются некоторые черты глагола: время, значение безличности, поэтому ученый не стал выделять их в отдельную группу, а отнес к безличным глаголам [3, с. 85].

Российский языковед Л. В. Щерба считал, что в русском языке есть ряд слов, подведение которых под какую-либо категорию затруднительно (например, слова *нельзя*, *можно*, *надо*, *пора*, *жаль* и др.). Он предложил включить их в особую «категорию состояния», к которой заодно отнести слова типа *холодно*, *светло*, *весело*: «Может быть, мы имеем дело здесь с особой категорией состояния… Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой – с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий. Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке» [4, с. 90]. Несмотря на сомнения, Л. В. Щерба продолжил раздвигать границы данной категории, добавив в нее ряд слов, используемых в личных конструкциях (*я готов*, *я должен*, *я рад*, *я способен*, *я болен*, *я намерен*), и нивелируя тем самым признаки данной категории, о которых писал выше: «Наконец, под категорию состояния

следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе*, *наготове*, *настороже*, *замужем*, *в состоянии*, *на чеку*, *без памяти*, *без чувств*, *в сюртуке* и т.п. Во всех этих случаях *быть* является связкой… поэтому слова *навеселе*, *наготове* и т.д. едва ли могут считаться наречиями. Они все же выражают состояние» [4, с. 91].

Идея Л. В. Щербы получила развитие в трудах российских ученых. И. И. Мещанинов в этой категории слов выделил две группы: безлично-предикативные формы и нечленные прилагательные и причастия, а В. В. Виноградов поставил категорию состояния в один ряд с другими частями речи: «под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют форму времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого… Слова, относящиеся к категории состояния, выражают “недейственное” состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно*, *стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад*, *ты должен* и т.п.). Так как формы времени и категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы: *я был рад* и *буду рад* (*будешь рад* и т.п.) – являются чистыми формами времени и наклонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений» [5, с. 401].

А. В. Исаченко также признавал наличие в русском языке особого грамматического класса слов, однако термин «категория состояния» ученого не удовлетворял из-за его многозначности. Содержание термина «…исходит прежде всего из семантического признака данного ряда слов, причем слова типа *можно*, *надо*, *нельзя*, а также такие слова, как *пора*, только с известной натяжкой подводятся под общее значение “состояние”» [6, с. 279]. Он назвал данную группу слов предикативами, где выделил модальные предикативы (*надо*, *можно*, *нельзя*, *должен*, *намерен*), местоименные предикативы (*нечего*, *некогда*), «предикативы, восходящие к именам существительным типа *пора*, *жаль*» (*лень*, *охота*), предикативы «состояния» окружающей среды (*здесь холодно*, *солнечно*), выражающие физическое ощущение или душевное состояние (*мне тепло*, *холодно*) и другие группы [6, с. 283–292].

Проблема принадлежности слов *мочь*, *быть в состоянии*, *должно*, *следует*, *достаточно*, *хотеть* к определенной части речи восходит к проблеме определения самих частей речи. Какие категории лежат в основе выделения частей речи? Морфологические, синтаксические, лексические? А может морфологические и синтаксические? Или лексические и синтаксические? Так, А. А. Шахматов, отвергнув морфологические признаки, пытался дать синтаксическую характеристику частей речи, но, не удовлетворившись этим, указал на семасиологическое основание выделения частей речи и пришел к выводу, что определение частей речи зависит от наших представлений [7, с. 420–434]. А. М. Пешковского тоже не устраивали одни лишь морфологические признаки, он считал необходимым положить в основу классификации

слов по частям речи характер сочетаемости слов с другими словами в словосочетании. Тем не менее, как отмечает А. Б. Шапиро, при анализе глагола и прилагательного этот признак остается у А. М. Пешковского декларативным. Ученый объясняет это тем, что формальные признаки глагола и прилагательного достаточно выразительны, чтобы на их основе установить принадлежность к соответствующей части речи. Далее А. Б. Шапиро делает вывод, что привлечение синтаксического признака понадобилось А. М. Пешковскому только для анализа существительного и только потому, что в составе этой части речи есть слова, не имеющие формы [8, с. 44].

Таким образом, в русской лингвистической литературе ученые не пришли к единому мнению по вопросу о принадлежности слов типа *могу*, *хочу*, *желаю* и т.д. к определенной части речи. Одни относят их к глаголам (например, А. Х. Востоков), другие – к предикативам (А. В. Исаченко), третьи – к отдельной части речи «категории состояния» (Л. В. Щерба, В. В. Виноградов и др.).

В литературе по грамматике китайского языка современные китайские и европейские ученые (например, Чжан Синюй, Люй Юэхуа, О. М. Готлиб, В. И. Горелов, А. А. Драгунов, С. Е. Яхонтов) по аналогии с европейской лингвистической традицией слова *мочь*, *быть в состоянии*, *должно*, *следует*, *достаточно*, *хотеть* называют «модальными глаголами» (能源动词 néngyuán dòngcí) [9; 10; 11; 12; 13;14]. В учебных и научных материалах по грамматике китайского языка нам не удалось найти четкого определения термина *модальный глагол*. Обычно даются подобные описания: модальные глаголы часто употребляются перед глаголами или прилагательными и обозначают «желание», «необходимость», «возможность» и т.п. Иногда они могут выступать в качестве сказуемого. Люй Юэхуа говорит, что модальные глаголы – это отдельная группа глаголов с разнородными значениями и грамматическими характеристиками, отличными от обычных глаголов [10, с. 170]. Китайские и европейские грамматисты, основываясь на различиях в семантике, выделяют а) модальные глаголы, выражающие желание: 愿意 [yuànyì] ‘желать’, 乐意 [lèyì] ‘приходиться по душе’, 情愿 [qíngyuàn] ‘охотно согласиться’, 肯 [kěn] ‘соглашаться’, 要 [yào] ‘желать, собираться’, 敢 [gǎn] ‘сметь’, 乐于 [lèyú] ‘охотно, с радостью’; б) модальные глаголы, выражающие возможность: 能 [néng] ‘мочь’, 能够 [nénggòu] ‘мочь, быть в состоянии’, 会 [huì] ‘уметь; мочь’, 可能 [kěnéng] ‘можно, возможно’, 可以 [kěyi] ‘можно’, 得以 [déyǐ] ‘получить возможность’; в) модальные глаголы, выражающие необходимость: 应该 [yīnggāi] ‘быть должным’, 得 [dé/děi], 该 [gāi], 犯不着 [fànbuzháo] ‘не нужно, не стоит’, 理当 [lǐdāng] ‘следует, надлежит’; г) модальные глаголы, выражающие оценку: 值得 [zhídé, zhíde] ‘быть достойным’, 便于 [biànyú] ‘быть благоприятным’, 难于 [nányú] ‘трудно’, 难以 [nányǐ] ‘трудно, невозможно’, 易于 [yìyú]) ‘легко’. Некоторые китайские исследователи называют слова, обладающие модальным значением, «вспомогательными глаголами» (助动词 zhùdòngcí). Например, в клас-

сификации известного китайского грамматиста XX в. профессора Ли Цзиньси модальные глаголы включены вместе с глагольными суффиксами и некоторыми другими значимыми и служебными морфемами в группу «вспомогательных глаголов» [14, с. 67].

Как пишет С. Е. Яхонтов, «некоторые современные китайские лингвисты причисляют модальные глаголы к наречиям (хотя и выделяют их среди наречий в одну или две особые группы). Модальные глаголы сближает с наречиями то, что и те и другие занимают в предложении одинаковое место; но между этими группами слов существует и ряд различий. Например, «модальный глагол может иметь при себе определение, выраженное наречием степени (很 ‘очень’, 最 ‘в высшей’ степени и т.п.): …很想 ‘очень хотеть’…» [14, с. 66]. Наречие, в отличие от модального глагола, никаких определений принимать не может. «Модальный глагол может повторяться с отрицанием, образуя альтернативный вопрос: 能不能? ‘можешь или не можешь?’. Наречия никогда не образуют подобных конструкций. Поэтому модальные глаголы нельзя относить к наречиям» [14, с. 67].

С синтаксической точки зрения А. А. Драгунов рассматривает глагол, которым управляет модальный глагол, как дополнение к последнему, выраженное инфинитивом, т.е. как отдельный член предложения. С. Е. Яхонтов в «Категории глагола в китайском языке» отмечает, что каждый модальный глагол имеет собственное лексическое значение, а значит, не является служебным словом в полном смысле этого слова. В подтверждение вышесказанного ученый говорит о том, что модальные глаголы обладают определенной синтаксической самостоятельностью, в отличие от настоящих служебных элементов. По мнению ученого, «правильнее было бы говорить, что глагол, сочетающийся с модальным глаголом, представляет собой часть сложного сказуемого, другой частью которого является модальный глагол, т.е. такое предложение, как我该走了 “Я должен идти”, состоит не из подлежащего, сказуемого и дополнения, а из подлежащего 我 “я” и сложного сказуемого 该走 “должен идти”» [14, с. 65–67].

В комбинáторной семантике, оперирующей теорией частей языка [15, с. 34–35], для обозначения группы слов, называющих признаки, уточняемые другими словами, но не уточняющие других слов, используется термин *модальные ёгены*.

Тайген – часть языка, которая обозначает индивид; *ёген* – часть языка, обозначающая признак индивида [16, с. 23–24]. При этом важным различительным признаком ёгенов является степень. «Ёгены **первой степени** обозначают признак индивида *желтый, сжимать,* ёгены **второй** – признак признака *темный → темно-коричневый, быстро → быстро бежать,* **третьей** – признак признака признака *(ультра → ультра темно-коричневый, очень быстро бежать)*. Вторая и третья степень у ёгенов бывает положительной или отрицательной. Ёгены **второй** и **третьей положительной степени** уточняют значения ёгенов первой положительной степени *ультра темно-коричневый, очень быстро бежать,* а ёгены первой отрицательной

степени – значения ёгенов **второй** и **третьей отрицательной степени** *очень рад видеть*, *очень любить бегать*. Знак третьей степени у ёгенов определяется синтагматически: если ёген третьей степени относится к ёгену второй положительной степени *очень быстро бежать*, то он имеет положительный знак, если – к ёгену второй отрицательной *очень любить читать*, то – отрицательный» [16, с. 23–24].

Модальные ёгены – это постоянные и переменные ёгены второй отрицательной степени [16, с. 23–24].

Если опираться на данное определение, то кроме ёгенов, выражающих понятия *мочь*, *быть в состоянии*, *должно*, *следует*, *достаточно*, *хотеть* и т.д., в эту группу также входят ёгены со значением *упражняться*, *тренироваться*, *готовиться*, *начинать*, *продолжать*, *заканчивать* и т.д. Модальные ёгены сочетаются с ёгенами первой степени: *любить читать*, *тренироваться писать* [17].

Среди модальных ёгенов мы выделяем группу знаков, которая дополнительно сочетается с ёгенами третьей отрицательной степени. Назовем ее *модусной* и приведем примеры употребления, взятые из корпуса текстов Пекинского университета [18].

Мы выделяем 4 вида модусных ёгенов.

1. Санкционирование со стороны старшего субъекта осуществления акции (процесса) младшим субъектом. В эту группу входят а) модусные ёгены прямой санкции (прямого разрешения) – 可以 [kěyi]，行 [xíng]; например: 这消息很**可以**给人以鼓舞、给人以信心、给人以启示。[Zhè xiāoxī hěn kěyǐ jǐ rén yǐ gǔwǔ, jǐ rén yǐ xìnxīn, jǐ rén yǐ qǐshì]. *Эта новость достойна того, чтобы поднять дух народа, воодушевить и дать ему уверенность в себе;* 爸爸，你真**行**！ [Bàba, nǐ zhēnxíng!] *Папа, ну ты и умелец!*; б) модусные ёгены косвенной санкции (отсутствия прямого запрещения) – 可能 [kěnéng], *например:* 但道德发展还**可能**停留在较低的道德发展阶段。[Dàn dàodé fāzhǎn hái kěnéng tíngliú zài jiào dī de dàodé fāzhǎn jiēduàn]. *Но развитие нравственности еще может оставаться на довольно низком уровне*.

2. Способность младшего субъекта осуществить акцию, санкционированную старшим субъектом. К этой подгруппе относятся модусные ёгены, обозначающие а) физическую возможность осуществить как физическую, так и информационную акцию – 能 [néng], например: 几件事很**能**说明问题。 [Jǐ jiàn shì hěn néng shuōmíng wènti]. *Есть несколько моментов, которые могут разъяснить вопросы*; б) информационную возможность осуществить как информационную, так и физическую акцию – 会 [huì]: 你真**会**说话。 [Nǐ zhēn huì shuōhuà]. *Ты мастер говорить*.

3. Наличие стимулов у младшего субъекта осуществить акцию. Сюда входят модусные ёгены, обозначающие а) внешние стимулы – 应该 [yīnggāi]，得 [dé/děi]，要 [yào] например: 我本人是回族的，我们都是中国人，为同胞做点事很**应该**。 [Wǒ běnrén shì huízú de, wǒmen dōu shì zhōngguó rén, wèi tóngbāo zuò diǎn shì hěn yīnggāi]. *Сам я дунганец, но все*

мы китайцы, и это стоит того, чтобы для соотечественника сделать какую-нибудь мелочь; 他准**得**来。[Tā zhǔn dé lái]. *Он непременно должен прийти;* 他一定**要**来。[Tā yīdìng yào lái]. Ему обязательно нужно прийти; б) внутренние стимулы – 想 [xiǎng]，爱 [ài]，喜欢 [xǐhuan]. Примеры: 她也非常**想**去。[Tā yě fēicháng xiǎng qù]. *Она тоже очень хочет пойти;* 每个人都**爱**他自己的孩子。[Měi gè rén dōu ài tā zìjǐ de háizi]. *Каждый человек любит своих детей;* 阿古，这些人跟着我们已经很久了，我很不**喜欢**。[Āgǔ, zhèxiē rén gēnzhe wǒmen yǐjīng hěnjiǔle, wǒ hěn bù xǐhuān]. *Агу, мне очень не нравится, что эти люди уже давно идут за нами.*

4. Намерение младшего субъекта осуществить акцию, а) санкционированную старшим субъектом – 肯 [kěn], например: 老赵是很**肯**花钱收买的。[Lǎo zhào shì hěn kěn huā qián shōumǎi de]. *Лао Чжао с большой радостью тратил деньги на покупки*; б) несанкционированную старшим субъектом – 敢 [gǎn], например: 这连黑格尔也不**敢**说的话，让他说出来了。 [Zhè lián hēi gé ěr yě bù gǎn shuō dehuà, ràng tā shuō chūláile]. *Это позволило ему произнести слова, которые даже Гегель не осмелился сказать.*

Из приведенных примеров видно, что модальные ёгены каждой группы могут сочетается с ёгенами третьей отрицательной степени 很, 真, 正, 可以 и т.д.: 很可以，真会，非常想，很能. Полагаем, что такая комбинаторика может быть диагностической процедурой выделения модусных ёгенов.

Мы рассмотрели различные взгляды ученых на слова с модальным значением или с модальным оттенком в значении (*мочь*, *надо*, *должно*, *следует* и т.д.), которые в европейском языкознании традиционно называют модальными глаголами, составляющими в английском языке закрытый перечень (*can*, *could*, *may*, *might*, *must*, *ought*, *will*, *shall*, *may*). В научной литературе по грамматике русского языка до сих пор не выработан единый подход к их парадигматической квалификации. Одни ученые считают эти слова глаголами, другие – краткими прилагательными, третьи говорят об особой «категории состояния» как отдельной части речи. В китайском языке некоторые исследователи причисляют данную разновидность слов к модальным глаголам (能源动词néngyuán dòngcí), а некоторые – к наречиям.

В комбина́торной семантике подобные слова получили название *модальные ёгены*. В нашем исследовании мы развили парадигму модальных ёгенов путем выделения в ней модусной группы. Дальнейшее изучение модальных ёгенов в китайском языке будет осуществляться сквозь призму их уточненной семантической категориальности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cambridge International Dictionary of English with CD-ROM / ed. by P. Procter. – Cambridge Univ. Press, 2001. – 1 792 p.
2. Oxford Dictionary of English / ed. by C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2003. – 1 112 p.

3. *Востоков, А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его Сокращенной грамматики, полнее изложенная / А. Х. Востоков. – Изд. 7-е, испр. – СПб. : Тип. И. Глазунова, 1848. – 320 с.; 4 л. табл.
4. *Щерба, Л. В.* Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1748. – 428 с.; 1 л. порт.
5. *Виноградов, В. В.* Русский язык / В. В. Виноградов. – Л.; М. : Учпедгиз, Тип. Печат. двор в Лгр, 1947. – 784 с.
6. *Исаченко, А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким / А. В. Исаченко. – 2-е изд. – М. : Языки слав. культуры: Кошелев, 2003. – 570 с.
7. *Шахматов, А. А.* Синтаксис русского языка / А. А. Шахматов. – 3-е изд. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 620 с.
8. *Шапиро, А. Б.* Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? / А. Б. Шапиро // Вопр. языкознания. – 1952. – С. 44–54.
9. *Чжан, Синюй.* Краткая грамматика китайского языка / Чжан Синюй, Цзян Цюнь, Чжао Лицзюнь. – Минск : БГУ, 2014. – 175 с.
10. 刘月华等。 使用现代汉语语法。 北京：商务印书馆，2004. — 1005页 (Практическая грамматика современного китайского языка / Люй Юэхуа [и др.]. – Пекин : Коммерческое изд-во, 2004. – 1 005 с.)
11. *Готлиб, О. М.* Практическая грамматика китайского языка / О. М. Готлиб. – М. : Муравей, 2002. – 297 с.
12. *Горелов, В. И.* Теоретическая грамматика китайского языка / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1989. – 317 с.
13. *Драгунов, А. А.* Грамматическая система современного китайского языка / А. А. Драгунов. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. – 270 с.
14. *Яхонтов, С. Е.* Категория глагола в китайском языке / С. Е. Яхонтов. – Л. : Ленингр. ун-т, 1957. – 181 с.
15. *Гордей, А. Н.* Основания комбина́торной семантики / А. Н. Гордей // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л. В. Рычкова [и др.]. – Гродно: ГрГУ, 2005. – С. 32–35.
16. *Гордей, А. Н.* Метасемантика языковых категорий / А. Н. Гордей // Вторые чтения, посвящ. памяти профессора В. А. Карпова, Минск, БГУ, 28 марта 2008 г. – Минск : Издат. центр БГУ, 2008. – С. 19–25.
17. *Гордей, А. Н.* Теоретическая грамматика восточных языков: лекционный курс / А. Н. Гордей. – Электрон. дан. – Минск, 2007. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
18. 北大语料库 = Корпус текстов Пекинского университета [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://ccl.pku.edu.cn:8080/ccl_corpus/index.jsp?dir/=xiandai. – Дата доступа : 20.09.2018.

The term *Modal Yogen* is used in combinatory semantics to denote a group of words designating features refined in other words. The modus subgroup is highlighted as a part of modal yogen's paradigm and analyzed in the article with the examples from the corpus of Chinese language texts collected by Beijing University.

Поступила в редакцию 04.03.2019

Т. Н. Гребень

ТИПЫ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ИЗБЫТОЧНОСТИ В МЕДИАЖАНРЕ «РЕПОРТАЖ» НА БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В контрастивном аспекте рассматриваются типы синтаксической избыточности в репортажах на белорусском и английском языках. Отмечается, что синтаксическая избыточность может быть представлена двумя типами: прогрессивная избыточность, необходимая для корректной и полной передачи информации, и регрессивная, излишняя, затрудняющая понимание коммуникантами друг друга. Установлено, что при определении типа в материале исследования значимую роль играет не только сама единица или конструкция, но и ее рассмотрение с позиции адресанта и адресата. Такой дифференцированный подход позволил выявить типы синтаксических избыточных средств в белорусскоязычных и англоязычных репортажах, установить их сходства и различия на двух языках, а также определить факторы, обусловливающие выявленные особенности.

Феномен языковой избыточности тесно ассоциируется с разговорной речью и в лингвистической литературе чаще всего рассматривается наряду с языковой экономией как два антиномичных явления разговорной речи, «наиболее ярко выделяющих ее специфические особенности» [1, с. 6].

Многие исследователи придерживаются точки зрения, что избыточность – это повтор информации. Так, В. Д. Девкин отмечает, что «человек не может сознательно <…> обращаться неэкономно с языковыми ресурсами. Если же ему и приходится идти на эти потери, то только по необходимости, будучи вынужденным обстоятельствами, за счет ослабления самоконтроля, в состоянии волнения, возбуждения, аффекта» [2, с. 61]. В Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой избыточность определяется как повторная передача одной и той же информации эксплицитно или имплицитно [3, с. 167]. В. Д. Старичёнок понимает под избыточностью «наличие в тексте ненужных в конкретной речевой ситуации слов или словосочетаний, излишних фактов, ссылок, уточнений, повторов, слов-паразитов» [4, с. 205], дополнительно указывая, что она затрудняет процесс понимания речи, делает речь человека «менее ясной, четкой, снижает информативность текста» [Там же].

Подвергнув анализу вышеприведенные определения избыточности, можно сделать вывод о том, что они несут в себе отрицательную оценку данного языкового явления. Однако, на наш взгляд, такая категоричность не вполне оправдана, поскольку избыточность – это не всегда лишнее и ненужное, о чем свидетельствуют точки зрения других авторитетных ученых. А. Мартине отмечал, что в ряде случаев избыточные языковые единицы, «учитывая условия, в которых происходит обмен высказываниями, просто необходимы для того, чтобы коммуникация прошла эффективно» [5, с. 537]. Аналогичного мнения придерживался И. Р. Гальперин, подчеркивая, что избыточность помогает выделить главное, оттенить существенное, сконцентрировать внимание на самой информации [6], что, как видно, противоречит представлению об избыточных единицах как об элементах, затрудняющих

восприятие речи. Ю. М. Лотман также видел в избыточности полезное и необходимое свойство любого языка. При этом ученый признавал вариативность избыточных единиц, отмечая, что на разных языковых уровнях одна и та же единица может как приобретать статус избыточности, так и терять его [7].

Проанализированные полярные точки зрения на явление избыточности дают нам основание сформулировать гипотезу о том, что избыточные языковые единицы могут быть рассмотрены с двух перспектив – как абсолютно необходимые и как излишние элементы речи. Фактическим материалом для настоящего исследования послужили репортажи, отобранные из качественной прессы на белорусском и английском языках («Звязда», «Народная газета», «Настаўніцкая газета», «Культура», «The Guardian», «The Independent», «The Telegraph», «The Observer») и посвященные социально значимой тематике. Обращение к медиажанру «репортаж» не случайно. Представляется, что газетный репортаж, с одной стороны, обладает всеми признаками, характерными для печатного продукта медиадискурса, основными среди которых традиционно признаются информирование и воздействие на адресата, а с другой стороны, специфической задачей данного медиажанра является создание «эффекта присутствия», что предполагает редакторскую обработку текста таким образом, чтобы максимально сохранить детали описываемого события, а также коммуникативные особенности его участников и очевидцев.

В результате проведенного анализа было установлено, что авторы англоязычных газетных репортажей более активно используют избыточные синтаксические средства по сравнению со своими белорусскоязычными коллегами. Об этом свидетельствуют полученные статистические данные: в репортажах на английском языке количество избыточных элементов составило 52,4 % от общего числа выявленных в репортажах разговорно-синтаксических средств, в то время как для белорусскоязычных репортажей данный показатель составил 37,5 %.

Мы полагаем, что к определению типов избыточных синтаксических единиц необходимо подходить дифференцированно – с позиции отправителя сообщения и с позиции его получателя. Так, заполнители пауз хезитаций, которые встречаются в репортажах, с точки зрения адресанта необходимы, поскольку позволяют ему справиться с волнением, собраться с мыслями для дальнейшего корректного изложения информации, что позволяет рассматривать данные избыточные единицы в качестве прогрессивных. В следующем примере на просьбу репортера взять его с собой продавать цветы в праздничный день, говорящий использует заполнитель паузы хезитации «ну», что позволяет ему выиграть время на обдумывание и принятие решения по данному вопросу: *8 сакавіка – самы напружаны дзень у годзе для тых, хто кветкі прадае!* ***Ну...*** *калі ласка! – парадаваў Аляксей Агеевіч* (Звязда, 10.03.2015). В англоязычном репортаже встретился следующий пример: *You don't drink when you're,* ***er****, driving?* (The Telegraph, 25.09.11) 'Вы не пьете, когда вы, э-э, за рулем?' (данный заполнитель паузы хезитации, необходимый говорящему для корректного завершения вопроса).

В то же время с позиции адресата такие заполнители пауз хезитаций не являются облигаторными, способствующими передаче дополнительного необходимого сообщения, а наоборот, прерывают поток информации, что указывает на их регрессивный характер. Другими словами, получатель информации ничего не потерял бы, если сообщение было бы лишено таких заполнителей пауз. При этом, конечно, не стоит забывать, что в печатном медийном дискурсе сохранение данных избыточных единиц, которые встречаются исключительно в рамках прямой речи, не случайно: они используются авторами для более яркой и точной передачи коммуникативных особенностей говорящих, создавая таким образом «эффект присутствия» читателя на месте события.

Схожей прагматической нагрузкой характеризуются конструкции с плеонастическими местоимениями, которые, как правило, сохраняются в печатных репортажах для демонстрации недостаточного владения говорящим нормами кодифицированного языка или свидетельствуют о неподготовленном характере беседы, что, в свою очередь, способствует созданию впечатления непринужденной коммуникации: *А* ***праблема*** *з алкаголем,* ***яна*** *вырашальная* (Звязда, 20.08.2016); *A* ***wheelchair user,*** ***he*** *has severe learning disabilities, a tracheotomy and is fed through a Peg* [percutaneous endoscopic gastrostomy] (The Guardian, 08.12.2012) ‘Человек, передвигающийся в инвалидном кресле, у него большие сложности со способностями к обучению, трахеотомия и его кормят с помощью ЧЭГ [чрескожная эндоскопическая гастростомия]’. Как и в случае с заполнителями пауз хезитаций, конструкции с плеонастическими местоимениями представляют собой регрессивный тип синтаксической избыточности с позиции адресата, однако для отправителя сообщения такие единицы необходимы в процессе порождения высказывания.

Специфику англоязычных репортажей составляют предложения с двойным отрицанием, использование которого противоречит нормам кодифицированного литературного языка. Так, речь подозрительного с точки зрения автора человека из неблагоприятного района Нью-Йорка передана следующим образом: ***Didn’t nobody*** *tell you? New York has an excellent mass transportation system* (The Guardian, 02.02.2013) ‘Разве вам никто не сказал? В Нью-Йорке отличная система общественного транспорта’. Для адресанта такой вариант является единственно возможным и правильным, следовательно, для него данный тип избыточности не может считаться регрессивным, в то время как для получателя сообщения двойное отрицание в этом случае неинформативно, излишне.

В следующую группу изучаемых единиц нами были отнесены разговорные синтаксические конструкции, представляющие собой прогрессивный тип избыточности с позиции как отправителя сообщения, так и его получателя. К таким структурам относятся присоединительные и вставные конструкции, а также предложения, содержащие самокоррекцию. Присоединительные конструкции характеризуются наличием в присоединяемой части

дополнительной информации, которая вынесена за пределы основной части высказывания, однако не является излишней ввиду своей значимости: *The funny thing is, in Colombo nobody knows about this*. ***Even the guy in my hotel had never heard of it*** (The Guardian, 26.01.2013) ‘Самое смешное, что в Коломбо никто об этом не знает [о гидропланах – *Т. Г.*]. Даже парень в моем отеле никогда об этом не слышал’. Как видно, присоединяемый элемент в виде простого предложения в целом повторяет идею, выраженную в основной части конструкции, – никто (даже местные жители) не знает об имеющейся возможности полетать на гидроплане – что указывает на его избыточность. Однако эта прогрессивная избыточность носит уточняющий характер, как и в следующем примере из белорусскоязычного репортажа: *Відовішча для паўночнага чалавека незабыўнае.* ***Асабліва ўначы, калі струменіцца і мармыча празрыстая біруза, якая не замярзае, а ізумрудная плошча буяе сотнямі рознакаляровых ліхтароў*** (Звязда, 05.01.2013).

Вставные конструкции в репортажах на двух языках также представляют собой добавочные сведения, которые автор счел нужным включить в повествование, разомкнув при этом непрерывность синтаксических связей: *У гарадскім пасёлку Уваравічы Буда-Кашалёўскага раёна, што на Гомельшчыне, кніжны аддзел* ***(усяго дзве секцыі)*** *размешчаны ў магазіне “Прамысловыя тавары”* (Народная газета, 19.10.2011); *Despite the significant presence of fur-clad ladies with small dogs* ***(also in fur coats)*** *under their arm, Courchevel is family-friendly* (The Guardian, 19.01.2013) ‘Несмотря на большое количество одетых в меха женщин с собачками (тоже в шубах) под мышкой, Куршевель подходит для семейного отдыха’. Здесь, как и в случае с присоединительными конструкциями, дополнительные факты являются важными для описания полной картины происходящего и в этой связи не могут рассматриваться как абсолютно излишние.

Предложения с самокоррекцией в виде слов *sorry* ‘извините’, *I mean* ‘то есть’ и др. являются отличительной чертой репортажей на английском языке, и значимы для обоих коммуникантов: с одной стороны, самокоррекция дает возможность адресанту вносить изменения в сообщение по мере необходимости, а с другой стороны, является важной для адресата избыточной единицей, не позволяющей ввести его в заблуждение. Например: *They were like us, but wore different clothes and ate different food…* ***Mostly heron. I mean, herring*** (The Guardian, 16.12.2016) ‘Они были похожи на нас, только носили другую одежду и ели другую еду… В основном цаплю. То есть сельдь’. Приведенный пример демонстрирует, что коррекция сообщения в таких случаях важна как для его отправителя, так и для получателя, что характерно для прогрессивного типа избыточности.

К этой же группе избыточности, на наш взгляд, следует также отнести синтаксические разговорные единицы в виде императивных предложений, содержащих личные местоимения наряду с повелительной формой глагола, эксплетивов и повторов. Данные средства содержат избыточные материальные элементы, которые, как правило, не привносят в повествование какой-

либо информации фактуального характера, однако обладают значительной силой воздействия и передают значимое эмоциональное сообщение (восхищение, испуг, удивление и т.д.), что, с нашей точки зрения, может считаться достаточным основанием для отнесения их к прогрессивному типу не только с позиции адресанта, но и адресата. Рассмотрим это на конкретных примерах из репортажей на двух языках: ***Вы паглядзіце**, якія яны смачныя, салодкія!* (Звязда, 24.08.2016); *I'm as deaf as a post from shooting, so if you do hear anything that worries you,* ***you yell*** *– loudly* (The Telegraph, 26.09.2012) 'Я глух как тетеря от стрельбы, поэтому, если ты вдруг услышишь что-то, что тебя встревожит, ты кричи – громко'. Очевидно, что благодаря избыточному употреблению личных местоимений, которые используются для непосредственного апеллирования к адресату, данные призывы к действию звучат более настойчиво и убедительно.

Синтаксические повторы, встречающиеся в репортажах на двух языках, как правило, способствуют передаче эмоций адресанта по поводу описываемых событий, что значимо как для самого отправителя сообщения, так и для его получателя. В следующем примере посредством повтора выражено удивление и восхищение книжной выставкой: *Тут шмат кніг, шмат наведвальнікаў, шмат прадстаўнікоў розных краін* (Звязда, 20.02.2017). В англоязычном примере повтор способствует более энергичному изложению фактов, что также отражает положительное отношение адресанта к описываемым в репортаже событиям: *We kayaked. We played tennis. We played ping-pong* (The Guardian, 26.01.2013) 'Мы плавали на каяках. Мы играли в теннис. Мы играли в настольный теннис'.

Особенностью англоязычных репортажей является использование в них избыточных синтаксических единиц в виде сопровождающих речь и выражающих эмоции эксплетивов, «аффективное содержание которых преобладает над их предметно-логическим значением» [8, с. 163]. Например: *We have to get* ***the hell*** *out of here* (The Guardian, 19.10.2012) 'Мы должны, черт возьми, убираться отсюда'. Очевидно, что данные единицы неинформативны с точки зрения передачи фактов, однако демонстрируют настроение, эмоции, отношение к описываемому событию, объекту. Синтаксические структуры, содержащие эксплетивы, типичны для прямой речи, что позволяет авторам донести до читательской аудитории достоверную информацию в ее оригинальной форме, сохраняя все коммуникативные особенности говорящего.

С точки зрения репрезентативности избыточных синтаксических средств в материале исследования с позиции адресанта все (100 %) рассматриваемые единицы являются прогрессивными, позволяющими отправителю сообщения более четко выражать свои мысли, справиться с волнением, неуверенностью при передаче информации и т.п. С позиции адресата большинство избыточных элементов на двух языках (94,2 % в репортажах на белорусском языке и 93 % на английском) также относятся к прогрессивному типу, что указывает на схожесть принципов отбора языковых средств при создании газетного репортажа на обоих языках.

Подводя итог, отметим, что, несмотря на широкую представленность избыточных синтаксических структур и единиц в репортажах на двух языках, их больший удельный вес приходится на англоязычные репортажи, что свидетельствует о наличии тенденции к максимальному сохранению коммуникативных особенностей их участников. Рассматриваемая избыточность может иметь прогрессивный и регрессивный характер, однако подход к данной типологии следует осуществлять не только с учетом особенностей самих избыточных синтаксических средств, но и с учетом позиций адресата и адресанта. Вследствие того, что печатный медийный репортаж рассчитан на массовую аудиторию и подвергается редакторской обработке, большинство избыточных синтактических единиц на двух языках носят прогрессивный характер. К регрессивному типу с точки зрения получателя сообщения относятся заполнители пауз хезитаций, плеонастические местоимения и специфическое для англоязычных репортажей двойное отрицание.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Земская, Е. А.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. – М. : Наука, 1981. – 276 с.
2. *Девкин, В. Д.* Немецкая разговорная речь: синтаксис и лексика / В. Д. Девкин. – М. : Междунар. отношения, 1979. – 254 с.
3. *Ахманова, О. С.* Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – Изд. 5-е. – М. : Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 576 с.
4. *Старичёнок, В. Д.* Большой лингвистический словарь : более 3 000 лингвист. терминов и понятий / В. Д. Старичёнок. – Ростов н/Д. : Феникс, 2008. – 810 с.
5. *Мартине, А.* Основы общей лингвистики / А. Мартине // Новое в лингвистике : сб. ст. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 366–566.
6. *Гальперин, И. Р.* Информативность единиц языка: пособие по курсу общего языкознания : учеб. пособие / И. Р. Гальперин. – 3-е изд. – М. : Ленанд, 2018. – 174 с.
7. *Лотман, Ю. М.* Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа / Ю. М. Лотман. – М. : Гнозис, 1994. – 560 с.
8. *Скребнев, Ю. М.* Введение в коллоквиалистику / Ю. М. Скребнев ; под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1985. – 210 с.

The paper deals with the contrastive study of syntactic redundancy in Belarusian and English media reports. The types of redundancy, the common and specific features in the types and the number of redundant syntactic means in Belarusian and English reports are defined. The determining factors of the revealed similarities and peculiarities are elucidated.

Поступила в редакцию 24.01.2019

А. В. Дубасова

АКЦЕНТНЫЕ МОДЕЛИ ЛИТОВСКИХ НЕВОЗВРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ В НАСТОЯЩЕМ И ПРОШЕДШЕМ ВРЕМЕНИ

В статье описываются акцентные модели литовских невозвратных глаголов в настоящем и прошедшем времени в зависимости от их морфологического типа. Показано, что в большинстве случаев морфологический тип производного глагола однозначно определяет его акцентуационные свойства. Для неоднозначных случаев и непроизводных глаголов приводятся правила, позволяющие определить их акцентную модель.

Работы, посвященные подробному описанию акцентуационной системы литовского языка, крайне малочисленны. Классическим в этой области остается исследование Б. Стунджи [1], которое, ввиду своего объема, не покрывает всех аспектов литовской акцентуации. В частности, относительно мало внимания уделяется описанию акцентуации литовского глагола. Довольно кратко описано глагольное ударение и в самой полной грамматике литовского языка [2]. Возможно, это связано с тем, что система глагольной акцентуации считается более простой по сравнению с именной. Хотя во многом это действительно так, в совокупности она остается многомерной и сложной.

Целью нашего исследования явилось описание акцентуации литовских невозвратных глаголов в зависимости от их морфологической структуры. Материалом послужили наиболее частотные глаголы литовского языка (главным образом из [3]). Всего проанализировано около 350 единиц. Ударение проверялось с помощью [4; 5].

Краткое сравнение глагольной и именной систем акцентуации

Система литовской глагольной акцентуации имеет некоторые сходства с именной. Так, в обеих системах ударение может быть подвижным или неподвижным, а по типу ударения в определенных случаях противопоставляются:

а) долгая нисходящая интонация, обозначаемая акутом (´) или (на смешанных дифтонгах) грависом (`);

б) долгая восходящая интонация, обозначаемая циркумфлексом (˜), либо краткое ударение, обозначаемое грависом (`).

Однако имеются и различия. Прежде всего, они вытекают из особенностей устройства литовского имени и глагола: если имя имеет только одну начальную форму (Им. п. ед. ч.), к которой для описания акцентных свойств достаточно номера акцентной парадигмы, то глагол принято представлять в виде трех основных форм (инфинитива, основы настоящего времени, основы прошедшего времени), при этом каждая из них может иметь собственные акцентуационные характеристики.

Еще одно важное отличие состоит в том, что при описании акцентуации имени возможно игнорировать морфемный состав слова: несмотря на то, что приставки и суффиксы имеют свои акцентуационные свойства, эти свойства во многом вытекают из других формальных свойств (фонетики слога, типа ударения), кроме того, аффиксы существительного становятся частью единой в акцентуационном смысле основы – перемещение ударения между аффиксами невозможно. При описании акцентуации глагола обязателен учет наличия приставки, поскольку ударение может перемещаться также и внутри основы (между корнем и приставкой): ***kal̃b-a*** ‘говорит’ – ***nè-kalb-a***[1] ‘не говорит’.

Имена традиционно делятся на 4 акцентных парадигмы, в зависимости от того, как именно перемещается или не перемещается ударение при словоизменении. Глаголы подобным образом не классифицируют, а способы перемещения ударения описывают с помощью правил. С нашей точки зрения, выделение для глагола акцентных моделей также целесообразно, поскольку это способствует большей компактности и наглядности описания и требует применения меньшего количества акцентуационных правил. Далее предлагается акцентуационная классификация литовских глаголов.

Морфологические типы и акцентные модели глагола

По морфологической структуре глаголы делятся на следующие группы (по убыванию частотности):

1) первичные (не имеющие суффиксов ни в одной из трех основных форм): *im̃-ti*, *ìm-a*, *ẽm-ė* ‘брать’;

2) на ***-yti***: *dar-ý-ti*, *dãr-o*, *dãr-ė* ‘делать’;

3) на ***-inti***: *áišk-in-ti*, *áišk-in-a*, *áišk-in-o* ‘объяснять’;

4) на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***: *myl-ė́-ti*, *mýl-i*, *myl-ė́-jo* ‘любить’;

5) на ***-(i)oti***, ***-oja***, ***-ojo***: *abej-ó-ti*, *abej-ój-a*, *abej-ój-o* ‘сомневаться’;

6) на ***-(i)uoti***: *dain-úo-ti*, *dain-úoj-a*, *dain-ãv-o* ‘петь’;

7) на ***-(i)auti***: *kel-iáu-ti*, *kel-iáuj-a*, *kel-iãv-o* ‘путешествовать’;

8) на ***-ėti***, ***-ėja***, ***-ėjo***: *áukl-ė-ti*, *áukl-ėj-a*, *áukl-ėj-o* ‘воспитывать’;

9) на ***-ėti***, ***-a***, ***-ėjo***: *mok-ė́-ti*, *mók-a*, *mok-ė́j-o* ‘уметь; платить’;

10) на ***-(i)oti***, ***-o***, ***-ojo***: *iešk-ó-ti*, *íešk-o*, *iešk-ój-o* ‘искать’;

11) на ***-enti***: *gyv-én-ti*, *gyv-ẽn-a*, *gyv-ẽn-o* ‘жить’;

12) на ***-oti***, ***-a***, ***-ojo***: *mieg-ó-ti*, *miẽg-a*, *mieg-ój-o* ‘спать’;

13) на ***-inėti***: *už-iné-ti*, *už-inéj-a*, *už-inéj-o* ‘ездить’;

14) на ***-tel(ė)ti/-ter(ė)ti***: *trèp-telė-ti*, *trèp-tel-i*, *trèp-telėj-o* ‘топнуть’.

Примерно треть проанализированных глаголов имеет **неподвижное** ударение во всех формах. Сюда относятся глаголы с акутовым предпоследним слогом второй и третьей основной формы, а также глаголы с ударением на третьем и далее с конца слоге во всех основных формах. Если бесприста-

[1] Русской отрицательной частице *не* соответствует литовская отрицательная приставка.

вочный глагол во всех формах имеет неподвижное ударение, то ударение остается неподвижным и при присоединении приставки (кроме *per-*, которая всегда перетягивает на себя ударение[1]).

Неподвижное ударение возможно для глаголов следующих морфологических типов:

- части первичных: *áugti*, *áuga*, *áugo* ‘расти’;
- всех на безударный ***-inti***: *áiškinti*, *áiškina*, *áiškino* ‘объяснять’;
- всех на ***-(i)oti***, ***-oja***, ***-ojo***: *abejóti*, *abejója*, *abejójo* ‘сомневаться’;
- всех на ***-ėti***, ***-ėja***, ***ėjo***: *áuklėti*, *áuklėja*, *áuklėjo* ‘воспитывать’;
- всех на безударный ***-yti***: *dė́styti*, *dė́sto*, *dė́stė* ‘преподавать’;
- всех на ***-inėti***: *važinė́ti*, *važinė́ja*, *važinė́jo* ‘ездить’;
- всех на ***-tel(ė)ti/-ter(ė)ti***: *trėptelėti*, *trėpteli*, *trėptelėjo* ‘топнуть’;
- части на на ***-(i)oti***, ***-o***, ***-ojo***: *ieškóti*, *ieško*, *ieškójo* ‘искать’;
- части на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***: *mylė́ti*, *mýli*, *mylė́jo* ‘любить’;
- части на ***-ėti***, ***-a***, ***-ėjo***: *mokė́ti*, *móka*, *mokė́jo* ‘уметь’.

Присвоим акцентной модели с неподвижным ударением номер 1.

Рассмотрим отдельно бесприставочные и приставочные глаголы с подвижным ударением.

Бесприставочные глаголы с подвижным ударением распределяются на три акцентные модели в зависимости от того, когда наблюдается переход ударения с неакутированного предпоследнего слога второй и третьей основной формы на окончания 1 и 2 л. ед. ч.:

- только в прошедшем времени;
- только в настоящем времени;
- и в прошедшем, и в настоящем времени.

Примеры перехода представлены в табл. 1.

Таблица 1

Акцентные модели бесприставочных глаголов с подвижным ударением

	Грамматическое значение	2-я модель	3-я модель	4-я модель
Спряжение в наст. вр.	1 л. ед. ч. 2 л. ед. ч. 3 л. ед. и мн. ч. 1 л. мн. ч. 2 л. мн. ч.	d**úo**d-u d**úo**d-i d**úo**d-a d**úo**d-ame d**úo**d-ate	ded-**Ù** ded-**Ì** d**ẽ**d-a d**ẽ**d-ame d**ẽ**d-ate	deg-**Ù** deg-**Ì** d**ẽ**g-a d**ẽ**g-ame d**ẽ**g-ate
Спряжение в прош. вр.	1 л. ед. ч. 2 л. ед. ч. 3 л. ед. и мн. ч. 1 л. мн. ч. 2 л. мн. ч.	dav-**IAÕ** dav-**EÎ** d**ã**v-ė d**ã**v-ėme d**ã**v-ėte	dė́j-au dė́j-ai dė́j-o dė́j-ome dė́j-ote	deg-**IAÕ** deg-**EÎ** d**ẽ**g-ė d**ẽ**g-ėme d**ẽ**g-ėte

[1] Глаголы с данной приставкой в работе не рассматриваются.

Ко 2-й модели относятся:
- часть первичных глаголов: *dúoti*, *dúoda*, *dãvė* ‘давать’;
- все на ***-(i)uoti***: *dainúoti*, *dainúoja*, *dainãvo* ‘петь’;
- все на ***-(i)auti***: *keliáuti*, *keliáuja*, *keliãvo* ‘путешествовать’.

К 3-й модели относятся:
- часть первичных глаголов: *dė́ti*, *dẽda*, *dė́jo* ‘класть’;
- часть на ***-(i)oti***, ***-o***, ***-ojo***: *žinóti*, *žìno*, *žinójo* ‘знать’;
- часть на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***: *girdė́ti*, *gir̃di*, *girdė́jo* ‘слышать’;
- большая часть на ***-ėti***, ***-a***, ***-ėjo***: *skubė́ti*, *skùba*, *skubė́jo* ‘спешить’;
- все на ***-oti***, ***-a***, ***-ojo***: *miegóti*, *miẽga*, *miegójo* ‘спать’.

К 4-й модели относятся:
- часть первичных глаголов: *dègti*, *dẽga*, *dẽgė* ‘гореть’;
- все на ударный ***-inti***: *augìnti*, *augìna*, *augìno* ‘выращивать’;
- все на ударный ***-yti***: *darýti*, *dãro*, *dãrė* ‘делать’;
- все на ***-enti***: *gyvénti*, *gyvẽna*, *gyvẽno* ‘жить’.

Приставочные глаголы с подвижным ударением делятся на 8 акцентных моделей: 5 с переходом ударения на приставку и 3 без такого перехода.

Модели без перехода ударения на приставку соотносятся с моделями бесприставочных глаголов (однако глаголы в моделях совпадают не полностью), см. табл. 2. Нумерация моделей сохранена.

Таблица 2

Акцентные модели глаголов без перехода ударения на приставку

	Грамматическое значение	2-я модель	3-я модель	4-я модель
Спряжение в наст. вр.	1 л. ед. ч. 2 л. ед. ч. 3 л. ед. и мн. ч. 1 л. мн. ч. 2 л. мн. ч.	ne-g**áu**n-u ne-g**áu**n-i ne-g**áu**n-a ne-g**áu**n-ame ne-g**áu**n-ate	ne-žin-**AÕ** ne-žin-**AÎ** ne-**žì**n-o ne-**žì**n-ome ne-**žì**n-ote	ne-ein-**Ù** ne-ein-**Ì** ne-**eĩ**n-a ne-**eĩ**n-ame ne-**eĩ**n-ate
Спряжение в прош. вр.	1 л. ед. ч. 2 л. ед. ч. 3 л. ед. и мн. ч. 1 л. мн. ч. 2 л. мн. ч.	ne-gav-**AÕ** ne-gav-**AÎ** ne-g**ã**v-o ne-g**ã**v-ome ne-g**ã**v-ote	ne-žin**ó**j-au ne-žin**ó**j-ai ne-žin**ó**j-o ne-žin**ó**j-ome ne-žin**ó**j-ote	ne-ėj-**AÕ** ne-ėj-**AÎ** ne-**ẽ**j-o ne-**ẽ**j-ome ne-**ẽ**j-ote

Ко 2-й модели относятся:
- часть первичных глаголов: *gáuti*, *gáuna*, *gãvo* ‘получить’;
- все на ***-(i)uoti***: *dainúoti*, *dainúoja*, *dainãvo* ‘петь’;
- все на ***-(i)auti***: *keliáuti*, *keliáuja*, *keliãvo* ‘путешествовать’.

К 3-й модели относятся:
- часть на ***-(i)oti***, ***-o***, ***-ojo***: *žinóti*, *žìno*, *žinójo* ‘знать’;
- часть на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***: *girdė́ti*, *gir̃di*, *girdė́jo* ‘слышать’;
- все на ***-oti***, ***-a***, ***-ojo***: *miegóti*, *miẽga*, *miegójo* ‘спать’.

К 4-й модели относятся:

- часть первичных глаголов: *eĩti*, *eĩna*, *ẽjo* ‘идти’;
- все на ударный ***-inti***: *augìnti*, *augìna*, *augìno* ‘выращивать’;
- все на ударный ***-yti***: *darýti*, *dãro*, *dãrė* ‘делать’;
- все на ***-enti***: *gyvénti*, *gyvẽna*, *gyvẽno* ‘жить’.

Переход ударения на приставку может быть:

1) только в прошедшем времени (во всех формах):
   а) с переходом на окончание в настоящем времени;
   б) с ударной основой в настоящем времени;
2) только в настоящем времени (во всех формах):
   а) с переходом на окончание в прошедшем времени;
   б) с ударной основой в прошедшем времени;
3) и в прошедшем, и в настоящем времени (во всех формах).

Примеры моделей с переходом ударения на приставку представлены в табл. 3.

Таблица 3

Акцентные модели глаголов с переходом ударения на приставку

	Грамматическое значение	5-я модель	6-я модель	7-я модель	8-я модель	9-я модель
Спряжение в наст. вр.	1 л. ед. ч.	ne-baig-**IÙ**	ne-d**úo**d-u	N**È**-lip-u	N**È**-ded-u	N**È**-deg-u
	2 л. ед. ч.	ne-baig-**Ì**	ne-d**úo**d-i	N**È**-lip-i	N**È**-ded-i	N**È**-deg-i
	3 л. ед. и мн. ч.	ne-b**aĩ**g-ia	ne-d**úo**d-a	N**È**-lip-a	N**È**-ded-a	N**È**-deg-a
	1 л. мн. ч.	ne-b**aĩ**g-iame	ne-d**úo**d-ame	N**È**-lip-ame	N**È**-ded-ame	N**È**-deg-ame
	2 л. мн. ч.	ne-b**aĩ**g-iate	ne-d**úo**d-ate	N**È**-lip-ate	N**È**-ded-ate	N**È**-deg-ate
Спряжение в прош. вр.	1 л. ед. ч.	N**È**-baig-iau	N**È**-dav-iau	ne-lip-**AÕ**	ne-d**é́**j-au	N**È**-deg-iau
	2 л. ед. ч.	N**È**-baig-ei	N**È**-dav-ei	ne-lip-**AĨ**	ne-d**é́**j-ai	N**È**-deg-ei
	3 л. ед. и мн. ч.	N**È**-baig-ė	N**È**-dav-ė	ne-l**ì̀**p-o	ne-d**é́**j-o	N**È**-deg-ė
	1 л. мн. ч.	N**È**-baig-ėme	N**È**-dav-ėme	ne-l**ì̀**p-ome	ne-d**é́**j-ome	N**È**-deg-ėme
	2 л. мн. ч.	N**È**-baig-ėte	N**È**-dav-ėte	ne-l**ì̀**p-ote	ne-d**é́**j-ote	N**È**-deg-ėte

К 8-й модели относятся:

- часть первичных глаголов: *dė́ti*, *dẽda*, *dė́jo* ‘класть’;
- часть на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***: *girdė́ti*, *girdi*, *girdė́jo* ‘слышать’;
- большая часть на ***-ėti***, ***-a***, ***-ėjo***: *skubė́ti*, *skùba*, *skubė́jo* ‘спешить’.

К остальным моделям относятся только первичные глаголы, например: *baĩgti*, *baĩgia*, *baĩgė* ‘заканчивать’ (5-я модель); *dúoti*, *dúoda*, *dãvė* ‘давать’ (6-я); *lì̀pti*, *lì̀pa*, *lì̀po* ‘лезть’ (7-я); *dègti*, *dẽga*, *dẽgė* ‘гореть’ (9-я[1]).

[1] В эту же модель можно включить любые глаголы с приставкой *per-*.

Результаты обобщены в табл. 4 (типы на *-yti* и *-inti* разделены на подтипы с ударным и безударным суффиксом, тем самым выделено 16 морфологических типов вместо исходных 14).

Таблица 4

Акцентные модели глаголов по морфологическим типам

Морфологический тип	Акцентная модель									
	Неподвижное ударение	Подвижное ударение								
		переход на окончание (без приставки/ с приставкой)			переход на приставку					
					П	П	Н	Н	ПН	
		П	Н	ПН	переход на окончание					
					Н	–	П	–	–	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	
первичные	+	+	+	+	+	+	+	+	+	
удар. *-yti*				+						
безудар. *-yti*	+									
удар. *-inti*				+						
безудар. *-inti*	+									
-ėti, *-i*, *-ėjo*	+		+					+		
-(i)oti, *-oja*, *-ojo*	+									
-(i)uoti		+								
-(i)auti		+								
-ėti, *-ėja*, *-ėjo*	+									
-ėti, *-a*, *-ėjo*	+		+					+		
-(i)oti, *-o*, *-ojo*	+		+							
-enti				+						
-oti, *-a*, *-ojo*			+							
-inėti	+									
-tel(ė)ti/ -ter(ė)ti	+									

Условные обозначения: Н – настоящее время, П – прошедшее время.

Из таблицы видно, что большинство морфологических типов соответствует единственной акцентной модели. Исключение составляют первичные глаголы и глаголы на *-ėti*, *-i*, *-ėjo*; *-ėti*, *-a*, *-ėjo*; *-oti*, *-o*, *-ojo*.

Первичные глаголы могут принадлежать ко всем акцентным моделям, за исключением 3-й акцентной модели для приставочных глаголов.

Рассмотрим способы отнесения первичных глаголов и глаголы на *-ėti*, *-i*, *-ėjo*; *-ėti*, *-a*, *-ėjo*; *-oti*, *-o*, *-ojo* к конкретным акцентным моделям (на основе [1, p. 147; 2, p. 309, 311]).

1. Неподвижное ударение. Независимо от морфологического типа, неподвижное ударение имеют глаголы с акутовым предпоследним слогом второй и третьей основной формы. Таким образом, к данному классу относятся, например: *áugti*, ***áu**ga*, ***áu**go*; *mylė́ti*, *m**ý**li*, *myl**ė́**jo*; *mokė́ti*, *m**ó**ka*, *mok**ė́**jo*; *ieškóti*, *i**e**ško*, *ieškó**jo*.

2. Переход ударения на окончание в 1 и 2 л. ед. ч. У бесприставочных глаголов ударение переходит на окончание с неакутового предпоследнего слога как в настоящем, так и в прошедшем времени.

У глаголов на *-ėti*, *-i*, *-ėjo*; *-ėti*, *-a*, *-ėjo*; *-oti*, *-o*, *-ojo* в основе прошедшего времени присутствует акутовый суффикс, поэтому у этих глаголов переход возможен только в настоящем времени: *g**ir̃**di* ‘слышит’ – *girdž**ìù* ‘слышу’, *girdì* ‘слышишь’; *sk**ù**ba* ‘спешит’ – *skub**ù* ‘спешу’, *skub**ì* ‘спешишь’; *žìno* ‘знает’ – *žin**aũ*** ‘знаю’, *žin**aĩ*** ‘знаешь’.

У первичных глаголов переход возможен в обоих временах: *dãvė* ‘(он) дал’ – *dav**iaũ*** ‘я дал’, *dav**eĩ*** ‘ты дал’; *dẽda* ‘он кладет’ – *ded**ù*** ‘я кладу’, *ded**ì*** ‘ты кладешь’.

3. Переход ударения на приставку. У глаголов на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***; ***-ėti***, ***-a***, ***-ėjo*** ударение может переходить на приставку только в формах настоящего времени. Так происходит в том случае, если в предпоследнем слоге основы настоящего времени содержится краткий гласный: *g**ù**li* ‘лежит’ – ***nè**guli* ‘не лежит’; *sk**ù**ba* – ***nè**skuba* ‘не спешит’.

Исключение составляют два глагола: *turė́ti*, *tùri*, *turė́jo* ‘иметь, быть должным’ и *galė́ti*, *gãli*, *galė́jo* ‘мочь’. У этих глаголов ударение в настоящем времени не переходит на приставки *te-*, *ne-*, *be-*, *tebe-*, *nebe-* и переходит на все остальные, ср.: ***sù**turi* ‘сдерживает’ – *net**ù**ri* ‘не имеет’; ***nù**gali* ‘побеждает’ – *neg**ã**li* ‘не может’.

Если в предпоследнем слоге основы содержится долгий гласный или дифтонг, ударение на приставку не переходит: *g**ir̃**di* ‘слышит’ – *neg**ir̃**di* ‘не слышит’ (дифтонг); *m**ó**ka* ‘умеет’ – *nem**ó**ka* ‘не умеет’ (долгий гласный).

У первичных глаголов ударение может переходить на приставку как в настоящем, так и в прошедшем времени.

Основное правило для настоящего времени выглядит так же, как и для глаголов на ***-ėti***, ***-i***, ***-ėjo***; ***-ėti***, ***-a***, ***-ėjo***: ударение переходит на приставку в случае, если в предпоследнем слоге основы настоящего времени содержится краткий гласный: *dẽga* ‘горит’ – ***nè**dega* ‘не горит’. Ударение не переходит на приставку в случае долгого слога: *kv**iẽ**čia* ‘зовет’ – *nekv**iẽ**čia* ‘не зовет’. Исключения из данного правила:

1) ударение переходит на приставку у глаголов с чередованием *eR*/*iR* в основных формах: *k**im̃**šti*, *k**em̃**ša*, *k**ìm**šo* ‘запихивать’ (*em/im*) – ***nè**kemša* ‘не запихивает’; *k**ir̃**pti*, *k**er̃**pa*, *k**ir̃**po* ‘стричь’ (*er/ir*) – ***nè**kerpa* ‘не стрижет’; *ti**l̃**pti*, *te**l̃**pa*, *ti**l̃**po* ‘поместиться’ (*el/il*) – ***nè**telpa* ‘не помещается’;

2) ударение переходит на приставку у многих глаголов с дифтонгами *al*, *ar*, *am* в корне: *ka**l̃**ba* ‘говорит’ – ***nè**kalba* ‘не говорит’; *va**r̃**va* ‘капает’ – ***nè**varva* ‘не капает’; *ska**m̃**ba* ‘звучит’ – ***nè**skamba* ‘не звучит’.

В прошедшем времени ударение переходит на приставку у первичных глаголов с неакутового предпоследнего слога (только в основах на *-ė*): *dẽgė* ‘(он) горел’ – ***nè**degė* ‘(он) не горел’. Соответственно, ударение **не** переходит на приставку в случае акутового слога или основы на *-o*: *klá**u**sė* ‘(он) спрашивал’ – *nekl**áu**sė* ‘(он) не спрашивал’ (акут); *l**ì**po* ‘(он) лез’ – *nel**ì**po* ‘(он) не лез’ (*-o*).

Таким образом, в неоднозначных случаях акцентную модель можно определить с помощью правил, опирающихся на фонетику и тип ударения предпоследнего слога основных глагольных форм.

Приведенные правила работают и для остальных морфологических типов, но с двумя оговорками:

1) в настоящем времени, как и с прошедшем, нет перехода на приставку в случае основы на *-o*: *dã**r**o* ‘делает’ – *ned**ã**ro* ‘не делает’;

2) в прошедшем времени нет перехода на приставку у глаголов на *-yti*, независимо от типа ударения предпоследнего слога: *dã**r**ė* ‘(он) делал’ – *ned**ã**rė* ‘(он) не делал’.

Итогом данного исследования акцентных моделей литовских невозвратных глаголов в настоящем и прошедшем времени представляются следующие выводы:

1) 9 акцентных моделей полностью описывают варианты перемещения ударения у глаголов в настоящем и прошедшем времени: 1-я модель характеризуется неподвижным ударением, 2-я – 4-я – переходом ударения на окончание в 1 и 2 л. ед. ч. в одном или обоих временах, 5-я – 9-я модели – переходом ударения на приставку в одном или обоих временах (с переходом ударения на окончание в 1 и 2 л. ед. ч. в одном из рассматриваемых времен либо без такого перехода);

2) выделение для глаголов акцентных моделей представляется целесообразным как с практической, так и с теоретической точки зрения, поскольку морфологический тип глагола в большинстве случаев соответствует единственной акцентной модели (а сам тип однозначно выделяется по формальным признакам), поэтому для 12 из 16 типов не требуется применения дополнительных акцентуационных правил.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Studžia*, *B*. Lietuvių bendrinės kalbos kirčiavimo sistema / B. Stundžia ; VU Baltų filol. katedra. – Vilnius : Petro ofsetas, 1995. – 214 p.
2. Lithuanian Grammar / ed. V. Ambrazas. – Vilnius : Baltos lankos, 2006. – 802 p.
3. *Prosniakova*, *H*. 365 lietuvių kalbos veiksmažodžiai / H. Prosniakova, V. Stumbrienė. – Vilnius : Eugrimas, 2015. – 420 p.

4. *Mikulėnienė*, *D.* Bendrinės lietuvių kalbos kirčiavimo žinynas / D. Mikulėnienė, A. Pakerys, B. Stundžia ; ats. red. A. Pakerys. – 2-asis patais. leid. – Vilnius : VUP, 2008. – 301 p.
5. Kirčiavimas internetu [Elektroninis resursas] / VDU. – Prieigos režimas : http://donelaitis.vdu.lt/main.php?id=4&nr=9_1. – Prieigos data : 25.11.2018.

The article describes the accentual models of Lithuanian non-reflexive verbs in the present and the past tense depending on their morphological type. It is shown that in most cases the morphological type of the derived verb determines its accentual properties. Also, the rules are provided to specify the accentual model of the verb in an ambiguous case.

Поступила в редакцию 01.02.2019

Т. В. Еромейчик

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ В РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Статья посвящена рассмотрению феномена некоммерческой рекламной коммуникации как инструмента конструирования определенной социальной реальности и трансляции культурно-специфичных ценностей. Автор реализует сопоставительное исследование ценностных ориентаций, транслируемых посредством рекламной коммуникации американских и белорусских некоммерческих организаций. Особое внимание уделяется видовой специфике, репертуару и интенсивности актуализации конкретных ценностей, а также лингвистическим средствам их реализации. В результате определяется социальная роль рекламной коммуникации и выявляются доминантные и периферийные ценности каждого из языковых сообществ.

Современная реклама как важный компонент социокультурного пространства представляет собой не только прагматическую коммуникацию, нацеленную на создание положительной мотивации в отношении рекламируемых объектов, но и своеобразный информационный ориентир общества, выполняющий ряд функций социального, идеологического, образовательного и эстетического плана.

Назначением рекламной коммуникации, таким образом, становится формирование для конкретной общности системы определенных норм, идеалов и ориентиров, способствующих социализации и адаптации личности в социуме. В большей степени это положение релевантно для рекламной коммуникации некоммерческих организаций, которую можно определить как «форму социальной практики, направленную на конструирование нормативной социальной реальности и обеспечение устойчивости связей и отношений в рамках общества» [1, с. 5]. По мнению Н. Н. Грибок, такая коммуникация «обращается к человеку как гражданину, представителю социума, и побуждает его не к покупкам, а поступкам» [2, с. 25].

Другими словами, суть данной формы социального взаимодействия сводится к привлечению внимания к самым актуальным феноменам общества и его нравственным ценностям, формированию общественного сознания,

усилению общественных связей, изменению поведенческой модели общества и гуманизации общественных отношений. Как отмечает М. А. Тертычная, «некоммерческая реклама выступает составным элементом массово-коммуникационной деятельности и одним из инструментов выявления “болевых точек” социальной жизни, формирования социально-значимых установок, продвижения важных для общества ценностей и моделей поведения» [3, с. 11].

При этом, рекламная коммуникация некоммерческих организаций отличается от рекламы в целом по параметрам своих инициаторов и максимально широкой адресованности, не зависящей от социально-демографического статуса [4, с. 2–3]. В качестве основных субъектов социальной рекламы способны выступать различные некоммерческие институты (благотворительные фонды, больницы, церкви и т.д.); профессиональные, торговые и гражданские ассоциации; государственные организации (налоговая полиция, армия, почтовая служба, министерство здравоохранения и т.д.). Характер деятельности во многом определяет направленность осуществляемой ими рекламной коммуникации и ее функциональный репертуар, в частности, информационные, воспитательные, идеологические и социоинтегративные потенции.

Для конкретизации актуальных ценностных ориентаций американского и белорусского общества нами было предпринято исследование 250 контекстов англоязычной и белорусско- и русскоязычной рекламной коммуникации некоммерческих организаций за период с 1989 по 2019 гг. Указанный корпус был подвергнут лексикографическому, контекстологическому и статистическому анализу, цель которого состояла в определении общего круга ценностей, востребованных смысловым полем американской и белорусской социальной рекламы, а также составлении иерархии ценностных ориентаций конкретного общества. Под ценностными ориентациями при этом понимаются предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и готовность или неготовность согласовывать индивидуальное поведение с ними [5]. Следовательно, ценностные ориентации трактуются нами как специфические явления, задающие общую направленность интересам и устремлениям индивида и определяющие иерархию его предпочтений, целевую и мотивационную программы. При этом ценностные ориентации в рекламной коммуникации некоммерческих организаций раскрываются через оценки конкретных явлений, составляющих предмет данной коммуникации.

Проведенный анализ показал, что для социальной рекламной коммуникации в обоих социумах характерна трансляция морально-этических (любовь, доброта, бескорыстие, порядочность, справедливость, совесть, долг, духовность и т.д.), витальных (безопасность, здоровье, экология, жизнь и т.д.), общественно-социальных (коммуникации, традиционность, дисциплина, независимость, семья, спорт, лидерство и т.д.), интеллектуально-познавательных (знания, профессионализм, образование и т.д.) и гражданско-

политических (патриотизм, конституция, мир, свободы, законопослушность и т.д.) ценностей. Различия заключаются в репертуаре конкретных ценностей в каждой группе и интенсивности их актуализации.

Наиболее представительной в англоязычной социальной рекламной коммуникации является группа морально-этических ценностей. Данная группа включает 9 позиций, процентное соотношение которых иллюстрирует диаграмма (рис. 1).

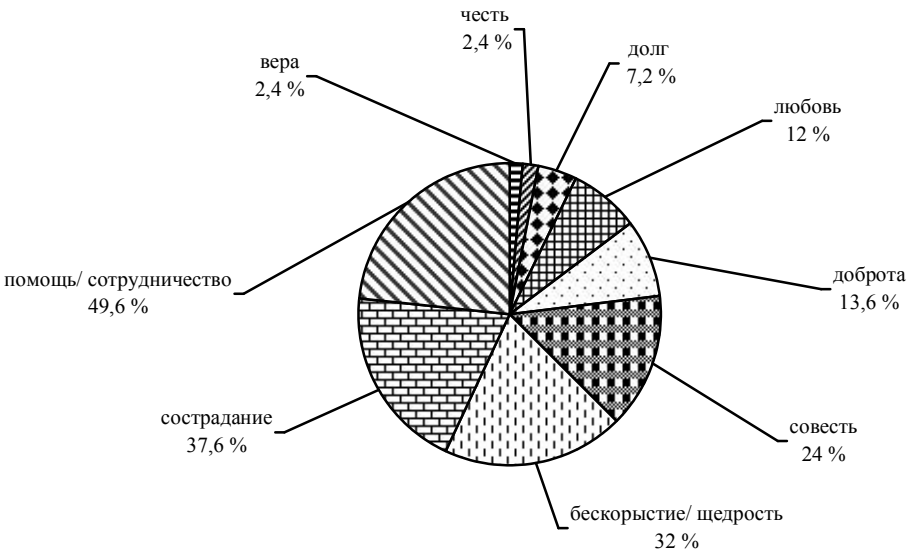


Рис. 1. Морально-этические ценности в англоязычной социальной рекламе

Доминантной морально-этических ценностей в англоязычной социальной рекламе является помощь/сотрудничество (49,6 % сообщений). Данная ценность репрезентируется на текстовом уровне посредством частных утилитарных оценок: *Give a Kid a Hand. Some of us believe we can change things or at least try. And we need your help. No, don't reach for your pocket. It's not your money – it's you we want. In your community there are dozens of ways you can make personal contact with kids and make a difference to their lives. Maybe you'll help one to laugh. Maybe you'll just be the hand that holds out a little hope. Come on. Help us Give a Hand. International Advertising Association* (Newsweek. – 2001, Feb. 5).

Второй по значимости ценностью данной группы является сострадание (37,6 % сообщений), маркером которого выступают частные эмоциональные оценки: *So this is Christmas! Another day of Hunger and Disease. For many families all around the world, Christmas is just another 24 hours of suffering. Pain. Poverty. Another day of rummage in garbage, hoping to find a scrap to eat. To watch children who have never owned a toy. Never eaten a decent meal. Sponsor a Needy Child through Christian Children's Fund today. Make every day seem like Christmas. Christian Children's Fund of Canada* (Time. – 1989, Dec. 25).

Большой значимостью для американского социума обладают бескорыстие и щедрость, апелляция к которым характерна для 32 % рекламных сообщений, где данные ценности актуализируются при помощи частных утилитарных и параметрических оценок с признаками размер/степень и количество: *She may not have to fight another war, but feeding her kids is still a battle. 30000 of Israel's new immigrant families live below the poverty line. Because of your campaign gift, the Joint Distribution Committee can help provide a safety net of social services. Make your increased gift today. At home, in Israel and in 58 countries, no gift touches more lives. UJA Federation Campaign* (Newsweek. – 1997, Feb. 10).

К группе приоритетных морально-этических ценностей, детерминирующих мотивацию американских граждан, принадлежит совесть (24 % сообщений), представленная в рекламном тексте посредством частных этических и параметрических оценок количества: *Tugume doesn't ask: "Is world poverty too big to handle?" 80 $ billion could solve world poverty (nearly 10 times that sum is spent on arms). Tugume knows a life of poverty can be changed, even after the disaster and genocide of Rwanda. The world has the technology, the techniques and the money to fix poverty, hunger, provide basic health, education, clean water, sanitation and family planning and alleviate income poverty around the globe. Yet the world spends almost 10 times this amount (US 780$ billion) on military expenditure each year. We can afford to eradicate poverty. All we have to do is to stop tolerating a world where poverty exists. World Vision* (Newsweek. – 1999, Oct. 4).

При этом проведенное исследование свидетельствует о том, что такие ценности, как вера (2,4 % сообщений), честь (2,4 % сообщений), долг (7,2 % сообщений) находятся на периферии системы ценностных отношений в американском обществе.

Второй по значимости и разнообразию в рекламной коммуникации американских некоммерческих организаций является группа витальных ценностей, включающая 4 позиции: жизнь (10 % сообщений), экология (12 %), безопасность (21,6 %), здоровье (29,6 % сообщений). Наиболее частотной ценностью данной группы является здоровье, репрезентируемое в рекламном тексте посредством общих медицинских и гедонистических, а также частных нормативных оценок: *Partnering against TB. Twenty-two developing countries carry the burden of 80 % of the world's cases of TB. Spreading through the air when people cough, sneeze, or simply speak, its current rate of infection is one person per second. BD is pleased to work with FIND to provide equipment, reagents, training, and support to the public health sector in high-burdened countries on terms that will enable them to purchase and implement these on a sustainable basis. BD – Helping people live healthy live* (The Economist. – 2005, Apr. 21).

Относительно высокой значимостью в англоязычном корпусе обладают такие ценности, как безопасность: *Frank Shelly thought he kept his handgun well out of the reach of his four year toddles, Stacy. He underestimated the*

resourcefulness of his only child. She pushed a coffee table next to a cabinet, climbed on the table, stood on some books, pulled his gun from the top shelf, shot herself. If you think your kids aren't smart enough to find your handgun, please think again. Cease fire. A Home is no place for a handgun (Newsweek. – 1997, Oct. 27) и экология: *Take a moment to reflect upon the clean waters of an urban river. As the lifeblood of our cities, clean urban rivers enhance the quality of life for millions of Americans around the nation. They ensure the purity of local drinking water, preserve habitats for fish and wildlife, and herald the revitalization of city waterfronts. Since 1979, Friends of Chicago River has been working to reclaim this once neglected and polluted river as an integral, living resource for the city. The thousands of Friends who care for and support the river are making steady progress. But they can't do it alone. Find out how you can help* (The New Yorker. – 1997, June 16).

Наименее представительными в рекламной коммуникации американских некоммерческих организаций оказались группы общественно-социальных, интеллектуально-познавательных и гражданско-политических ценностей.

Первая из них включает такие позиции, как ориентация на будущее (2,4 % сообщений), семья (7,2 % сообщений), прагматизм (8 % сообщений): *If your most valuable assets were at risk, wouldn't you protect them? Domestic violence affects 1 in every 4 women. It costs American business over 3$ billion each year. Domestic violence is the leading cause of injury to women in our country, and its impact extends from the home to the workplace. The result? Shattered lives and billions of dollars in business losses annually due to absenteeism, turnover, medical expenses and lower productivity* (The New Yorker. – 2004, Oct. 18).

Втора группа представлена такими ценностями, как профессионализм (2,4 %) и образование (2,4 %): *The cost of education is nothing compared to the price of ignorance. The best investment we can make as a nation is the money spent on education and training* (Newsweek. – 1995, Oct. 2).

К третьей группе принадлежат ценности единства (7,2 % сообщений): *In America we share a common spirit that binds us together when times are tough and unites us in action when people are suffering. America is a place where we take care of each other. When you help the American Red Cross, you help America* (The New Yorker. – 2005, May 23) и равенства (8 % сообщений): *America can't compete unless She can. But in schools, girls are discouraged from taking the science and math courses they'll need for America to compete in the future. Girls hear that math is too tough for them. Girls get called on less than boys in the classroom. Even tests and textbooks stereotype and ignore women and girls. Don't let anyone tell her she can't compete* (Time. – 1996, Apr. 15).

В отношении белорусско- и русскоязычной рекламной коммуникации некоммерческих организаций было установлено, что наиболее значимой здесь является группа витальных ценностей, распределение которых представлено в следующей диаграмме (рис. 2).

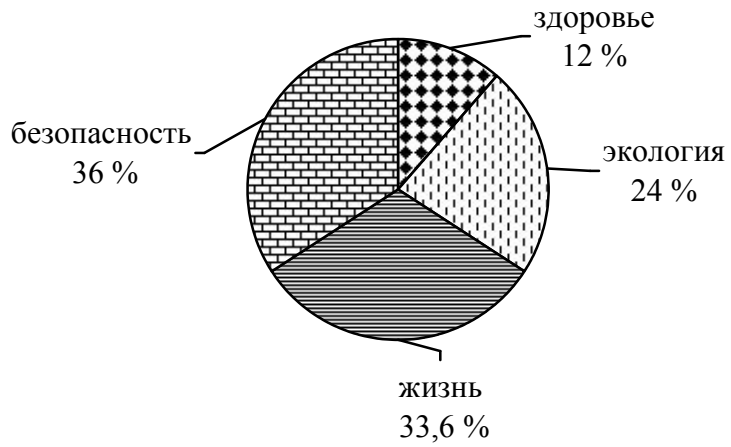


Рис. 2. Витальные ценности в белорусской социальной рекламе

Согласно результатам исследования доминантной для белорусского общества является ориентация на безопасность (36 % сообщений), манифестируемая в рекламном тексте частными утилитарными оценками: *Зачем испытывать судьбу? Помощь пострадавшим от торговли людьми. Консультации по вопросам выезда и безопасного пребывания за границей. Программа Европейского Союза и программа развития ООН «Борьба с торговлей женщинами в РБ»* (Наружная реклама, 2009).

Лидирующие позиции в группе витальных ценностей принадлежат также ценности понятия «жизнь» (33,6 % сообщений), которая репрезентируется общими медицинскими, частными нормативными и утилитарными оценками: *Небрежное обращение с газом – это не только материальный ущерб, но и опасность для жизни Вас и окружающих. «Мингаз» предупреждает* (Телереклама, 2010); *Жизнь выбирай! Республиканский центр гигиены, эпидемиологии и общественного здоровья Республики Беларусь* (Наружная реклама, 2011).

Относительно высокой частотностью употребления отличается ценность экологии (24 % сообщений): *Рыба не паскардзіцца. Беражыце чысціню вадаёмаў. Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь* (Наружная реклама, 2015); *Мы за землю сегодня в ответе* (Наружная реклама, 2015); *Не патрэбны нашчадкам такі след на зямлі* (Наружная реклама, 2015); *Ці твая машына карова? Не паркуй на газоне* (Наружная реклама, 2015).

Следующей по значимости в белорусской рекламной коммуникации некоммерческих организаций является группа гражданско-политических ценностей. Данная группа включает такие позиции, как равенство (2,4 % сообщений): *«Делать деньги труднее, чем сидеть дома с ребенком». Мужчины, которые так говорят, либо лжецы, либо дураки. Но ты же не такой. Министерство здравоохранения Республики Беларусь. UNICEF* (Телереклама, 2009); национальный язык (21,6 % сообщений): *Кавун. Смак*

беларускай мовы (Наружная реклама, 2017), *Беларуская мова ўнікальная. Пантофлі. Фатэль. Патэльня* (Наружная реклама, 2015); родина (25,6 % сообщений): *Я люблю Беларусь* (Наружная реклама, 2018); *Мы Беларусы!* (Наружная реклама, 2017).

Низкой частотностью употребления в социальном рекламном дискурсе Беларуси отличается группа общественно-социальных ценностей, включающая такие позиции, как активность/спорт (4 % сообщений): *Спорт. Активный образ жизни. Живи полноценной жизнью. Министерство здравоохранения Республики Беларусь* (Телереклама, 2007) и семья (7,2 % сообщений): *Наше счастье продолжается в детях* (Наружная реклама, 2014).

Самыми малочисленными в белорусской социальной рекламе оказались группы морально-этических и интеллектуально-познавательных ценностей. Первая из них включает пять позиций, а именно долг (2,4 % сообщений), любовь (8 % сообщений), бескорыстие/щедрость (2,4 % сообщений), сострадание (2,4 % сообщений): *В среднем человек помнит до 1,5 % того, что с ним происходило до 4-х лет. Запоминаются самые яркие моменты жизни. Помогите этим детям забыть, что они жили без родителей. Детский дом* № 7 (Телереклама, 2008). Вторая группа представлена ценностями образования (3,2 % сообщений) и интеллекта (4 % сообщений): *Знаете, средние показатели IQ в регионах с выраженным йодным дефицитом на 12–20 % ниже, чем без такового. Ешьте йодированную соль для того, чтобы быть здоровым, очень сильным и очень умным. Просто йодированная соль. Достаточно одной щепотки. Министерство здравоохранения Республики Беларусь* (Телереклама, 2007).

Таким образом, в ходе исследования был выявлен общий круг ценностных ориентаций в рекламной коммуникации американских и белорусских некоммерческих организаций. Анализ их частотности позволил установить доминантные и периферийные ценности каждого из социумов, продемонстрированные на рис. 3 и 4.

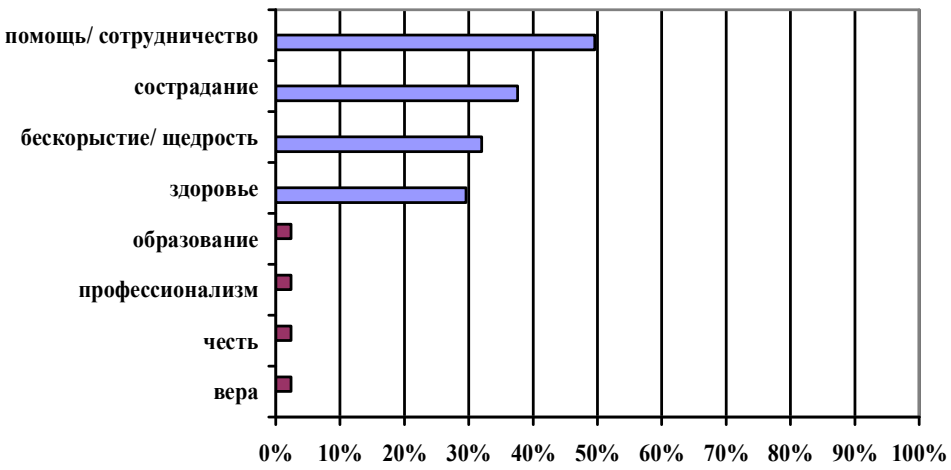


Рис. 3. Доминантные и периферийные ценности
в американской социальной рекламе

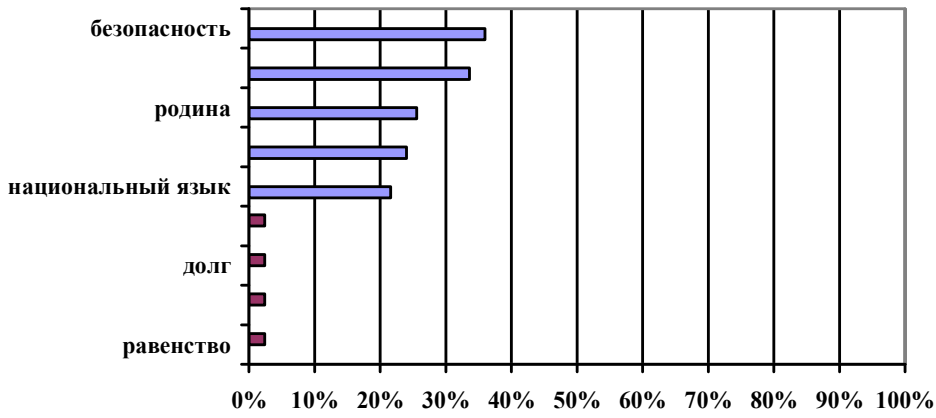


Рис. 4. Доминантные и периферийные ценности
в белорусской социальной рекламе

Целевую и мотивационную программы в американском обществе задают такие гуманистические ценности, как помощь/сострадание, бескорыстие/щедрость. Апелляции преимущественно к данным ценностям детерминируются в значительной степени особенностями деятельности субъектов американской социальной рекламы – благотворительных фондов и организаций. При этом высокий уровень жизни и благосостояние населения снижают актуальность витальных ценностей и делают невостребованными веру и образование.

В белорусском социуме, наоборот, преобладают ориентации на безопасность и самосохранение в связи с существующими непростыми экологическими и социально-психологическими условиями жизни. По этой причине неактуальными для белорусов становятся сострадание и бескорыстие/щедрость. Кроме того, в качестве субъектов белорусского социального дискурса выступают государственные организации, пропагандирующие такие основные ценности социальной политики, как родина и национальный язык, которые способствуют формированию патриотического гражданского общества молодой республики.

Таким образом, рекламная коммуникация некоммерческих организаций посредством трансляции культурно-специфичных ценностных ориентаций обеспечивает целостность и устойчивость определенного общества, а также создает достаточно гибкий уровень его регуляции.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Маркин, И. М.* Институционализация социальной рекламы в России : автореф. дис. … канд. социол. наук : 22.00.04 / И. М. Маркин ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 19 с.
2. *Грибок, Н. Н.* Социальная реклама : учеб. пособие / Н. Н. Грибок. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – 75 с.

3. *Тертычная, М. А.* Социальная реклама в Интернете : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / М. А. Тертычная ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2012. – 24 с.
4. *Киреев, С. А*. Дискурс и концептосфера социальной рекламы : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.19 / С. А. Киреев ; Волгоград. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2008. – 19 с.
5. Всемирная энциклопедия: Философия. XX век / под ред. А. А. Грицанова. – М. : АСТ; Минск : Харвест; Современный литератор, 2002. – 976 с.

The article is meant to explore the phenomenon of non-profit advertising communication as an instrument to establish a particular social reality and to disseminate culture specific values. The author carries out a contrastive analysis of value perspectives, encoded in the advertising discourse of American and Belarusian non-profit organizations. Special attention is paid to the type specificity, repertoire and intensity of concrete values, as well as the linguistic means of their actualization. The complex research determines a social role of advertising communication and reveals dominant and peripheral values in each of the language communities.

Поступила в редакцию 11.02.2019

В. Ю. Костюченко

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ СЕТЕВЫХ ТОК-ШОУ И ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯХ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ, ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

В статье исследованы оценочные модальные значения в русских и английских сетевых ток-шоу и комментариях. В рассмотренных совокупностях аксиологических значений релевантны следующие оппозиции: 1) противопоставление положительных и отрицательных оценок: во всех четырех подкорпусах текстов преобладают положительные оценки, при этом в английских интернет-текстах средний процент выше, чем в русских; 2) противопоставление общеоценочных и оценочно-дескриптивных прилагательных и наречий: в текстах на обоих языках доминируют оценочно-дескриптивные значения; 3) соотношение денотативных и коннотативных оценок: в обоих языках и жанрах преобладают денотативные значения, однако удельный вес субъективной оценочности выше в русских и английских интернет-комментариях. Это свидетельствует о том, что в данном жанре оценочная модальность в высокой степени стимулирована субъективно-личностными пристрастиями и интенциями говорящих.

1. Оценочные значения в аспекте модальной логики и речевой прагматики. Понятие «оценка» не лингвистическое и даже не междисциплинарное: оно общечеловеческое, людям необходимо различать добро и зло и понимать, каковы основания для собственных оценок. Е. М. Вольф, говоря о центральной роли аксиологических значений в жизни человека, отмечает, что «объективный мир членится говорящими с точки зрения его ценностного характера – добра и зла, пользы и вреда и т.п.», оценочные концепты

обусловлены социально и «весьма сложным образом отражены в языковых структурах» [1, с. 5]. Слова со значением ‘(о)ценить’, ‘оценивать’, ‘оценка’, ‘ценный’, ‘ценность’ принадлежат языковой семантике и обыденному сознанию (здравому смыслу). Понятие ‘оценивать’ (‘оценка’) представлено во всех языках, имеющих письменность, о нем издавна размышляли философы и логики. Модальность оценки входит в систему категорий модальной логики наряду с такими широкими модальными категориями, как познавательная (эпистемическая и алетическая) модальность, побудительная и деонтическая модальности, а также метаязыковая модальность. Эти крупные модальные категории задают смысловую область категории модальности в мышлении и языке. Однако крупным модальным классам в логике соответствует определенный состав языковых средств (грамматических и лексических). Логики обычно не обращают внимание на эмоциональный аспект мышления или сознания, в то время как у лингвистов ощущение связи между оценкой и эмоциональным состоянием настолько сильное, что понятие «оценочная лексика» часто трактуется как «эмоционально-оценочная лексика». В лингвистической и особенно в лексикографической практике были выработаны системы прагматических помет, которые указывают на все разнообразные виды оценочно-прагматических коннотаций, присутствующих в содержании слов и фразем. В Лингвистическом энциклопедическом словаре (2002) нет словарной статьи с термином «оценка», однако в предметном указателе есть ряд словосочетаний с этим словом и его дериватами («оценка содержания высказывания», «оценка речи», «оценочная коннотация» и т.д.). Все это свидетельствует о высокой практической значимости исследования аксиологии языка.

Проблематика данной статьи сосредоточена на исследовании аксиологической модальности в ряде жанров интернет-коммуникации. Материалом исследования послужили 16 000 словоупотреблений сетевых ток-шоу с участием актеров (16 фрагментов (по 1 000 слов каждый), по 8 фрагментов на русском и английском языках) и 16 000 словоупотреблений интернет-комментариев к ним или ток-шоу такого же формата. В рассмотренных русских и английских ток-шоу собеседники не касаются острых политических тем, социальных проблем. Поэтому для рассматриваемых текстов характерна умеренная степень полемики и экспрессии, отсутствие инвективов. Участники обсуждают театрально-кинематографические темы, а на периферии находятся житейские, семейно-бытовые, в некоторых случаях развлекательные вопросы.

Во всей совокупности зафиксированных модальных фактов (2 113 фактов в ток-шоу и 2 734 – в сетевых комментариях на русском языке и соответственно 1 464 и 1 994 фактов в английском материале) оценочные модальные значения составляют 14,91 % (315 словоупотреблений) в ток-шоу и 33,91 % (927) в комментариях на русском языке и соответственно 16,8 % (246) и 32,95 % (657) в английских интернет-дискуссиях.

Непосредственная связь аксиологической модальности с эмоциональной сферой говорящего и коммуникативной целью высказывания делает эту категорию в высокой степени прагматичной. Оценочные высказывания так или иначе стремятся воздействовать на собеседника (похвала, одобрение, поощрение, восхищение, осуждение, выражение предпочтений, совет, оскорбление): «Заключенная в ней [оценке. – *В. К.*] похвала не есть неадресованное выражение эмоции, она имеет целью вызвать у адресата определенное психологическое состояние, то есть отражает не собственно семантический, а прагматический аспект знаковой ситуации» [2, с. 153]. Ю. Д. Апресян подчеркивает, что в оценочных словах прагматическая направленность на адресата в большинстве случаев оказывается важнее, чем передача собственной оценки (принадлежащей говорящему) [3, с. XXXIX].

2. Лексико-грамматические разряды оценочных слов. Насколько разнообразны эмоции в жизни людей, настолько всеобъемлюще они проявляются в речи. Сложность и семантическая диффузность аксиологических модальных значений объясняется их связью с внутренними установками и психологическими особенностями говорящего. Оценочная модальность максимально антропоцентрична: «Для того чтобы оценить объект, человек должен “пропустить” его через себя: природа оценки отвечает природе человека» [4, с. 181].

Исследователь Н. Д. Арутюнова подчеркивает, что «аксиология допускает весьма неоднородные по своему составу классы» [5, с. 6]. Аксиологическая модальность в рассматриваемых интернет-текстах выражается лексемами следующих классов слов: 1) общеоценочные прилагательные и наречия (*прекрасный*, *ужасный*, *шикарно*; англ.: *gorgeous* ‘великолепный’, *disgusting* ‘отвратительный’, *nice* ‘хороший’); 2) оценочно-дескриптивные прилагательные и наречия (*гениальный*, *добрый*, *стильный*, *скучновато*; *rude* ‘грубый’, *talented* ‘талантливый’, *sincere* ‘искренний’); 3) глаголы, выражающие эмоционально-оценочное отношение или состояние (*осуждать*, *любоваться*, *восхищаться*; *have respect (look up to)* ‘уважать’, *adore* ‘обожать’, *appreciate* ‘ценить’); 4) междометия (междометные слова) (*Браво! Класс! Фуу!*; *Mhh*, *Hey*, *Wow*, *Uggh* [как выражение восхищения, удивления, досады и т.п.]); 5) вводные слова и обороты (*Боже мой*, *батюшкин свет* [от батюшки светы]; *Thanks God* ‘слава Богу’, *unfortunately* ‘к сожалению’); 6) оценочные предикаты состояния (*рад*, *жаль*, *стыдно*); 7) существительные (*козлина*, *бездарь*, *грязнуля*, *молодец*; *beauty* ‘красавица’); 8) фраземы и свободные сочетания слов (*глаз не оторвать*, *ни кожи, ни рожи*, *все соки выжала*, *искру не высекает*, *цепляет за душу*, *быдло пахучее*, *гнида с гнилой пастью*, *нет сил смотреть*; *intellectually endowed* ‘интеллектуально одаренный’, *cutie pie* ‘милашка’, *borderline alcoholic* ‘о человеке, который напоминает какими-то чертами, поведением алкоголика’, *monotone motormouth* ‘о человеке, который говорит занудно (скучно) и слишком

много’). Слова и фраземы перечисленных групп, как правило, являются частью предикативной или глагольной конструкции и выполняют роль сказуемого.

Содержание аксиологических модальных значений в значительной степени обусловлено контекстом (ситуацией общения) и характером межличностных отношений между участниками беседы: ***Дергается, чешется****, диагноз на лицо* [Макр]; *Обе, возможно, личности, но как актрисы* ***не запомнились*** [Борск]. В следующих высказываниях лексемы *брутальный*, *absent in mind,* которые, как правило, имеют отрицательные семы в своем значении [6; 7], приобретают положительную оценку: *Был такой* ***брутальный****, а сейчас... убитый вид, и очень ему не идет* [Макр]; *The cutest thing about Rooney is, she is always seems* ***absent in mind*** *as if she’s still a young kid and keeps forgetting what she was talking or thinking about, so every word came from her mouth feels so true* ‘Самая милая вещь в Руне – она всегда кажется какой-то рассеянной, как будто она все еще маленький ребенок и постоянно забывает то, о чем она говорила или думала, поэтому каждое слово, которое вышло из ее уст, кажется таким правдивым’ [Mara].

В неоднозначных случаях при определении модального значения использовался парадигматический метод перифразирования, состоящий в подборе синонимических конструкций, которые могут выразить близкое значение, но другими средствами, более ясными по своей грамматической или лексико-семантической организации, например: *Почему Мария Каллас в меня* ***входит*** [‘нравится, понятна говорящему’, аксиологическая модальность] *и меня* ***трогает*** [‘задевает, беспокоит чувства говорящего, вызывает положительные эмоции, переживания’, аксиологическая модальность] [Сигл]. Также применялся прием экспериментального распространения высказывания: *I felt like your performance was* ***so nuance*** ‘Я чувствовал, что твоя игра была настолько тонкой’ [и это хорошо]. *The script was very* ***efficient*** *and there* ***wasn’t anything extraneous*** ‘Сценарий был очень умело написан, и там не было ничего лишнего’ [и это хорошо] [Carl].

3. Соотношение положительных и отрицательных аксиологических модальных значений в русских и английских сетевых текстах. В целом людям свойственно в большей степени обращать внимание на отрицательные явления в жизни и поведении людей, чем на положительные моменты, которые в большинстве случаев воспринимаются как норма и вызывают меньше эмоций. М. Я. Гловинская отмечает, что «лексика отрицательной оценки (в широком смысле, включая прагматическую отрицательную оценку некоторых действий или объектов), как хорошо известно, гораздо более разнообразна и богата, чем лексика положительной оценки» [8, с. 202]. В рассматриваемых интернет-текстах преобладают положительные аксиологические модальные значения. Удельный вес аксиологических модальных значений показан в таблице.

Количественная представленность аксиологических модальных значений в русских и английских интернет-дискуссиях

Жанр и язык интернет-коммуникации	Количество фактов и процент в совокупном массиве аксиологических модальных значений		
	Всего	Оценка	
		положительная	отрицательная
Ток-шоу на русском языке	315 (100 %)	210 (66,67 %)	105 (33,33 %)
Комментарии на русском языке	927 (100 %)	621 (67 %)	306 (33 %)
Ток-шоу на английском языке	246 (100 %)	200 (81,3 %)	46 (18,7 %)
Комментарии на английском языке	657 (100 %)	562 (85,54 %)	95 (14,46 %)

При общем преобладании положительных оценок в рассматриваемых интернет-текстах их количественная представленность выше в английском материале. Английские коммуниканты по сравнению с русскими значительно чаще употребляют положительные аксиологические модальные значения. Такое значительное расхождение в соотношении положительных и отрицательных модальных значений в русском и английском материале, а также широкое использование суперлятивных и экспрессивных общеоценочных прилагательных английскими собеседниками свидетельствуют о том, что для английской коммуникативной культуры характерна демонстрация доброжелательности и позитивного отношения к окружающим. Они в большей степени по сравнению с русскими собеседниками дают высокую эмоциональную оценку предметам и явлениям, качествам и действиям собеседника. Т. В. Ларина такую черту коммуникативного поведения называет «аттрактивность», или «демонстративная приветливость» [9, с. 324]. С точки зрения русских культурных норм, подобное стремление к преувеличению, многословию и комплиментарности чрезмерны, неуместны и могут в некоторых случаях вызвать негативную реакцию: эти коммуникативные усилия могут казаться неискренними. Русские люди легко сближаются в процессе коммуникации, что дает возможность выражать свои оценки более открыто, и это не мешает процессу коммуникации.

4. Оппозиция общеоценочных и оценочно-дескриптивных значений в исследованных сетевых текстах. Общепринято противопоставление оценочных прилагательных и наречий («хороший», «плохой», а также их синонимы) оценочно-дескриптивным – в семантику которых «входит какой-либо дополнительный компонент, относящийся к структуре оценки» [4, с. 194]. В терминологии Н. Д. Арутюновой, это общеоценочные и частнооценочные прилагательные [5, с. 12]. Общеоценочные прилагательные не указывают на какие-либо определенные, конкретные признаки предмета, а объединяют в себе совокупность разнородных свойств

(*потрясающий*; англ. *wonderful* ‘великолепный’). Данные прилагательные выражают «холистическую оценку, аксиологический итог», в то время как оценочно-дескриптивные прилагательные характеризуют какой-то определенный признак, свойство предмета или явления (*рассудительный*, *эмоциональный*; *responsible* ‘ответственный’), то есть дают оценку «одному из аспектов значения с определенной точки зрения» [5, с. 12]. В русских и английских интернет-текстах преобладают оценочно-дескриптивные прилагательные и наречия. На диаграмме (рис. 1) показаны количественные различия между русскими и английскими интернет-дискуссиями по представленности в них общеоценочных и оценочно-дескриптивных прилагательных.

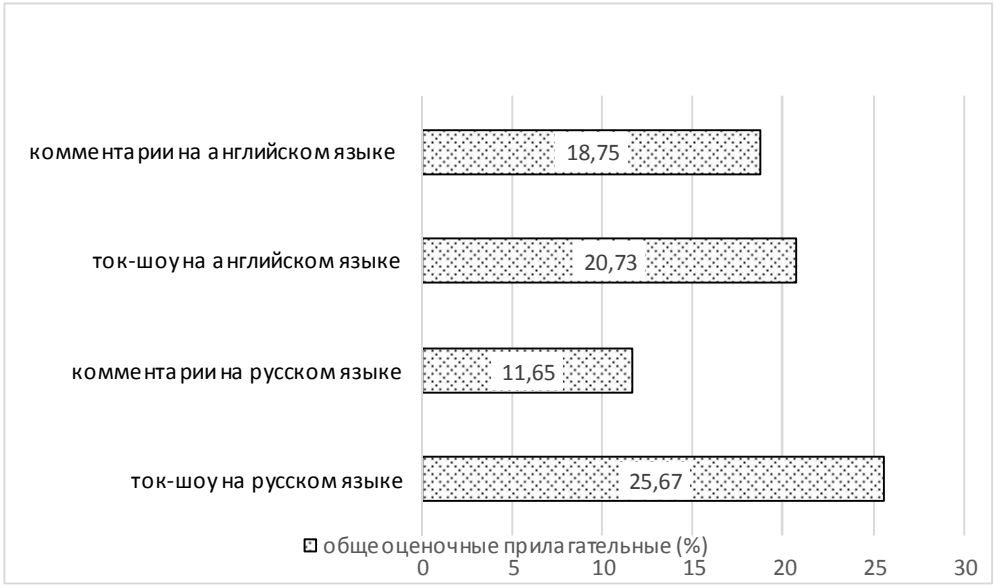


Рис. 1. Количественная представленность общеоценочных прилагательных в русских и английских интернет-текстах

Несмотря на то, что в русском и английском материале преобладают оценочно-дескриптивные прилагательные, в английских текстах наиболее частые слова – это общеоценочные экспрессивные прилагательные (*great*, *amazing*), которые потеряли свое первоначальное значение и выступают как ритуализированные коммуникативные действия, направленные на то, чтобы показать заинтересованность и позитивное отношение к окружающим. В русских интернет-комментариях наиболее частые слова относятся к оценочно-дескриптивной лексике и отражают естественные чувства и эмоции, коллективные ценности (*умный*, *красивый*, *талантливый*).

5. Языковые механизмы субъективной оценки в рассмотренных четырех корпусах текстов. В русском и английском языках есть слова, которые обозначают такие предметы, признаки, действия, которые всеми людьми оцениваются как плохие, нежелательные: *смерть*, *враг*, *больной*,

подлый, *грязный*, *издеваться*. Оценочность таких слов связана с их основным прямым значением, при этом они не имеют оценочной коннотации (образной, стилистической, экспрессивной). Такую аксиологическую модальность будем называть денотативной [10]. Денотативные оценочные значения отражают ценностную картину мира, ее существенные черты. «Оценочность денотативных оценочных значений устойчива, общепринята и поэтому представляется говорящим объективной» [10, с. 302]. Коннотативная оценочность, напротив, представляет собой добавочные, оттеночные со-значения, которые создаются особыми языковыми средствами и существуют обычно в синонимичном ряду (*запах – вонь – аромат*), являясь релятивным свойством слова. Коннотативное значение выступает как вторичная оценочность по отношению к денотативной и затрагивает в большей степени прагматическую часть семантики слова (усиливает перлокутивный эффект сообщаемого). Ниже представлены признаки наличия в слове или номинативной фраземе коннотативного значения:

1) лексикографические прагматико-стилистические пометы (*дешевка* (пренебр.), *зануда* (разг.-сниж.), *бездарь* (презрит.), *вульгарщина* (пренебр.); *dreck* (informal ‘про что-то очень плохого качества’), *hooked* (informal ‘помешенный на чем-либо’), *snooty* (informal ‘высокомерный, презрительный’), *nerd* (informal ‘болван, тупица’), *insane* (informal ‘ненормальный, безрассудный’) [7];

2) узуальная образность (слово употребляется не в прямом, а во втором/третьем словарном значении): ***Тонкой души*** *человек* [Макр]; ***Светлый*** *человек*; ***Море*** *обаяния и харизмы* [Кулк]; *Он совершенно приходит* ***пустой*** [Алдн]; ***Warm*** *and welcoming person* ‘Теплый и гостеприимный человек’; *No weird* ***tensions*** ‘Нет непонятного напряжения’ [Ston]; ***Powerful*** *movie* ‘Мощное кино’ [Mullg]; *I love directors I* ***worship*** *them* ‘Я люблю режиссеров, я боготворю их’ [Carl];

3) модально маркированные аффиксы (***Бревнышко*** *российского кинематографа*; *Бесталанная* ***актрисулька*** *провинциального театра, не больше!* [Борск]; ***Талантище*** [Кулк]; *I was* ***so overjoyed*** ‘Я была вне себя от радости’ [Ston]). Случаи индивидуально-авторского словообразования: ***потрясэ***; ***Прекрасница*** *она...* [Снатк];

4) отсутствие стилистической маркированности у слов, однако семантика их не нейтральна, они отличаются своим воздействующим потенциалом и выразительностью (*потрясающий*, *очаровательный*, *гениальный*, *любоваться*; *amazing* ‘удивительный, изумительный’, *stellar* ‘звездный’, *fascinating* ‘очаровательный, пленительный’, *outstanding* ‘выдающийся’, *admire* ‘восхищаться’). Коннотация выступает как релятивный компонент слова, который хорошо виден на фоне синонимичного ряда. На диаграмме (рис. 2) показана представленность коннотативных значений в сетевых токшоу и интернет-комментариях.

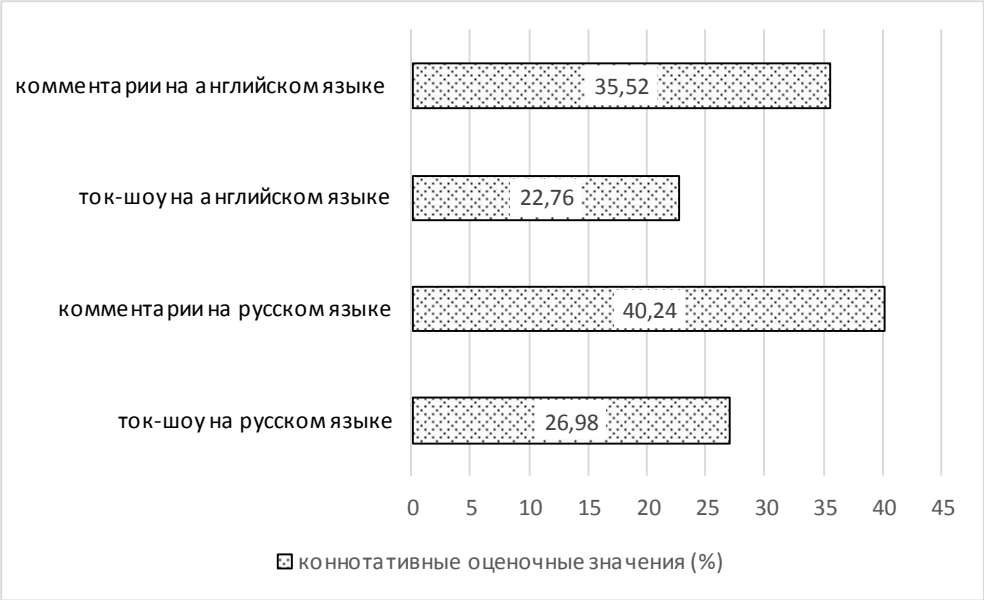


Рис. 2. Количественные различия между исследованными русскими и английскими текстами интернет-дискуссий по представленности в них фактов коннотативных аксиологических значений

Преобладание денотативных оценочных значений связано с тем, что они образуют когнитивно-этическое основание, фундамент, на котором формируются любые коннотативные оценки. Значительное преобладание коннотативных значений в английских и русских интернет-комментариях по сравнению с ток-шоу свидетельствует о высоком прагматическом потенциале этого интернет-жанра, а также о большей степени его полемичности и эмоциональности.

6. В какой мере различия между двумя сетевыми жанрами – ток-шоу и комментариями – значимы для аксиологической модальности текстов? Высокая представленность аксиологических модальных значений в рассмотренных интернет-текстах связана с широтой области приложения оценок, многообразием объектов оценки и оценочных шкал, их большим прагматическим потенциалом. Аксиологические модальные значения соответствуют содержанию и целевой установке рассматриваемых интернет-жанров. В ходе интернет-дискуссий сталкиваются различные взгляды и представления, идет живая полемика, бурно проявляются эмоции, что невозможно без активной интерпретации и оценки фактов и явлений.

Положительные аксиологические модальные значения преобладают как в русских, так и английских интернет-текстах. Однако в английском материале положительные оценочные значения значительно превышают отрицательные, в то время как в русском материале это соотношение не такое существенное. Употребление оценочных модальных значений английскими коммуникантами представляет собой стратегию коммуникативного поведения, сформированную национально-культурными ценностями.

Удельный вес оценочных и оценочно-дескриптивных значений в меньшей степени зависит от того, к какому сегменту сети (англоязычному или русскоязычному) принадлежат рассматриваемые тексты. Однако более равное соотношение общеоценочных значений в английских сетевых ток-шоу и интернет-комментариях по сравнению с русским материалом связано с этнокультурной особенностью англичан употреблять общеоценочные прилагательные, которые во многом потеряли первоначальное значение, а показывают заинтересованность и симпатию собеседников, способствуют сближению коммуникантов и созданию положительной атмосферы общения.

Более высокая представленность коннотативных значений в русских и английских сетевых комментариях подчеркивает, что в этом интернет-жанре оценочная модальность в высокой степени стимулирована субъективно-личностными пристрастиями и интенциями говорящего, а также свидетельствует о более спокойном и информативном характере беседы участников ток-шоу.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольф, Е. М.* Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф – 2-е изд. доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
2. *Стивенсон, Ч.* Некоторые прагматические аспекты значения / Ч. Стивенсон // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика / под общ. ред. Е. В. Падучевой. – М., 1985. – Вып. 16. – С. 129–154.
3. *Апресян, Ю. Д.* Лингвистическая терминология словаря / Ю. Д. Апресян // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М. ; Вена, 2004. – С. XXII–LIII.
4. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 896 с.
5. *Арутюнова, Н. Д.* Аксиология в механизмах жизни и языка / Н. Д. Арутюнова // Проблемы структурной лингвистики. – М., 1984. – С. 5–23.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.
7. Longman Dictionary of Contemporary English / Director Della Summers. – Harlow, Essex, UK : Pearson Education, 2003. – 1949 p.
8. *Гловинская, М. Я.* Оценка в составе речевого акта / М. Я. Гловинская // Язык. Личность. Текст : сб. ст. к 70-летию Т. М. Николаевой. – М., 2005. – С. 201–209.
9. *Ларина, Т. В.* Англичане и русские: язык, культура, коммуникация / Т. В. Ларина. – М. : Языки слав. культур, 2013 – 360 с.
10. *Мечковская, Н. Б.* К характеристике аксиологических потенций слова: концепты ‘круг’, ‘колесо’ и их оценочно-экспрессивные дериваты / Н. Б. Мечковская // Логический анализ языка. Языки пространств. – М., 2000. – С. 299–307.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Алдн – Шоу «Парк культуры и отдыха» [Электронный ресурс] / в гостях С. Э. Алдонин и П. А. Красилов ; ведущие К. Радцев, М. С. Баченина // Радио «Маяк». – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=SoHGX1gzvjM. – Дата доступа : 09.09. 2018.

Борск – Интернет-комментарии к программе Татьяны Устиновой «Мой герой» [Электронный ресурс] / в гостях Е. М. Боярская ; ведущая Т. В. Устинова // «ТВ Центр». – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=Vf29tveyAz8. – Дата доступа : 13.05.2017.

Кулк – Интернет-комментарии к программе Татьяны Устиновой «Мой герой» [Электронный ресурс] / в гостях М. Г. Куликова ; ведущая Т. В. Устинова // «ТВ Центр». – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=R7mRGV2izhs. – Дата доступа : 20.05.2017.

Макр – Интернет-комментарии к программе Татьяны Устиновой «Мой герой» [Электронный ресурс] / в гостях А. В. Макаров ; ведущая Т. В. Устинова // «ТВ Центр». – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=bJg6vDF19Lk. – Дата доступа : 24.03.2017.

Сигл – Шоу «Парк культуры и отдыха» [Электронный ресурс] / в гостях Д. А. Бертман, А. М. Сигалова ; ведущие К. Радцев, М. С. Баченина // Радио «Маяк». – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=4yI2QEDWgE0. – Дата доступа : 09.09. 2018.

Снатк – Программа «Приглашает Борис Ноткин» [Электронный ресурс] / в гостях А. А. Снаткина ; ведущий Б. И. Ноткин // «ТВ Центр». – Режим доступа : https//www.youtube.com/watch?v=Hj9BPyeOeh0. – Дата доступа : 03.03.2017.

Carl – Actors on Actors. S. Carell, R. P. Mara [Electronic resource] (ток-шоу «Актеры об актерах», участники Стив Кэрелл и Патриция Руни Мара) // Variety Channel. – Mode of access : https://www.youtube.com/watch?v=Lk4fQLLs-tA. – Date of access : 09.09. 2018.

Mara – Интернет-комментарии к ток-шоу «Actors on Actors»: Steve Carell and Rooney Patricia Mara (ток-шоу «Актеры об актерах», участники Стив Кэрелл и Патриция Руни Мара) [Electronic resource] // Variety Channel. – Mode of access : https://www.youtube.com/watch?v=Lk4fQLLs-tA. – Date of access : 22.02. 2017.

Mullg – Интернет-комментарии к ток-шоу «Actors on Actors»: Carey Mulligan and Elizabeth Banks (ток-шоу «Актеры об актерах», участники Кэри Маллиган и Элизабет Бэнкс) [Electronic resource] // Variety Channel. – Mode of access : https://www.youtube.com/watch?v=fNVYjH2CUGA. – Date of access : 10.05.2017.

Ston – Интернет-комментарии к ток-шоу «Actors on Actors»: Emma Stone and Molly Shannon (ток-шоу «Актеры об актерах», участники Эмма Стоун

и Молли Шеннон) [Electronic resource] // Variety Channel. – Mode of access : https://www.youtube.com/watch?v=UxzuhuW_FFo. – Date of access : 11.10.2017.

The article deals with axiological modality in Russian and English online talk shows and Internet comments. The place of axiological modality is shown among other modal categories. The following axiological oppositions are distinguished: 1) opposition of positive and negative evaluative modal meanings; 2) the opposition of general-value and evaluated-descriptive adjectives and adverbs; 3) the ratio of denotative (objective) and connotative (subjective and expressive) evaluations. The similarities and differences in the use and quantitative representation of axiological modal meanings between Russian and English online talk shows and Internet comments are presented.

Поступила в редакцию 04.04.2019

Л. У. Кулік

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КАНЦЭПТУ «ПРАСТОРА» Ў БЕЛАРУСКАЙ І АНГЛІЙСКАЙ САМАТЫЧНАЙ ФРАЗЕАЛОГІІ

В статье проводится сопоставительное исследование фразеологической репрезентации носителями белорусского и английского языков концепта «пространство» – одного из базовых понятий, проявляющихся у представителей самых разных культур. Акцентируется внимание на архетипических оппозициях «близко – далеко» и «верх – низ». Подчеркивается особое культурное значение соматических лексем как наименований частей тела человека в формировании фрагмента наивной картины мира белорусов и англичан. Анализ фразеологической вербализации концепта «пространство» помогает воссоздать этнокультурный образ и особенности менталитета носителей белорусского и английского языков.

Гісторыя развіцця сусветнай культуры сведчыць аб тым, што ніводная культура не можа існаваць ізалявана. Менавіта ўзаемасувязь культур раскрывае іх сутнасць і ўмовы існавання. Агульнасць экстралінгвістычных фактараў паўплывала на агульнасць протасітуацый, якія праяўляюцца ў моўных карцінах свету пэўных народаў. Разам з тым, кожная культура аб'ядноўвае ўнікальны этнічны вопыт кожнай нацыі, які найбольш ярка і дакладна адлюстроўваецца ў знакавых адзінках мовы – фразеалагізмах.

Выяўленне і апісанне культурна-нацыянальных канатацый, што «ўзуальна суправаджаюць значэнне ў форме вобразных асацыяцый з эталонамі, стэрэатыпамі і іншымі культурнымі знакамі (звычаямі, павер'ямі і да т.п.) і суадносных адзін з другімі сродкамі кагнітыўных працэдур, што надаюць гэтым канатацыям асэнсаванне» [1, с. 310], адбываецца праз зварот да лінгвакультуралагічнага аналізу моўных адзінак. Даследаванне фразеалагічных адзінак (ФА) у святле лінгвакультуралогіі абумоўлівае неабходнасць дэкадзіравання механізмаў спалучэння ў іх інтралінгвістычных і экстралінгвістычных фактараў.

Адным з асноўных тэрмінаў лінгвакультуралогіі з'яўляецца *канцэпт*, які, услед за М. У. Піменавай, разумеем як сукупнасць замацаваных прыкмет, што выкарыстоўваюцца для апісання фрагмента свету ці часткі такога фрагмента [2]. Менавіта канцэпты, закадзіраваныя ва ўнутранай форме фразеалагізмаў, раскрываюць доступ да свядомасці носьбітаў мовы.

Мэтай нашага артыкула з'яўляецца супастаўляльнае даследаванне фразеалагічнай рэпрэзентацыі носьбітамі беларускай і англійскай моў канцэпту «прастора» – аднаго з базавых паняццяў, якія праяўляюцца ў прадстаўнікоў самых розных культур, а менавіта фразеасемантычных апазіцый успрымання адлегласці па гарызанталі («блізка – далёка») і па вертыкалі («верх» – «ніз»).

Канцэпту «прастора» належыць ключавая роля ў пабудове ўсёй канцэптуальнай сістэмы мовы [3]. Надзвычай дакладна і разнастайна канцэпт «прастора» рэалізуецца ў саматычных ФА. Гэта звязана з тым, што цела з'яўляецца старажытным сродкам пазнання чалавекам самога сябе і ўмоўна можа быць падзелена на тры часткі – верхнюю, сярэднюю і ніжнюю, кожная з якіх «тым ці іншым сваім элементам удзельнічае ў стварэнні фразеалагічных вобразаў, ва фразеалагічным апісанні свету» [4, с. 117–118], а таксама з тым, што ў архетыпічных формах акультуранай асобай мадэлі прасторы часткі цела чалавека з'яўляюцца інструментамі, з дапамогай якіх адмяжоўваецца ўнутранае ад знешняга.

Напрыклад, ФА з кампанентам *рука/hand* рэпрэзентуюць фразеасемантыку 'блізка': беларус. *пад рукамі* 'вельмі блізка, недалёка, побач'; *пад рукой* 'вельмі блізка, недалёка, побач'; *рукой падаць* 'зусім блізка, не вельмі далёка' і англ. (near, close, ready) *at hand* 'побач, пад рукой, паблізу, па суседству' (1-е значэнне); *to hand* 'пад рукой'. Заўважым, пералічаныя беларускія і англійскія ФА і англійская ФА *hold at arm's length* 'трымаць каго-н. на вялікай адлегласці', 'адганяць ад сябе' пры падобным знешнім выражэнні ілюструюць розныя тэрытарыяльна-прасторавыя вобразы-эталоны: для беларусаў адлегласць, роўная выцягнутай руцэ, з'яўляецца малой, а для англічан яна можа быць як малой, што тлумачыцца імкненнем носьбітаў мовы мець усё побач, дома, так і адносна вялікай, што ілюструецца метафарычнымі ўяўленнямі аб англійскай прыватнасці.

Толькі ў англійскай мове фіксуюцца ФА з кампанентам *elbow* 'локаць', значэнне якіх рэпрэзентуе канцэпт «прастора»: *at one's elbow* 'побач', *have an elbow room* 'мець дастаткова прасторы для чаго-н.' У беларускай мове фіксуецца ФА *пачуццё/адчуванне локця* 'ўзаемная падтрымка', якая, нягледзячы на прасторавую метафару ў сваёй аснове, суадносіцца з сукупнасцю маральных ацэнак, установак і ўяўленняў асобы.

Акрамя кампанента *рука/hand* ва ўтварэнні ФА з агульным значэннем 'блізка' задзейнічаны саматызмы *нос/nose* і *вока/eye*, якія выступаюць інструментамі вымярэння гарызантальнай адлегласці. Напрыклад: беларус. *вочы ў вочы/вока ў вока* 'вельмі блізка, у непасрэднай блізкасці (бачыць, сустракацца і пад.)'; *пад <самым> носам* 'у непасрэднай блізкасці ад каго-н., побач, блізка'; *перад вачамі* 'побач, блізка, у непасрэднай блізкасці ад каго-н.';

перад носам ‘у непасрэднай блізкасці ад каго-н., побач, блізка’ і англ. *<right> under smb.’s <very>/before one’s nose nose* ‘у непасрэднай блізкасці ад каго-н., побач, блізка’; *before/under smb.’s <very> eyes* ‘побач, блізка, у непасрэднай блізкасці ад каго-н.’ Заўважым, спосаб вымярэння адлегласці «на вока» з’яўляецца адным з самых старажытных і простых для чалавека, аднак у сістэме англійскай мовы зафіксавана адзіная ФА з кампанентам *eye* і агульным прасторавым значэннем ‘блізка’ – *before/under smb.’s <very> eyes.*

Яшчэ адным саматызмам, які задзейнічаны ва ўтварэнні ФА з агульным значэннем ‘побач, блізка’, з’яўляецца *бок/side*: беларус. *пад бокам* ‘зусім блізка, недалёка (жыць, адбывацца і пад.)’, ‘зусім блізка, побач, недалёка знаходзіцца’ і *at/by smb.’s side* ‘блізка, побач з кім-н.’; *at the side of…* ‘побач з…’; *side by side* ‘побач’.

Толькі ў англійскай мове зафіксавана ФА з кампанентамі *cheek* ‘шчака’ і *jowl* ‘шчака’, ‘сківіца’ – *cheek by jowl* ‘побач, паблізу’.

Звернем увагу на тое, што з 43 ФА таўталагічнага тыпу, якія зафіксаваны ў беларускай літаратурнай мове [5, л. 45], 11 ФА перадаюць агульнае значэнне ‘блізка’: *вочы ў вочы/вока ў вока*, *грудзі ў грудзі*, *лоб у лоб*, *носам к носу*, *носам у нос*, *нос у нос*, *плячо к плячу/да пляча*, *плячо ў плячо*, *тварам да твару*, *тварам у твар, твар у твар*. У англійскай мове зафіксавана ўсяго 17 ФА таўталагічнага тыпу, і толькі 2 з іх перадаюць агульнае значэнне ‘блізка, побач’ – *face to face* і *side by side*. Відавочна, што значная колькасць беларускіх ФА ілюструе выказванне Ф. М. Янкоўскага адносна таўталагічных ФА, наяўнасць якіх прадстаўляе асаблівасць менавіта рускай, беларускай, украінскай і польскай моў [6, с. 207].

Усе пералічаныя ФА ўказваюць на месцапалажэнне, а вобразы, закадзіраваныя ў іх унутранай форме, узыходзяць да архетыпічнага ўспрымання свету апазіцыямі, якія звязаны з базавым проціпастаўленнем «свой – чужы». Так, пры дапамозе *рукі/hand/arm* магчыма вызначыць мяжу «непасрэднага кантакту чалавека з тым, што запаўняе акаляючы яго свет, г.зн. зону, унутры якой чалавек можа, не мяняючы палажэння свайго цела, уступаць у кантакт з любым прадметам ці асобай, якія знаходзяцца ўнутры гэтай зоны альбо на яе мяжы з унутранага боку» [7, с. 537]; *нос*/*nose* успрымаецца як «арыенцір у арганізацыі прасторы… выступае мерай максімальна магчымай блізкасці» [7, с. 419]; кампанент *бок/side* у ФА таксама з’яўляецца мяжой саматычнай прасторы чалавека, а пры судакрананні дзвюх ці больш асоб рэпрэзентуе эталон максімальна магчымага блізкага кантакту.

Фразеасемантыка ‘далёка’ рэпрэзентуецца беларускімі ФА *за вачамі* ‘далёка ад дому, без нагляду’, *з вачэй* / *з воч* / *з вока* (1-е значэнне) ‘далей ад каго-н., каб не было відаць (прыбіраць, хавацца і пад.)’, *з вачэй/з воч далоў* ‘далей ад каго-н., каб не быць бачным (хавацца, уцякаць і пад.)’, *за свет вочы* (ісці, ехаць) ‘вельмі далёка’, *к чорту на рогі*[1] (ехаць, адпраўляцца і пад.) ‘вельмі далёка, у вельмі аддаленае ці цяжкадаступнае месца’, *у чорта на*

[1] Як саматычныя разумеюць назвы частак цела і органаў жывога арганізма Ф. Вак [8], Ю. А. Даўгаполаў [9], І. С. Козыраў [10], тым самым пашыраючы аб’ём саматызмаў за кошт кампанентаў тыпу *жабры / gills*, *крыло / wing*, *рог / horn*.

рагах ‘вельмі далёка, у аддаленых ці густых мясцінах (быць, жыць, знаходзіцца і пад.)’ і англ. ФА *where man has never set foot* ‘вельмі далёка, у аддаленых мясцінах’, *at the back of God-speed* ‘вельмі далёка’.

Ужыванне ў ФА *к чорту на рогі* (ехаць, адпраўляцца і пад.) і *ў чорта на рагах* кампанента *рог/рогі* дазваляе суадносіць фразеалагізмы не толькі з саматычным, але і з рэлігійным кодам культуры. Гэта тлумачыцца замацаванымі ў вобразнай аснове ФА ўяўленнямі носьбітаў моў аб знешнім выглядзе антрапаморфнай істоты – чорта. Пачынаючы яшчэ з дахрысціянскага перыяду, рогі з’яўляюцца сімвалам чорта, а ў хрысціянскі перыяд – д’ябла і ўвогуле неад’емным атрыбутам нячыстай сілы. Лексема *рагаты* нават з’яўляецца адной з табуіраваных назваў чорта [11, с. 441]. На падобнай антрапаморфнай метафары таксама заснаваны вобразы ФА *ў чортавых зубах*, *у чорта ў зубах* ‘вельмі далёка, у аддаленых ці глухіх мясцінах (быць, жыць, знаходзіцца і пад.)’.

Эталонная бінарная апазіцыя «блізка – далёка» не раўназначна прадстаўлена ў ФА дзвюх моў. Відавочна, што ФА, якія рэпрэзентуюць фразеасемантыку ‘блізка’, утвараюць больш колькасную ў параўнанні з ФА з фразеасемантыкай ‘далёка’ групу. Гэта тлумачыцца наіўнай філасофіяй асобы: кожны дзень чалавек сутыкаецца з людзьмі і артэфактамі, якія знаходзяцца заўсёды побач і ў сувязі з гэтым становяцца зразумелымі і звычайнымі для яго. І наадварот, усё, што знаходзіцца далёка, з’яўляецца незразумелым для чалавека, а часам нават палохае яго. Менавіта таму, на нашу думку, у якасці кампанентаў беларускіх ФА ўжываецца лексема *чорт*, а ў якасці англійскіх – *God ‘Бог’*.

Для англічан важна дасканалае веданне прасторы не толькі па гарызанталі, але і па вертыкалі. Такая форма вымярэння прасторавай адлегласці фіксуецца ва ўнутранай форме і семантыцы безэквівалентнай у адносінах да беларускай мовы ФА *a bird-eye view* ‘від з вышыні’ (1-е значэнне).

Сістэма ўяўленняў носьбітаў мовы аб прасторы можа даносіцца праз квазісімвалы, якія рэпрэзентуюцца кампанентамі ФА. У адрозненне ад сімвалаў-рэалій і моўных сімвалаў, «якія выяўляюць устойлівае сімвалічнае прачытанне і за межамі фразеалагізмаў», квазісімваламі з’яўляюцца кампаненты ФА, якія становяцца толькі «ўвасабленнем якой-небудзь культурнай ідэі» [12, с. 29]. Іншымі словамі, квазісімвалы – гэта «імёны якіх-небудзь рэалій, якія не дасягнулі статусу сімвала ў культуры, але ў вобразе фразеалагізма былі ўцягнуты ў сімвалізацыю ці на аснове стэрэатыпных уяўленняў, ці з дапамогай іншага кампанента» [12, с. 30]. Узнікаюць квазісімвалы ў свядомасці гаворачага пры актуалізацыі ФА скрозь прызму вобраза, які выяўляецца ў даслоўным успрыманні ФА.

Спынім увагу на квазісімвалах, закадзіраваных ва ўнутранай форме наступных беларускіх і англійскіх ФА: *з/ад галавы да ног/да пят* (*з ног да галавы*) і *from head/top to foot/heel/toe* ‘з усіх бакоў; поўнасцю, цалкам’; *на галаву вышэй* і *be head and shoulders above smb./smth*. ‘намнога разумнейшы, значна больш вопытны (у параўнанні з кім-н.)’ і інш. Вобразы пералічаных

ФА ўзыходзяць да міфалагічных уяўленняў, у адпаведнасці з якімі чалавек з'яўляецца ўніверсальнай мерай вертыкальнага вымярэння, дзе вышэйшай (максімальнай) кропкай з'яўляецца галава, а ніжэйшай (мінімальнай) – ногі, пяткі. У сувязі з гэтым закадзіраваная ў вобразнай аснове ФА архетыпічная апазіцыя «верх – ніз» рэпрэзентуе ў першай пары ФА эталон цэласнасці візуальнага ўспрымання асобы, а ў другой – эталон максімальна магчымай вышыні.

Архетыпічная апазіцыя «верх – ніз» закадзіравана і ва ўнутранай форме беларускіх ФА *ставіць з галавы на ногі* 'вяртаць чаму-н. належны парадак, стан і пад.', *пераварочвацца дагары нагамі* 'змяняцца карэнным чынам, станавіцца зусім іншым', *ставіцца/станавіцца з ног на галаву* 'змяняцца карэнным чынам, ператвараючыся ў сваю процілегласць', *ставіць з ног на галаву* 'змяняць што-н. карэнным чынам', 'даводзіць што-н. да поўнага беспарадку, хаатычнага стану; ператрасаць што-н.', і ў англійскай ФА *head over heels* 'дагары нагамі'. Калі беларускія ФА выступаюць эталонам і антыэталонам нармальнага стану асобы альбо паняцця, то англійская – толькі антыэталонам у адлюстраванні катэгорыі вымярэння па вертыкалі. Вось чаму названыя ФА нясуць адмоўнае стаўленне да сітуацый, калі гэтыя меры, эталоны парушаюцца ці скажаюцца.

Квазісімвалічная апазіцыя «верх – ніз» знаходзіцца ў аснове протасітуацый наступных жэставых ФА: беларус. *апускаць вушы* 'даходзіць да адчаю, губляцца'; *гнуць <сваю> спіну/шыю/горб* 'прыніжацца, угоднічаць'; *драць/задзіраць нос* 'вельмі важнічаць, зазнавацца, фанабэрыцца'; *падымаць/узнімаць руку* 'спрабаваць ударыць; біць каго-н.', 'рабіць замах на чыё-н. жыццё', 'асмельвацца што-н. зрабіць', 'уступаць у барацьбу з кім-, чым-н.'; *трымаць вышэй галаву* 'пераставаць сумаваць, адчайвацца, паводзячы сябе горда, з пачуццём уласнай годнасці' і інш. і англ. *have/hold/keep one's ear to the ground* 'быць у курсе падзей, прыслухоўвацца да грамадскага меркавання'; *keep one's chin/pecker up* 'не падаць духам, не сумаваць'; *keep one's head down* 'імкнуцца быць незаўважаным'; *lift/raise one's hand against smb.* 'спрабаваць ударыць; біць каго-н.', 'ударыць каго-н.' і інш. У аснове ФА знаходзяцца антропныя метафары, а культурныя вобразы суадносяцца з зыходным проціпастаўленнем прамога, схіленага альбо ўзнятага палажэння галавы, што набывае пераасэнсаванне ў ментальных катэгорыях стану асобы: напрыклад, апушчаная, схіленая галава атаясамліваецца з пакорлівасцю, маркотай, смуткам, а ўзнятая – з важнасцю, годнасцю і добрым настроем; вобразы сагнутай спіны, гарба звязаны з разуменнем цяжкай, непасільнай працы, а прамая і роўная спіна – са свабодай і душэўнай раўнавагай.

Спынім увагу на асобных беларускіх ФА, якія рэпрэзентуюць стэрэатыпную форму паводзін асобы і прасторавую эталанізацыю частак цела, звязаных з размяшчэннем па вертыкалі. Так, ФА *цалаваць рукі і ногі* 'вельмі прасіць, маліць каго-н. аб чым-н.', якая ўзнікла на падставе звычаю цалаваць рукі і ногі, ілюструе эталон, а дакладней антыэталон, нармальнага прамога стану асобы: для таго, каб пацалаваць руку, а тым больш нагу, чалавек павінен схіліцца, г.зн. змяніць сваё вертыкальнае становішча.

Дададзім, пацалунак альбо паклон як этыкетны знак прывітання, развітання ці згоды быў шырока распаўсюджаны ў мінулым. У залежнасці ад ступені інтэнсіўнасці выканання паклону ФА змяшчаюць і перадаюць разнастайныя яго віды (*кланяцца ў ногі*, *падаць на калені* ‘ўніжана прасіць аб чым-н.’, *схіляць галаву* ‘прызнаваць сябе пераможаным, пакарацца, паддавацца каму-н.’, ‘пакланяцца каму-, чаму-н., адносіцца з глыбокай пашанай да каго-, чаго-н.’ і інш.), аднак указанне на стандартную стэрэатыпна-этыкетную форму паводзін змяшчаецца толькі ў ФА *біць чалом* ‘пачціва кланяцца, вітаючы каго-н.’, ‘пачціва прасіць каго-н.’, ‘з глыбокай пачцівасцю ставіцца да каго-н., вітаючы што-н.’

Такім чынам, аналіз семантыкі і кампанентнага складу саматычных ФА дае падставы сцвярджаць, што канцэпт «прастора» ўяўляе сабой складаны феномен, які адлюстроўвае архетыпічныя ўяўленні носьбітаў беларускай і англійскай моў. У саматычнай фразеалогіі закадзіраваны асаблівыя формы катэгарызацыі ўспрымання прасторы, якія характарызуюцца адметнасцямі вербалізацыі ў розных культурах, а аналіз ФА ілюструе асаблівае культурнае значэнне саматычных лексем як адзінак катэгарызацыі прасторы і дазваляе ўзнавіць этнакультурныя вобразы і асаблівасці менталітэта беларусаў і англічан[1].

ЛІТАРАТУРА

1. *Телия, В. Н.* Культурно-национальные коннотации фразеологизмов (от мировидения к миропониманию) / В. Н. Телия // Славянское языкознание. XI Междунар. съезд славистов. Докл. рос. делегации: сб. докл. / Отд-ние лит. и яз. РАН; отв. ред. Н. Толстой. – М. : Наука, 1993. – С. 302–314.
2. *Пименова, М. В.* Языковая картина мира / М. В. Пименова. – Кемерово : КемГУКИ, 2011. – Вып. 7 – 106 с.
3. *Игнатьева, М. Э.* Отражение времени и пространства во фразеологии русского и английского языков : дис. … канд. филол наук : 10.02.20 / М. Э. Игнатьева. – Казань, 2004. – 176 л.
4. *Гудков, Д. Б.* Телесный код русской культуры : материалы к словарю / Д. Б. Гудков, М. Л. Ковшова. – М. : Гносиз, 2007. – 288 с.
5. *Кулік, Л. У.* Саматычныя фразеалагізмы беларускай і англійскай моў: структурна-семантычны і лінгвакультуралагічны аспекты : дыс. … канд. філал. навук : 10.02.20 / Л. У. Кулік. – Мінск, 2016. – 298 л.
6. *Янкоўскі, Ф.* Беларуская мова / Ф. Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац. – Мінск : Выш. шк., 1978. – 336 с.
7. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / редкол.: В. Н. Телия (отв. ред.) [и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. – 784 с. – (Фундаментальные словари).

[1] Прыведзеныя ў артыкуле ФА пададзены паводле слоўнікаў, у якіх яны зафіксаваны [13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21].

8. *Вакк, Ф.* О соматической фразеологии в современной эстонском языке : автореф. дис. … канд. филол. наук / Ф. Вакк ; Акад. наук Эст. ССР, Ин-т яз. и лит. – Таллин, 1964. – 29 с.
9. *Долгополов, Ю. А.* Сопоставительный анализ соматической фразеологии : (на материале русского, английского и немецкого языков) : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.20 / Ю. А. Долгополов ; Казан. гос. ун-т. – Казань, 1973. – 27 с.
10. *Козырев, И. С.* Формирование словарных составов русского и белорусского языков: соматическая лексика / И. С. Козырев. – Минск : Нар. асвета, 1983. – 127 с.
11. *Плотникова, А. А.* Рог / А. А. Плотникова // Славянские древности : этнолингвист. словарь : в 5 т. / РАН, Ин-т славяноведения и балканистики ; под общ. ред. Н. И. Толстого. – М., 1995–2012. – Т. 4 : [П – С]. – 2009. – С. 437–441.
12. *Ковшова, М. Л.* О символах и квазисимволах в семантике фразеологизмов / М. Л. Ковшова // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 27–31.

СЛОЎНІКІ

13. *Корсак, Л. Д.* Англа-беларускі слоўнік фразеалагізмаў параўнальнага тыпу / Л. Д. Корсак, Л. С. Марціновіч. – Мінск : Выш. шк., 1984. – 122 с.
14. *Кулік, Л. У.* Англа-беларускі слоўнік саматычных фразеалагізмаў ; Беларуска-англійскі слоўнік саматычных фразеалагізмаў / Л. У. Кулік, В. А. Ляшчынская ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомел. дзярж. ун-т. – Гомель : ГДУ, 2010. – 84 с.
15. *Кунин, А. В.* Англо-русский фразеологический словарь / А. В. Кунин. – 5-е изд., стер. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2004. – 512 с.
16. *Кунин, А. В.* Большой англо-русский фразеологический словарь : ок. 20 000 фразеол. единиц / А. В. Кунин. – 5-е изд., испр. – М. : Живой яз., 1998. – 944 с.
17. *Лепешаў, І. Я.* Слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў: у 2 т. – Мінск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2008.
18. *Литвинов, П. П.* Англо-русский словарь наиболее употребительных фразеологических выражений / П. П. Литвинов. – М. : Яхонт, 2001. – 400 с.
19. *Cowie, A. P.* Oxford dictionary of current idiomatic English : Phrase, clause and sentence idioms : Vol. 2 / A. P. Cowie, R. Mackin, I. R. McCaig. – Oxford : Oxford Univ. press, 1994. – 685 p.
20. Macmillan English dictionary : for advanced learners / Macmillan Education. – 2nd ed., enlarged. – China [etc.] : Macmillan Publishers Limited ; AandC Black Publishers, 2008. – 1748 p.

21. The Penguin concise English dictionary / compl. by G. N. Garmonsway with J. Simpson. – London : Claremont Books, 1995. – 842 p.

The article presents a comparative research of the phraseological representation of the concept “Space” by native speakers of the Belarusian and English languages. Attention is focused on the archetypal oppositions “near – far” and “top – bottom”. Special cultural significance of somatic lexemes as names of human body parts is emphasized. The analysis of phraseological verbalization of the concept “Space” helps to recreate the ethno-cultural image and peculiarities of the mentality of the Belarusian and English speakers.

Поступила в редакцию 25.03.2019

A. R. Mikayilova

THE ROLE OF METAPHORS IN TEXT FORMATION

В статье освещается один из актуальных вопросов современной лингвистики о роли метафоры в организации художественных текстов. Рассматриваются разные функции метафоры в литературных произведениях: наименование объектов, изобразительное выражение, связующий характер и т.д., которые имеют важное значение в создании текста.

A text, which consists of completed thoughts, possesses different features and qualities. There is a unity of relations of all structures of the language in a text.

A text should not be considered as a line of words, but a purposeful sequence of words with definite pragmatic aims combined with lexical, grammatical, stylistic and logical associations.

Among lexical units, antonyms, synonyms, hyponyms-hyperonyms and homonyms have a special text-forming power. The importance of context for understanding a text can be illustrated by a set of lexical items whose semantic meanings are related and similar. These items, for example, are classified as contextual synonyms and help foreground particular clues in the text so that the readers can relate the messages encoded in the text to their own socio-cultural backgrounds, knowledge and experiences. In other words, an attentive reader is capable of inferring specific signals and can reconstruct the coherence of the text. On the one hand, those lexical items, which are semantically related, function as powerful means of lexical cohesion. On the other hand, they provide direct clues for restoration of the coherence of the passage, e.g.

*...Julia **gave them a wistful look** before she shook her head in refusal. Michael **stared at them** gravely for a moment as though he could not quite tell what they were* [10, p. 15].

“To give a wistful look” in this context is synonymously used with the verb “to stare at”.

*He **caught sight of her in the mirror**, turned round and without a word, twitched the sheet over her. ...When she got home she again took all her clothes off and **examined herself in the looking-glass.** She **looked at** her neck, there was no sign of age there...* [10, p. 116].

In this part, “to catch sight”, “examine”, “to look at” are contextual, “mirror” and “looking-glass” are lexical synonyms. As it is seen in the examples, the author chooses words according to their capacity of expressiveness and power of influence.

Besides lexical devices, stylistic devices, such as hyperbole, litotes, metonymy, metaphor, etc. also play an important role in text formation. The significance of any linguistic expression, including metaphor, depends upon the context in which it is embedded. We consider not only the symbolizer, the audience, and the setting, but also the purpose or function of communication among the aspects of context.

There has been a growth of scientific interest in the pragmatic approach to stylistic problems: a stylistic use of language units for communicative purposes in a pragmatic aspect, involvement of a broader range of contextual factors in stylistic analyses, research of definite word groups in different contexts, etc. According to A. Abdullayev, everything with a stylistic effect in the analysis of a text has the opportunity of pragmatic usage in the language [1, p. 67].

A reader becomes part of a discourse; his task and desire is to decode the message conveyed by the text, and also to decipher those meanings which are encoded between the lines. As Willie Van Peer mentions, reading and understanding texts can be viewed as a process of tracing text relations which are necessarily incomplete, and the reader has to look for the ‘clues’ both in the text and in his mind to bridge various gaps in the text [2, p. 279].

One of the notions which need decoding throughout a text is metaphor. The term of metaphor which plays an important role in text formation means transformation of definite qualities from one object to another. In contemporary linguistics, metaphor is considered to have an additional meaning. For instance, the verbs “grasp, get, and see” gain the meaning of “understand” in a definite situation. In this case the additional meaning is expressed in the semantic structure of these words [3, p. 98]. Such changes often take place when an author identifies similar or common features between two different objects.

According to I. V. Arnold, metaphor should be presented from the point of pragmalinguistics, and she explains that it shows the intention and attitudes of the speaker towards the addressee and the communication act. The addressee is the main factor in stylistics and everything is viewed from his/her position [4, p. 168], e.g.

The thick darkness of blood alone. It should be one great lapse into the thick darkness of blood in agony. ...Better the terrible work should go forward, the dissolving into the black sea of death, in the extremity of dissolution, than that there should be any reaching back towards life [12].

The metaphor “the black sea of death” has been precisely used by the author in the description of the situation.

As the term suggests, pragmalinguistics is stylistics, but with a pragmatic component added to it. In studying the stylistic potential of a language or of a particular construction, or in analysing a specific text, pragmalinguistics pays

special attention to those features which a speaker may choose or has chosen, from a range of acceptable forms in the same language that would be semantically equivalent, but might perform or achieve different objectives or do so in different ways. In other words, the choices are seen as determined by the desired effects (expressive, effective, attitudinal, etc.), by the communicative qualities aimed at clarity, effectiveness etc., and by the context or situation itself (what is already known and what is new, relationships between the speaker and the hearer, the physical distance, etc.). In brief, it is now clear that utterances with the same, or virtually the same meaning may differ in their linguistic form and situational appropriateness, and these differences may have either stylistic or pragmatic explanations.

E. MacCormac studies metaphor not only as a linguistic concept of syntax and semantics, but also as a cognitive process. The semantics of metaphor is an interactive mechanism relating to the language with the cognitive sphere. Metaphor is usually the result of the cognitive process involving two or more unrelated referents which can cause semantic conceptual irregularity. E. MacCormac presents metaphor in the cultural context, and explains that the metaphorical process affects people not only internally (their consciousness and brains), but also externally (their outer world). On the one hand, metaphor depends on the language fund which has been stored in the long-term memory of a member of a society, on the other hand, it influences the same fund [5, p. 81].

Cognitive metaphors are related to the ability of people to catch definite concepts. For G. Lakoff and M. Johnson, metaphor is in essence "understanding and experiencing one kind of thing in terms of another" [6, p. 5]; it is a matter of thought rather than language. Traditionally, figurative language, especially in literary contexts, is regarded as something used for effect or for ornament and contrasts with "literal" language; cognitive metaphor challenges the very basis of that notion. G. Lakoff and M. Johnson note that people have had information about metaphors since there was not even an idea of linguistic sense in their brains. According to the above scholars, people's conceptual system is metaphoric: a number of metaphors are unconsciously used in people's daily speech; metaphorization is one of the features to understand the world, the basis of which is categorization and division of the world into definite characters and parts [6, p. 256].

Metaphor is everywhere in literature, from the interrelations among its smallest (words, images, figures of speech) to its largest (characters, plot, narrative) elements. Beyond the most basic assumptions about metaphor – that it has a primarily decorative purpose, to make writing more "exciting" or "beautiful", or that it helps the reader "visualize" images; or that it serves to highlight and heighten important themes – lie great areas of thinking about metaphor that can help deepen and clarify our understanding of literature, art and life:

She felt a childish rush of tears, which she blinked back. ***Anger, sadness were the all-too-familiar horsemen*** *preceding any encounter with her family. They'd come early. And she had a feeling they were here to stay. She didn't say anything* [9, p. 29].

Besides nominating the objects, situations and events, a word with a figurative meaning has a descriptive function. The aesthetic role of a word in a text is realized by figurative devices. Metaphorization plays an important role in different concepts, it also makes them emphatic, and helps differentiate their special features. Metaphorization in the poetic speech is dedicated to the search of the image, the strengthening of expressive background, and to the content of the described object. This kind of approach reveals that metaphors are closely related to the language units in the text. The following extract from the poem by L. Kimberly is full of metaphors from its title ("An Ocean of Memories") till the end of it [11]:

My family is *the ocean around us*.

My father is the hurricane, knocking anything and everybody out of his path.

My mother is *the sunshine after the storm (my father)*, clearing and calming everything else.

In this example, the author clearly describes the family, and the characters of its members by means of the words meaning natural phenomena. The poem is formed on the basis of metaphors.

"Metaphor can be used, consciously or subliminally, to structure the development of a text, as the organizing principle which gives the text a lexical cohesion" [7, p. 163]. A reader can feel the changes of meaning through the text and finds it easy to understand the author's sudden use of certain words in the description of the events with the intention of making it emphatic. Thus, metaphor as a basic system of expressiveness in the text is one of the means of poetic narration of objects and events. It is the specifics of metaphor to show certain hidden aspects of a word which are not expressed by its semantic meaning. For example, any feeling of the main hero of a text in any situation can be vividly shown by metaphoric use of words:

Time had robbed her of the lushness of her body; her ***creamy skin****, and the* ***shine in her hair****. And even though she didn't feel any difference than she had when she was twenty, she was unrecognizable as she was then. This was true for everyone, she knew. No one at her age recognized* ***the person she saw in the mirror.*** *Most of her friends and acquaintances were engaged in a full-scale battle against the onset of old age, rallying teams of personal trainers, plastic surgeons, beauticians, aestheticians to hold back the clock* [9, p. 3].

In this part of the text the expression "the person she saw in the mirror" indicates the hero of the text, who is Bridie Burke. She looks at herself in the mirror and finds traces of aging. By using metaphoric expressions "creamy skin, shine in her hair" the author explains the feelings of her heroine about aging and her longing for her youth.

Metaphor can fulfil different functions in the text: it nominates the word differently, greatly affects the reader's impression, creatively describes the world, vividly shows the image, gives the author's individual thought about the world, creates certain ideas about the importance of the object. Metaphor plays an important role in the composition of the text. Sometimes it immediately attracts the

reader's attention and opens the text and forms aesthetic emotions. A metaphoric expression attracts the reader's attention with its novelty, and a sudden, unusual use of a language unit for the description of certain ideas, objects and events:

...Emily wanted to put her head in Carol's lap and ***cry her a river*** [9, p. 11].

If we change the metaphor "cry somebody a river" with a synonym of "cry" like "sob, weep", we will see that it does not describe Emily's situation as clearly as the metaphor does. In this example, the metaphor expresses the writer's intention of showing her heroine's feelings, and successfully draws the reader's attention.

Through the study of metaphor, we may suggest that expressing the objects, situations, or hidden meanings in different ways (using synonyms, metaphors, hyperboles etc.) activates the problems of understanding and interpretation of the text. According to I. A. Sternin, in the interpretation of the information given clearly or metaphorically, readers compare language signs with the images in their thoughts by means of their sense perceptions, and analyze the syntactical and contextual meanings of a certain expression. The realization of hidden meaning demands that the recipients have a certain mental scheme in their cognition. I. A. Sternin calls it "receptive schema" of people's consciousness which is used in the comprehension of a text. The understanding and interpretation of metaphoric expression is realized by the application of the receptive schemas [8]. This thought of I. A. Sternin coincides with E. MacCormac's above-mentioned thought about metaphors having relations with the context of culture. The reader should feel and pay attention to the hidden meaning to use the receptive schema. This process is, first of all, related to the reflexive activity which raises some questions in the reader about its understanding: What have I understood? Why have I understood so? How should I have understood? Thus, in understanding the metaphoric expression, the first step is to reveal its function in the text, and to understand that the word in the metaphoric expression has been used in a sense broader than its semantic meaning. As in the above mentioned example (*cry her a river*), the word "river" does not mean the natural phenomenon, but helps the reader to understand the writer's intention to describe the process of crying as sobbing or weeping. The following should be taken into account to comprehend metaphors in the text: 1) to have knowledge about features and functions of metaphors in a text 2) to have the ability to find metaphoric expressions used in the text; 3) to be sensitive to potential richness of the context that provides varieties and transformations of meaning.

Dean thought again of that bus pulling away. He tried to keep ***the wave of emotion off his face.*** *Brad was not the guy to whom you wanted* ***to bare your soul****. He was a* ***junkyard dog;*** *you didn't dare let him teeth into you, you'd have to break his jaw to get free. Brad gave Dean a look that he couldn't read* [9, p. 39].

In the following extract we come across three metaphoric expressions, and the use of these shows the ability of the writer to draw the readers' attention and hold it through the text.

As a stylistic device, metaphor shows the authors' power to use language units, expressing the same meaning in different ways. The wider the language competence of writers, the more frequently they use different metaphoric expressions for impressing their readers or showing their attitudes to the described situation, but also for transforming, changing the meaning and making logical links. The object or concept can be named variously for increasing the expressiveness of a text, making an impression on the recipients and developing their language knowledge and skills. It is more frequent to find the use of a set of similar or contextually similar words or phrases to modify the same meaning.

...If her mother was so sure Dean was going to ruin her life, why did she want to take away Emily's chance for an ***education****, which her mother always said was* ***the key to success****?* [9, p. 18].

In this context, "the key to success" is synonymously used with the word "education". By using this metaphor, which functions as anaphoric cohesion, the writer refers back to the word "education" that has been previously identified, and avoids repetition.

...He was just ***a beefy guy*** *who liked to eat. He probably had high cholesterol; that's why his wife had that of angry-worried look on her face when Emily placed the plate in front of him* [9, p. 12].

"High cholesterol" cohesively refers to the metaphoric expression "a beefy guy" which clearly describes Emily's husband who is overweight.

So, metaphors as lexical stylistic devices keep the reader's attention focused on the theme, serve for the enrichment and enlargement of the thoughts, and play an important part in creating logical connections in a text.

RESOURCES

1. *Abdullayev, A*. Text, Meaning and Understanding: A communicate – cognitive approach / A. Abdullayev. – Alpha Print, Univ. of Minnesota, USA, 1999.
2. *Peer, W. van.* How to Do Things with Texts: Towards a Pragmatic Foundation for the Teaching of Texts. Reading, Analysing & Teaching Literature / W. van Peer. – London: Longman, 1989.
3. *Jackson, H.* Words, Meaning and Vocabulary: An Introduction to Modern English Lexicology / H. Jackson, E. Ze Amvela. – London : Continuum Intern. Publishing Group, 2009.
4. *Арнольд, И. В*. Стилистика декодирования как прагматическая стилистика / И. В. Арнольд // Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 1999.
5. *Маккормак, Э*. Когнитивная теория метафоры / Э. Маккормак // Теория метафоры. – М., 1999.
6. *Lakoff, G.* Metaphors we live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago, 1980.
7. *Goatly, A*. Critical Reading and Writing / A. Goatly. – London ; N. Y. : Routledge, 2000.

8. *Стернин, И. А*. Метод аппликации ментальных схем в выявлении скрытого смысла высказывания: по материалам лингвистической экспертизы текста / И. А. Стернин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://steminia.ru/index.php/izbrannye-publikatsii/item/118-izbrannye-stati-2006-2012.

SOURCES OF EXAMPLES

9. *Unger, L.* Heartbroken / L. Unger. – N. Y. : Broadway Paperbacks, 2012.
10. *Maugham W. S.* Theatre / W. S. Waugham. – M., 1987.
11. [Electronic resource]. – Mode of access : https://www.familyfriendpoems.com/poem/an-ocean-of-memories.
12. [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.fullbooks.com/England-My-England1.html.

In the article, metaphors are considered from the point of view of pragmalinguistics, and are analyzed in the cognitive and contextual process. It is proved that metaphors play numerous roles in the organization of a text. The main purpose of using this stylistic device is to provide coherence of a text, to increase its expressiveness, and to impress the recipients of the information.

Поступила в редакцию 27.09.2018

С. В. Перова

НОМИНАЦИИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ КОФЕЙНЫХ НАПИТКОВ, В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (на примере русского и английского языков)

В статье предпринята попытка описать номинации кофейных напитков английского и русского языков в диахроническом аспекте. Определен состав лексики в пределах тематической группы «Кофейные напитки» данных языков в период VI–XXI вв. Рассмотрено функционирование этих номинаций в современном языке. Выполнено исследование их лингвистической и экстралингвистической сущности, установлено влияние национально-культурных, прагматических, исторических, эстетических и других факторов на их возникновение.

Кофе – это удивительный напиток, известный человеку с древних времен и имеющий очень давнюю историю возникновения, что подтверждается существованием огромного количества легенд и сказаний. В одном из преданий речь идет об эфиопском пастухе Кадди, который заметил, что его козы становились возбужденными, когда ели красные плоды с дикорастущего куста. Попробовав вяжущие ягоды, Кадди сразу почувствовал прилив сил и энергии [1, с. 125]. Эфиопы не культивировали кофе, но являлись его распространителями, поэтому подлинную историю кофе как напитка ученые связывают с историческим событием 575 г., когда Аксумское царство (древнеэфиопское государство) завоевало Йемен, и эфиопы стали выращивать там кофейные деревья [2, с. 8]. Ибн-Сина, известный в Европе как

Авиценна, который жил на рубеже X – XI вв., оставил в своих записях одно из первых описаний кофейного напитка, назвав его «бон». Это же название используют жители Йемена [2, с. 8]. Исходя из этого можно предположить, что кофейный напиток возник в период с конца VI в. до начала X в. в Юго-Западной Азии.

Поскольку кофе сегодня является одним из самых распространенных и любимых напитков во всем мире, связанные с ним номинации, которые появились в XX в., вызывают большой интерес у лингвистов. В настоящей статье сделана попытка выявить и описать в диахроническом аспекте некоторые названия кофейных напитков, закономерности их возникновения и функционирования в русском и английском языках.

Англоязычный материал для наблюдения и анализа извлечен методом сплошной выборки из Оксфордского словаря [3] и Национального корпуса английского языка (OED)[1]; для русского языка, принимая во внимание тот факт, что большая часть номинаций кофейных напитков возникла недавно и еще не зафиксирована в толковых словарях, выборка делалась из современных книг по кулинарии [4; 6] и кулинарных энциклопедий [5; 7]; данные проверялись также по Национальному корпусу русского языка (НКРЯ)[2].

Номинация кофе во многих европейских языках происходит от арабского *qahwah*, которое при посредстве турецкого языка (*kahve*) распространилось по Европе [8, с. 355]. Интересен тот факт, что первоначально номинация *qahwah* означала вид вина (OED), что подтверждает эфиопское происхождение: некоторые племена, жившие в Эфиопии, делали вино из забродившей мякоти кофейных ягод и называли его *kawah* ‘хмельной напиток’.

В Европу кофейный напиток пришел в конце XVI в. [9, с. 53]. В Англии упоминание о кофе впервые зафиксировано в 1598 г. в переводе книги о путешествии нидерландского купца Яна Гюйгена ван Линсхотена в Индию, где описываются турки, которые пьют напиток из тех же «фруктов», что и египтяне: *The Turkes holde almost the same manner of drinking of their* ***Chaoua*** *[printed Chaona], which they make of a certaine fruit..by the Egyptians called Bon or Ban* (W. Phillip, tr. J. H. van Linschoten, 1598) (OED).

В XVI в. имеет место вариативность написания слова, основанная на звуковом подобии с оригиналом (*chaoua, cahve, coava, kauhi, coffa*), но к концу XVI – началу XVII в. уже фиксируется современная форма *coffee*: *The most usual Liquor..Kahue, which we call* ***Coffee*** (C. de Bruyn Voy., 1702) (OED). Как и первое упоминание кофе, так и эта форма встречается у нидерландского писателя и путешественника по Востоку Корнелиса де Брюйна, что говорит в пользу теории о том, что в английский и русский языки современная форма слов *coffee*/*кофе* пришла из голландского языка [10, с. 436].

[1] OED – Oxford English Dictionary (http://www.oed.com/)

[2] НКРЯ – Национальный корпус русского языка (http://www.ruscorpora.ru/index.html)

Несмотря на то, что в XVI–XVII вв. Россия вела торговлю со многими странами Ближнего и Среднего Востока, где кофе уже хорошо знали, русскому потребителю он известен не был, поскольку в то время на столах знати и простолюдинов присутствовали иные напитки и чай. Как известно, близкое знакомство русских людей с кофе состоялось во времена Петра I, который попробовал его во время своего обучения морскому делу в Амстердаме. Именно он пытался привить боярам привычку пить по утрам не чай, а кофе [1, с. 129]. Поэтому в разных источниках встречаются более ранние номинации *кагве* и *кафа*, которые датируются концом XVII – началом XVIII в. Они встречаются в текстах, описывающих этот напиток как что-то необычное и непривычное (*Я мол кагве не буду пить; у нас мол на Руси нет этого питья*) [11], а также как уже вошедшее в жизнь явление: *Хотя у них <офицеров> побываем, а с другими в трактирѣ* ***каву*** *попиваем*) [11]. НКРЯ фиксирует наименование *кофе* при описании приема у хана при рассказе о посольских делах Артемия Волынского (1716–1718): *Потом принесли кальян и поставили перед посланника, и подносили кофе и чай, а между чем имели разговор портикулярной, а при чем и о том хан спросил, знает ли посланник, где ныне князь Черкаской* (НКРЯ). Формы *кофей*, *кофий* на голландский манер (*koffie*) [8, с. 355] фиксируются в середине XVIII в.: *Запоры врачуют анис, звѣробой, цикорейной* ***кофей*** [11]. Многие русские писатели первой половины XIX в. использовали в своих произведениях именно форму *кофей*: *Они пили* ***кофей*** *в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами* (А. С. Пушкин. «Дубровский», 1833) (НКРЯ); *Тогда Невский проспект пуст: плотные содержатели магазинов и их комми еще спят в своих голландских рубашках или мылят свою благородную щеку и пьют* ***кофей****; нищие собираются у дверей кондитерских, где сонный ганимед, летавший вчера, как муха, с шоколадом, вылезает, с метлой в руке, без галстука, и швыряет им черствые пироги и объедки* (Н. В. Гоголь. «Невский проспект», 1835) (НКРЯ). Таким образом, можно говорить о том, что название этого напитка в разных слоях общества произносилось по-разному, возможно, в зависимости от профессии и рода деятельности говорящего, степени его знакомства с иностранной новинкой.

Интерес к кофе возрастал, и, чтобы поддерживать спрос потребителей, приходилось делать напитки более разнообразными, добавляя различные компоненты или придумывая новые способы заваривания. В результате этого большое количество изобретенных кофейных напитков стало основой создания целого ряда новых номинаций.

Все кофейные напитки можно разделить на несколько групп. К п е р в о й группе мы отнесем названия классических кофейных напитков, которые состоят из чистого кофе и воды в разной концентрации: ***эспрессо***, ***американо***.

Одним из самых известных напитков в мире является *эспрессо*. Это «кофейный напиток, отличающийся небольшим объемом, крепкий и приго-

товленный из зерен мелкого помола под высоким давлением воды» [12, с. 110]. Его история начинается с изобретением первых машин для заваривания кофе, которые использовались в кофейнях и позволяли делать кофе стандартной крепости, применяя пар для прохождения воды через кофе. Такие машины давали возможность ускорить процесс заваривания кофе, поэтому их стали называть *эспрессо* [13, с. 397], и это название было метонимически перенесено на сам кофейный напиток.

Английское слово *espresso* (рус. *эспрессо*) путем транслитерации пришло из итальянского языка. Итальянско-русский словарь дает следующее определение слову *espresso* при его использовании для обозначения кофе: «кофе, приготовляемый в присутствии посетителя (на особом аппарате)» [14, с. 295]. Впервые англ. слово *espresso* в сочетании со словом *cafe* встречается в первой трети XX в., обозначая приготовление кофе на итальянский манер: *We young Neapolitans drink it [sc. coffee] standing ,.. and in the shape of that concoction known as* ***cafè espresso*** (N. Douglas, 1933) (OED). Уже в середине XX в. номинация *espresso* начинает употребляться самостоятельно в значении ‘чашечка крепкого кофе’. В английской газете «Обозреватель» в 1957 г. мы встречаем статью о том, что часть своего обеденного времени англичане отводят на то, чтобы выпить эспрессо: *The piece on lunch-time in* ***an espresso*** (OED).

В русском языке фиксация слова *эспрессо* относится к концу XX в. В мемуарно-художественной книге В. П. Катаева «Алмазный мой венец» (1975–1977) оно было использовано в составе характеристики И. Бабеля, при этом также подчеркивается итальянское происхождение напитка: *У него всегда можно было выпить стакан на редкость душистого, хорошо заваренного чая или чашку настоящего итальянского черного кофе* ***эспрессо***: *он собственноручно приготовлял его, пользуясь особой заграничной кофеваркой* (НКРЯ).

Следующей в этой группе является номинация рус. *американо*/англ. *americano*. Считается, что этот напиток возник в Италии во время Второй мировой войны благодаря американским солдатам. Они считали *эспрессо* слишком крепким напитком и просили разбавлять его водой. С тех пор разбавленный водой *эспрессо* стали называть *cafe Americano* [12, с. 115]. Первое употребление этого названия встречается в ямайской газете «Sunday Gleaner» (1964), где этот кофейный напиток описывается как мягкий и слабый, в американском стиле: ***Cafe Americano*** *or cafe Latino? The first is what is says. Mild American-style coffee* (OED). Однословное название *americano* появляется в 1973 г. в модном и авторитетном американском газетном издании «The Los Angeles Times», где описывается, как посетителю ресторана предлагают два вида кофе: *эспрессо* или *американо*: *If you order coffee at a Mexican restaurant away from tourist resorts, you will be asked how you want it, express or* ***Americano****... Ask for Americano if you want a cup resembling what you get at home* (OED).

Для русского языка слово *американо* как название кофейного напитка фиксируется НКРЯ только в начале XXI в.: *Как и в любой хорошей кофейне, аппарат приготовит на выбор не только традиционный эспрессо или* ***американо****, но и капуччино* (Технопарад, 2004) (НКРЯ).

Ко в т о р о й группе можно отнести названия кофейно-молочных напитков, в состав которых входят такие основные компоненты, как классический эспрессо, вода и молоко: ***капучино***, ***латте***, ***флэт уайт***.

Первым среди наименований этой группы появилось англ. *cappuccino*/ рус. *капучино*. Как и многие номинации кофейных напитков, это слово пришло из итальянского языка. Первоначально лексема *cappuccino* была связана с орденом монахов-капуцинов, основанным в XVI в. в Италии [15, p. 334]. Капуцины были узнаваемы по своей одежде: простая коричневая мантия, которая включала длинный заостренный капюшон, свисающий вниз, называемый по-итальянски *cappuccio*, что породило название ордена[1] [16]. Напиток получил свое название в результате метафорического переноса, поскольку цвет молочной шапочки сверху (эспрессо, смешанного с вспененным молоком) был похож на тонзуру капуцинов: «напоминает белокочанную капусту, как голова, закутанная в капюшоне»[2] [17].

В английский язык слово в первичном значении было заимствовано в конце XIX в. [18]. Однако одну из первых фиксаций названия напитка, похожего на мантии монахов, мы встречаем в книге Р. О'Брайена «This is San Francisco» (1948): *You drink a* ***cappuccino****, gray, like the robe of a capuchin monk, and made of chocolate that is laced with brandy or rum, and heated by steam forced through coffee* (OED). В русском языке первое упоминание этого напитка имело место в конце XX в.: *Маршал хлопнул в ладоши, и в дверях немедленно возникла секретарша. – Три кофе! – сказал ей маршал. – Ему турецкий, мне* ***капучино****…* (В. Войнович, 1986) (НКРЯ).

Следующий напиток этой группы – кофе *латте*. В английский, как и в русский, слово *latte*/*латте* пришло из итальянского (итал. *latte* от лат. корня **lac-*, *lacte-* 'молоко') [19, с. 436]. Этот кофейно-молочный напиток обычно готовится из порции эспрессо, которая заливается во вспененное кипяченое молоко [3, p. 203]. Согласно Оксфордскому словарю, современная форма *caffè latte* появилась в английских источниках примерно в 1907 г. Однако мы можем встретить упоминание этого напитка в романе Э. М. Форстер «Где ангелы боятся протектора», впервые опубликованного в 1905 г.: *They give us caffè latte in our rooms* (OED).

Первая зафиксированная форма *caffe latto* в английском языке встречается в письменных источниках 1847 г. В одном из журналов дается поясне-

[1] The Capuchins were also renowned for their dress. They wear a simple brown robe that includes a long, pointed hood that hangs down the back. The Italian word for this distinctive hood, cappuccio, gave rise to the Italian name for the order. It also gave rise to the Italian word for a friar of the Capuchin order used in the excerpt above: cappuccino.

[2] Aggiunto a cavolo designa Quello de color bianco, che fa il suo cesto sodo raccolto come una testa incappucciata.

ние, что это за напиток и что его можно купить вместе с булочкой за два цента: *He gets his caffe latto (coffee with milk), and a roll of brown bread for two cents* (OED). До начала XX в. также встречались разные формы написания этого слова: *caffe latte* (1923) и более ранняя *caffè e latte* (1865), что в переводе с итальянского значит ‘кофе’ и ‘молоко’ (OED). В русском языке слово *кофе-латте* появляется, как и многие современные номинации кофейных напитков, лишь в начале XXI в.: *Взгляд отдыхает на нюансах коричневого, для описания которых приходится прибегать к лексике гурманов: эспрессо, капуччино, кафе-латте, шоколад, крем-карамель, ванильный пудинг, медовый торт…* (Человек радуги, 2002) (НКРЯ). Со временем происходит редукция синтагмы до одного слова, и носители как русского, так и английского языка стали использовать лишь наименование *латте/latte*, не добавляя, что это кофе. В английском языке это происходит в конце XX в.: *The most common order heard is for a **latté**, espresso with milk, another variation on cappuccino and café au lait* (N.Y. Times, 1989) (OED); в русском – в XXI в., в тот же период, когда фиксируется и полное наименование напитка: *Приходит час и даже Заклинателю Встреч не мешает выйти из игры, потянуть через трубочку латте, вспомнить, что время имеет вкус густого горького кофе, и решить, наконец, как же быть* (Улья Нова. Инка, 2004) (НКРЯ). Несмотря на склонность языка к сокращению словосочетаний, в некоторых европейских странах стараются все же говорить *caffè latte*, поскольку заказавшему *latte* в Италии принесут стакан обычного молока [12, с. 111].

Размышляя над идеальными пропорциями молока и кофе, кулинары во всем мире придумывали новые сочетания и соотношения компонентов. Еще одним напитком, похожим на *латте*, в который входит молоко и двойной эспрессо, стал *флэт уайт* (английское *flat white*). Его изобретение приписывают как Австралии, так и Новой Зеландии [12, с. 111]. Приятный кофейный вкус и сладкий молочный аромат снискали поклонников по всему миру, и напиток очень быстро распространился по Европе. В его названии кроется история создания: в 1980–1990 гг. в многих странах, кроме Италии, капучино делали с большой шапкой из молочной пены, что вызывало недовольство у посетителей, так как они не хотели платить за воздух. Многие люди, приходившие выпить кофе, просили сделать им *flat* ‘плоский’ и *white* ‘белый’ напиток без большой пены [12, с. 115]. Так этот вид кофе появился в меню заведений многих стран света. В английском языке данная номинация фиксируется в конце XX в.: *I asked her if she’d have a coffee with me... So we went to an expresso in South. Ken. Ted: And held hands over two flat whites?* (P. Shaffer. “A. W. England Two Ages of Man”, 1971) (OED). К XXI в. напиток становится очень популярным, и одна из самых известных газет Великобритании «Гардиан» отмечает, что это не просто кофейный напиток, это символ поклонения многих кофеманов: *The flat white may appear to be just another cup of coffee but aficionados plead otherwise* (Guardian, 2010) (OED). В русском языке мы встречаем название *флэт уайт* лишь на сайтах [20], посвященных кофейной культуре, поэтому НКРЯ и толковые словари не фиксируют названия этого напитка.

Создание культа кофе по всему миру и постоянное изобретение новых кофейных напитков привели к тому, что в конце XX в. в Англии возникает новое понятие *coffee culture* ‘кофейная культура’, отображающее жизнь людей, для которых пить кофе (или ходить в кафе) является характерной (социальной) активностью (OED). Первые употребления данного словосочетания встречаем в новостных изданиях «Associated Press Newswire» в 1983 г.: *Followup studies should be done in places with a ‘**coffee culture**’ similar to that of Norway, where people drink lots of boiled black coffee and shun decaffinated coffee* (OED).

Таким образом, за последние годы возникла отдельная социально-культурная сфера, которая в XXI в. подвержена значительным изменениям: процессы номинации и заимствования продолжаются, поэтому важно фиксировать и отмечать те номинации, которые присутствуют в живом общении, но еще не зафиксированы в словаре.

Проанализировав наименования кофейных напитков в английском и русском языках, мы пришли к следующим выводам:

- в Европу кофе приходит в XVI в.; современная форма *coffee* в английском языке появляется в конце XVI – начале XVII в.;
- в России в XVII в. кофе был известен как лечебный напиток, и только в конце XVII – начале XVIII в. при Петре I он получает распространение;
- большая часть названий современных горячих кофейных напитков заимствована из итальянского языка (*эспрессо*, *капучино*, *латте*).
- большая часть номинаций кофейных напитков фиксируется в конце XX в. – начале XXI в., что связано с изобретением нового быстрого способа заваривания кофе (в начале XX в.);
- кофе *эспрессо/espresso*, номинации которого датируются началом XX в. в английском и концом XX в. в русском, зафиксирован в словарях английского и русского языков, так как он является одним из первых и основных напитков, который дал толчок развитию множеству других кофейных коктейлей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Третьякова, В*. Чай, кофе, какао / В. Третьякова. – М. : ТЕРРА; «Книжная лавка – РТР», 1997. – 224 с.
2. *Иванов, Ю. Г.* Наш любимый кофе / Ю. Г. Иванов. – Смоленск : Фирма «Русич», 1999. – 446 с.
3. Oxford Advanced Learner’s Dictionary. – 9th ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2015. – 1780 p.
4. *Ходоров, В. С.* Кофе – Аромат дома / В. Ходоров. – М. : Эксмо, 2008. – 192 с.
5. *Бузмаков, А.* Библия кофе / А. Бузмаков, И. Васильчикова. – М. : АСТ [и др.], 2011. – 128 с.

6. *Першина, С. Е.* Книга о кофе / С. Е. Першина. – М. : Астрель, Аркаим, 2011. – 126 с.
7. *Денисов, Д. И.* Профессиональный кофе. Библия бариста / Д. Денисов. – М. : Ресторанные ведомости, 2004. – 103 с.
8. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. – 2-е изд., стер. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. 4. – 864 с.
9. *Пучеров, Н. Н.* Все о кофе / Н. Н. Пучеров. – 3-е изд., стер. – Киев : Наук. думка, 1988. – 102 с.
10. *Черных, П. Я.* Историко-этимологический словарь русского языка: в 2 т. / П. Я. Черных. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2004. – Т. I. – 623 с.
11. Словарь русского языка XVIII века : в 19 вып. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; редкол.: Ю. С. Сорокин (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984–2006.
12. *Хоффманн, Дж.* Всемирный атлас кофе. От зерна до чашки : Полный путеводитель по странам-производителям, сортам и способам приготовления / Дж. Хоффманн; пер. с англ. А. Андреевой. – СПб. : ООО «Изд-во «Пальмира», 2018. – 256 с.
13. *Villegas, L.* Coffees of Colombia / L. Villegas. – Bogota : Villegas, 2012. – 491 с.
14. *Скворцова, Н. А.* Итальянско-русский словарь: 55 000 слов / Н. А. Скворцова, Б. Н. Майзель. –2-е изд. – М. : Сов. Энцикл., 1972. – 944 с.
15. Webster's Third New International Dictionary of the english language unabridged / ed. in chief P. Babcock. – Springfield : G.a.C. Merriam Co., 1981. – 2 662 p.
16. Электронная библиотека Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.merriam-webster.com/words-at-play/where-do-we-get-cappuci no-from. – Дата доступа : 10.02.2019.
17. Этимологический словарь итальянского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://etimo.it. – Дата доступа : 10.02.2019.
18. Электронная библиотека Merriam-Webster [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.merriam-webster.com/dictionary/cappuccino. – Дата доступа : 10.02.2019.
19. *Дворецкий, И. Х.* Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – 846 с.
20. Все о натуральном кофе [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://leagueofcoffee.ru/reczeptyi-kofe/recept-flat-white.html. – Дата доступа : 10.02.2019.

In the article, an attempt was made to detect and describe some peculiarities of nominations of coffee drinks in English and Russian in the diachronic perspective. The article determines the functioning of these nominations in modern language.

Поступила в редакцию 25.02.2019

Е. В. Рубанова

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ МЕТАФОРА ЖИЗНИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЦИТАТ И АФОРИЗМОВ

Данная статья посвящена метафорической репрезентации сущности жизни в цитатах и афоризмах. В ходе анализа метафорических высказываний о смысле жизни выявляются нюансы когнитивной структуры данной сферы. Выделенные экзистенциальные метафоры помогают глубже понять довольно абстрактную сущность человеческой жизни и отношение к ней.

Как известно, метафора вызывала интерес с античных времен. Сегодня существует множество подходов к ее изучению. В монографии, посвященной вопросам метафорологии, О. Н. Лагута выделяет тринадцать подходов к рассмотрению метафоры. Метафора и метафоризация представляются как ментальные сущности, концепты, нейролингвистические, онтолингвистические, герменевтические и интерпретационные, лексикологические, семиотические и социолингвистические объекты. Их изучают в русле идиолектов, поэтики и риторики, лексикографии, лингвокультурологии, прагматики и теории речевых актов [1, с. 7–8]. Данные подходы автор монографии рассматривает в рамках двух основных направлений: *лингвометафорологии кодирования* (охватывает исследования по нейролингвистике, когнитивистике, онтолингвистике, коммуникативистике и теории речевых актов, прагматике, семиотике) и *лингвометафорологии декодирования* (кроме перечисленных научных направлений включает лингвостилистику, текстовую поэтику, интерпретационную лингвистику, современную герменевтику, лексикологию и дериватологию, идиолектную лингвистику, лексикографию, лингвокультурологию, социолингвистику) [Там же, с. 8].

В статье «Метафора и дискурс» Н. Д. Арутюнова отмечает, что в изучении метафоры акцент сместился с филологии (риторики, стилистики, литературной критики) в область изучения практической речи и в те сферы, которые обращены к мышлению, познанию и сознанию, к концептуальным системам и моделированию искусственного интеллекта. Сегодня в метафоре склонны видеть ключ к пониманию основ мышления [2, с. 5–6].

Когнитивный взгляд на метафору связан с «интеракционистской» точкой зрения, изложенной М. Блэком, которая сводится к следующим семи требованиям:

1) метафорическое суждение имеет два субъекта – главный и вспомогательный;

2) эти субъекты рассматриваются как «системы» (systems of things);

3) механизм метафоры состоит в том, что к главному субъекту прилагается система «ассоциируемых импликаций», связанных со вспомогательным субъектом;

4) эти импликации рассматриваются как общепринятые ассоциации, связанные в сознании говорящих со вспомогательным субъектом (в некоторых случаях это могут быть и нестандартные импликации);

5) метафора в имплицитном виде включает в себя такие суждения о главном субъекте, которые обычно прилагаются к вспомогательному субъекту;

6) это приводит к сдвигам в значении слов, принадлежащих к той же самой семье или системе;

7) не существует общего правила, которое позволило бы объяснить, почему некоторые метафоры проходят, а другие нет [3, с. 167–168].

Суммируя суть когнитивной теории метафоры, А. Н. Баранов говорит, что «метафоризация основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры “источника” (source domain) и когнитивной структуры “цели” (target domain). В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит “метафорическая проекция” (metaphorical mapping) или “когнитивное отображение” (cognitive mapping)» [4, с. 9]. Автор предисловия к книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [5] утверждает, что следы метафорической проекции проявляются в семантике предложения и текста в виде метафорических следствий. В предложенном примере метафора НАРОД/ОБЩЕСТВО [цель] – ЭТО СТАДО [источник] в выражениях типа *мы вновь являемся лишь бессловесным стадом для губительных игр «верхов»* обращает внимание адресата на идею «несамостоятельности, пассивности», которая является частью когнитивной структуры (фрейма) «стада». Из знаний о мире мы знаем, что стадо животных управляется пастухом [5].

Как пишет Дж. Лакофф, «Metaphor allows us to understand a relatively abstract or inherently unstructured subject matter in terms of a more concrete, or at least a more highly structured subject matter» [6], то есть метафора позволяет нам понимать довольно абстрактные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей. Безусловно, жизнь – понятие сложное и довольно абстрактное. Целью исследования, таким образом, является интерпретация сущности жизни и выявление когнитивной структуры данной сферы в ходе анализа метафорических высказываний о смысле жизни. Такой подход поможет глубже понять довольно абстрактную сущность человеческой жизни и отношение к ней.

Как отмечает Н. В. Деева, метафорическая репрезентация концепта «жизнь» в разных языках представлена в работах Л. П. Водясовой (2016), Ю. Зона (1997), О. А. Ипановой (2005) и др. [7]. Данная статья посвящена метафорической репрезентации сущности жизни в цитатах и афоризмах, доступных на сайтах wisdoms.one, citaty.su и др.

Анализ материала показывает, что часто понятие жизни связывается с деятельностью человека (ЖИЗНЬ – ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ), его служением определенной профессии, цели, людям, родине. Еще Аристотель говорил: «В чем смысл жизни? Служить другим и делать добро». Подобная трактовка смысла жизни высвечивается в следующих метафорах:

ЖИЗНЬ – ДЕЛО

Жизнь – не страдание и не наслаждение, а дело, которое мы обязаны делать и честно довести его до конца (А. Токвиль);

ЖИЗНЬ – ДОЛГ

Жизнь – это долг, хотя б она была мгновением (И. В. Гёте);

ЖИЗНЬ – СЛУЖБА

Назначенье человека – служить, и вся жизнь наша есть служба. Не забывать только нужно того, что взято место в земном государстве затем, чтобы служить на нем Государю Небесному и потому иметь в виду Его закон. Только так служа, можно угодить всем: Государю, и народу, и земле своей (Н. В. Гоголь);

ЖИЗНЬ – ТРУД

Жизнь есть постоянный труд, и только тот понимает ее вполне по-человечески, кто смотрит на нее с этой точки зрения (Д. И. Писарев);

ЖИЗНЬ – РАБОТА

Жизнь – не праздник, не цепь наслаждений, а работа, в которой таится подчас много скорби и много сомнений (С. Я. Надсон);

ЖИЗНЬ – СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ

Жизнь – это бесконечное совершенствование. Считать себя совершенным – значит убить себя (Х. Геббель);

В подобных цитатах заложен глубокий дидактический смысл. Человек обязан трудиться, выполнять свой долг, работать и совершенствоваться во благо высоких целей. В указанных метафорах высвечиваются следующие характеристики жизни: необходимость выполнять порученное, доводить начатое до конца, ответственно подходить к делу, жертвовать ради исполнения долга и др.

Так как жизнь как деятельность сопряжена с большими трудностями, она может метафорически осмысляться в рамках понятий бремени и ноши:

ЖИЗНЬ – БРЕМЯ

Бремя наших дней слишком тяжко для того, чтобы человек мог нести его в одиночестве, а мирская боль слишком глубока для того, чтобы человек в одиночку был в состоянии ее пережить (О. Уайльд);

ЖИЗНЬ – НОША

Я все еще люблю жизнь. Эта нелепая слабость, может быть, один из самых роковых наших недостатков: ведь ничего не может быть глупее, чем желание беспрерывно нести ношу, которую хочется сбросить на землю, быть в ужасе от своего существования и влачить его (Вольтер).

Подобные метафоры отражают такие характеристики, как тяжесть, обременительность жизни, непосильный характер забот. Бремя (синоним тяжелой ноши) и ноша взваливаются на человека кем-то или самим собой, поэтому подобное метафорическое окружение лексемы *жизнь* отражает некоторую безысходность определяемого понятия.

Полярный взгляд на смысл жизни выражает метафора ЖИЗНЬ – ИГРА (всем известны слова из оперы «Пиковая дама», которые произносит Герман: «Что наша жизнь? Игра!»). Подобная философия раскрывается и в метафоре

ЖИЗНЬ – ИГРИЩЕ, которая подчеркивает мысль о том, что не стоит относиться к жизни излишне серьезно: *Жизнь подобна игрищам: иные приходят на них состязаться, иные – торговаться, а самые счастливые – смотреть* (Пифагор).

С концептуальной метафорой ЖИЗНЬ – ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ непосредственно связана и метафора ЖИЗНЬ – БОРЬБА. Марк Аврелий утверждал, что «искусство жизни более напоминает искусство борьбы, нежели танца. Оно требует готовности и стойкости в отношении к внезапному и непредвиденному». В отличие от метафор бремени и ноши данная метафора не профилирует характеристику безысходности, ведь борьба подразумевает активное соперничество с иной силой, стремление к более благоприятным условиям: *Жизнь – борьба, в борьбе – счастье* (И. А. Гончаров); *Жизнь требует верного глаза и твердой руки. Жизнь не слезы, не вздохи, а борьба, и страшная борьба…* (В. В. Розанов); *Жить – значит действовать с энергией; жизнь – борьба, в которой надо драться храбро и честно* (Н. В. Шелгунов). Метафора жизни как борьбы реализуется в более частных случаях:

ЖИЗНЬ – БИТВА

Жизнь – это битва, и надо готовиться к ней с самого детства (А. Моруа);

ЖИЗНЬ – ПОДВИГ

Жизнь есть тяжелый долгий подвиг, а не наслаждение и путь к личному счастью (Н. Грот).

Последняя метафора профилирует такие признаки, как героизм, самоотверженность, рискованный характер жизни.

Рискованный характер жизни подчеркивается как непосредственно метафорой ЖИЗНЬ – РИСК, так и ассоциативно другими метафорами:

ЖИЗНЬ – РИСК

Жизнь – это риск. Только попадая в рискованные ситуации, мы продолжаем расти. И одна из самых рискованных ситуаций, на которые мы можем отважиться, – это риск полюбить, риск оказаться уязвимым, риск позволить себе открыться перед другим человеком, не боясь ни боли, ни обид (А. Хаффингтон).

Рискованный характер сущности жизни профилируют также метафоры:

ЖИЗНЬ – ПУТЕШЕСТВИЕ

Наша жизнь – путешествие, идея – путеводитель. Нет путеводителя, и все останавливается. Цель утрачена, и сил как не бывало (В. М. Гюго);

ЖИЗНЬ – ПРИКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь – это чудесное приключение, достойное того, чтобы ради удач терпеть и неудачи (Р. Олдингтон).

Данные метафоры отражают более позитивный взгляд на сущность жизни по сравнению с метафорами ЖИЗНЬ – БРЕМЯ и ЖИЗНЬ – НОША, ведь в сознании большинства людей путешествия и приключения (хотя и связаны с риском и опасностью) вызывают положительные ассоциации, так как позволяют оторваться от рутины, отвлечься, расширить горизонты и т.п. То есть метафорически в данном случае жизнь осмысляется как путь к неко-

торому месту назначения, полный неожиданностей, испытаний и свершений. Подобное осмысление жизни раскрывает и метафора ЖИЗНЬ – ЦЕПЬ ОТКРЫТИЙ: *Жизнь – это почти непрерывная цепь собственных открытий* (Г. Гауптман), которая подчеркивает одно из функциональных значений жизни – учить человека через приобретаемый им в ходе жизни опыт.

Метафоры ЖИЗНЬ – ШКОЛА, ЖИЗНЬ – КНИГА, ЖИЗНЬ – ИСКУССТВО раскрывают предназначение жизни в рамках интеллектуального и творческого развития личности:

Жизнь – это школа, но спешить с окончанием ее не следует (Э. Кроткий);

Величайшая из книг – книга жизни, которую нельзя ни закрыть, ни снова открыть по своему произволу (А. Ламартин);

Жизнь – искусство, в котором часто люди остаются дилетантами. Чтобы жить, надо пролить много крови своего сердца (К. Сильва).

Метафорическое осознание смысла жизни как книги, которую мы сами пишем, раскрывается и в более частных случаях (ЖИЗНЬ – СКАЗКА), и в более обобщенных (ЖИЗНЬ – ТЕКСТ):

Реальная жизнь немногим отличается от хорошей фантастической сказки, если рассматривать ее изнутри, со стороны желаний и мотивов, коими руководствуется человек в своей деятельности (М. Горький);

Первые сорок лет жизни дают нам текст, а следующие тридцать представляют комментарии к нему (А. Шопенгауэр).

Метафорическое осмысление жизни в терминах искусства получило довольно широкое распространение. Усвоив фразу У. Шекспира «Весь мир – театр», творцы экзистенциальных метафор обращаются к театральным жанрам, чтобы объяснить тот или иной характер жизни человека. И здесь встречаются метафоры:

ЖИЗНЬ – ТЕАТР

Люди должны знать: в театре жизни только Богу и ангелам позволено быть зрителями (Ф. Бэкон);

ЖИЗНЬ – ДРАМА

Благополучие, несчастье, бедность, богатство, радость, печаль, убожество, довольство суть различные явления одной исторической драмы, в которой человеки репетируют роли свои в назидание миру (К. Прутков);

ЖИЗНЬ – КОМЕДИЯ; ЖИЗНЬ – ТРАГЕДИЯ

Жизнь – трагедия для того, кто чувствует, и комедия для того, кто мыслит (Ж. Лабрюйер).

В данных метафорах высвечивается не только качество жизни (счастливая, веселая, драматичная, несчастная), но и игра актеров (то есть деятельность самих людей в процессе жизни), а также конечность человеческой жизни, ведь у книги есть последняя страница, у пьесы – последний акт.

На скоротечность жизни прямо указывают метафоры ЖИЗНЬ – МИГ и ЖИЗНЬ – МГНОВЕНИЕ:

Жизнь – это миг. Ее нельзя прожить сначала на черновике, а потом переписать на беловик (А. П. Чехов);

Жизнь – это долг, хотя б она была мгновением (И. В. Гёте).

Как следует из этих и других примеров, для осмысления сущности жизни в одном высказывании могут использоваться две и более метафоры. Например, в цитате А. П. Чехова жизнь предстает как миг и как текст. Среди исследованного массива афоризмов количество метафор, представленных в одном высказывании, может достигать шести: *Жизнь с ее явлениями можно уподобить сновидению, фантому, пузырю, тени, блеску росы или вспышке молнии и представлять ее следует именно такой* (Будда. Алмазная Сутра). Здесь налицо использование природных образов, которые подчеркивают мимолетность жизни.

Осмысление сущности жизни в категориях образов природы и окружающего мира характерно не только для буддизма. Образы дороги, горы, моря, океана подкреплены зрительно, поэтому нижеследующие метафоры вполне понятны. Например, образ горы позволяет метафорически отразить тяжесть жизни при выполнении каких-то обязанностей на пути к цели (вершине):

ЖИЗНЬ – ГОРА

Жизнь – гора: поднимаешься медленно, спускаешься быстро (Ги де Мопассан).

Помимо текучести жизни следующие метафоры высвечивают такие качества, как невозможность изменить ход событий и непредсказуемость жизни:

ЖИЗНЬ – РЕКА

Жизнь нашу можно удобно сравнивать со своенравною рекою, на поверхности которой плавает челн, иногда укачиваемый тихоструйною волною, нередко же задержанный в своем движении мелью и разбиваемый о подводный камень (К. Прутков);

ЖИЗНЬ – МОРЕ

Жизнь подобно морским водам освежает лишь тогда, когда восходит к небесам (И. Рихтер);

ЖИЗНЬ – ОКЕАН

Похожа жизнь на океан,
А все мы – только рыбаки:
Мечтаем выудить кита,
А добываем хвост трески (Ф. Логау).

Тематически близка здесь и метафора ЖИЗНЬ – КОРАБЛЬ: *Корабль жизни поддается всем ветрам и бурям, если не имеет трудового балласта* (Стендаль).

Образы природных объектов и явлений используют создатели следующих метафор. Виктор Гюго, говоря о жизни как о цветке, раскрывает сущность любви: *Жизнь – это цветок, а любовь – нектар.* Иной взгляд на сущность жизни с использованием схожего образа находим у И. А. Гончарова: *Без жертв, без усилий и лишений нельзя жить на свете: жизнь – не сад, в котором растут только цветы*. Хрупкому образу цветка противостоит образ железа: *Жизнь человеческая подобна железу. Если употреблять его в дело, оно истирается, если же не употреблять, ржавчина его съедает* (Катон Старший). Ассоциативно жизнь связывается с пламенем: *Кто не*

горит, тот коптится. Это – закон. Да здравствует пламя жизни! (Н. А. Островский); *Жизнь – чистое пламя; мы живем с невидимым солнцем внутри нас* (Т. Браун). Жизни приписываются свойства горения и гниения: *Есть только две формы жизни: гниение и горение* (М. Горький).

Осмысление абстрактной категории жизни происходит и в рамках таких конкретных сущностей, как бытовые предметы (чаша, зеркало, коробка спичек и т.д.):

ЖИЗНЬ – ЧАША

Чаша жизни прекрасна! Какая глупость негодовать на нее только потому, что видишь ее дно (Ж. Ренан);

ЖИЗНЬ – ЗЕРКАЛО МЫСЛЕЙ

Подлинным зеркалом нашего образа мыслей является наша жизнь (М. де Монтень).

Несмотря на многочисленные попытки уловить смысл жизни и представить ее суть, многие великие люди подчеркивают размытый характер определяемой категории. Жизнь могут сопоставлять со сном, сновидением, фантомом, миражом, тьмой и темнотой, тайной. В подобных метафорах также высвечивается мимолетность жизни:

ЖИЗНЬ – СОН, СНОВИДЕНИЕ

Жизнь есть сон, снящийся Богу (Х. Л. Борхес);

ЖИЗНЬ – ФАНТОМ, МИРАЖ

Жизнь – мираж. Тем не менее – радостным будь… (О. Хайям);

ЖИЗНЬ – ТЬМА, ТЕНЬ

Жизнь на самом деле – тьма, если нет стремления. Любое стремление слепо, если нет знания. Любое знание бесполезно, если нет труда. Любой труд бесплоден, если нет любви (Х. Джебран).

В целом следует отметить, что представленный в данной статье ряд метафор, используемых для характеристики сущности жизни, нельзя считать полным. Смысл жизни – понятие, которое находится в фокусе внимания как древних философов, так и наших современников. Выбор метафор авторами глубоких философских высказываний о жизни очень широк. Данный выбор может быть обусловлен как личным опытом создателя метафоры, так и особенностями языковой картины мира носителя того или иного языка. Широкий выбор метафор также обусловлен характером определяемого понятия и его высокой степенью абстрактности. Очевидно, что в афоризмах и цитатах при определении сущности жизни встречаются как универсальные образы (*жизнь – театр*), так и авторские новации: *Жизнь – карантин у входа в рай* (К. Вебер); *Жизнь – болезнь, сон – паллиативное средство, смерть – радикальное излечение* (К. Вебер). При этом профилируемые в метафорическом окружении характеристики сущности жизни могут варьироваться. В большинстве случаев указанные выше метафоры высвечивают функциональное предназначение жизни, ее темпоральные свойства, результативность, а также содержат оценку определяемой сущности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лагута, О. Н.* Метафорология : теоретические аспекты / О. Н. Лагута. – Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2003. – Ч. 1. – 144 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М., 1990. – С. 5–32.
3. *Блэк, М.* Метафора / М. Блэк // Теория метафоры : сб. : пер. с англ., фр., нем., исп., пол. яз. / вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой ; общ. ред. Н. Д. Арутюновой, М. А. Журинской. – М. , 1990. – С. 153–172.
4. *Баранов, А. Н.* Когнитивная теория метафоры : почти двадцать пять лет спустя / А. Н. Баранов // Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М., 2004. – С. 7–21.
5. *Лакофф, Дж.* Метафоры, которыми мы живем : пер. с англ. / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
6. *Lakoff, G.* The Contemporary Theory of Metaphor [Electronic resource] / G. Lakoff. – Mode of access : https:https://terpconnect.umd.edu/~israel/lakoff-ConTheorMetaphor.pdf . – Date of access : 10.01.2019.
7. *Деева, Н. В.* Перцептивные метафоры в репрезентации концептов «ЖИЗНЬ» и «ŻYCIE» / Н. В. Деева. – Режим доступа : http://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.desklight-3217e83e-10b7-4dae-8cd9-800050f4bb4d. – Дата доступа : 10.01.2019.

The article highlights the range of metaphors found in citations and aphorisms enabling us to understand the abstract subject matter of human existence in terms of more concrete and highly structured subject matters such as adventure, dream, mountain etc.

Поступила в редакцию 05.03.2019

Г. М. Старасціна

РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КАТЭГОРЫЙ ПРАСТОРЫ І ЧАСУ Ў НАЦЫЯНАЛЬНАЙ МОЎНАЙ КАРЦІНЕ СВЕТУ (на матэрыяле саматычных фразеалагізмаў з кампанентам ‘вока/вочы’ з рамана І. Мележа «Людзі на балоце» і яго перакладу на нямецкую мову)

Статья исследует пространственные и временные семантические характеристики белорусских соматических фразеологизмов с компонентом ‘глаз/глаза’. Определяется тип межъязыковой фразеологической эквивалентности фразеологизмов, выявляется общее и специфическое в их значении и функционировании. В основе исследования лежит фактический материал, который был извлечен из романа И. Мележа «Люди на болоте» и его перевода на немецкий язык.

У апошнія гады ў сучаснай лінгвістыцы значная ўвага надаецца вывучэнню фразеалогіі ў лінгвакультуралагічным аспекце, паколькі менавіта фразеалагічны фонд мовы адлюстроўвае асаблівасці этнічнага светаўспрымання, спецыфічныя рысы нацыянальнай культуры. Даследаваннем фразеалогіі ў лінгвакультуралагічным і кагнітыўным аспектах займаліся шматлікія навукоўцы (В. А. Арцёмава [1], А. С Дзядова [2], Я. Я. Іваноў [3; 4], У. І. Коваль [5], М. Л. Каўшова [6], А. С. Кубракова [7], В. А Ляшчынская [8], В. А. Маслава [9], В. М. Тэлія [10] і інш.). Аб'ектам нашага даследавання сталі саматычныя фразеалагізмы – шырокая група ўстойлівых адзінак, якія адрозніваюцца ўніверсальнасцю і выразнай антрапацэнтрычнасцю. У межах артыкула ўвага скіравана на ўстойлівыя адзінкі з кампанентам 'вока/вочы', якія маюць семантычныя прыкметы прасторы і часу. Фактычны матэрыял быў вылучаны з рамана Івана Мележа «Людзі на балоце» і яго перакладу на нямецкую мову. Мэта артыкула заключаецца ў вызначэнні агульных і адметных рыс у семантыцы беларускамоўных і нямецкамоўных фразеалагічных адзінак з кампанентам 'вока/вочы', у выяўленні закадзіраваных у іх унутранай форме ўніверсальных і нацыянальных элементаў моўнай свядомасці.

Саматычная фразеалогія выражае ўяўленне носьбітаў мовы аб прасторы і часе. Не выклікае сумнення, што кожны асобны акт зрокавага ўспрымання адбываецца ў які-небудзь момант часу і мае пэўную лакалізацыю. У гэтым сэнсе час і прастора іманентна прысутнічаюць у любой сітуацыі зрокавай перцэпцыі, што выяўляецца і на моўным узроўні. У якасці крытэрыяў аналізу погляду варта разглядаць *часавы аспект* (частата і працягласць зрокавага кантакту, ступень інтэнсіўнасці кантакту вачэй) і *прасторавыя характарыстыкі* погляду (напрамак руху вачэй, накіраванасць погляду да аб'екта ўспрымання ці ад яго).

Паміж катэгорыямі «прастора» і «час» прасочваецца цесная ўзаемасувязь, таму большасць саматычных фразеалагізмаў з кампанентам 'вока/вочы' маюць сінкрэтычную семантыку.

У большасці прааналізаваных фразеалагізмаў з кампанетам 'вочы' дамінантнай з'яўляецца семантычная прыкмета 'прастора'. Гэта тлумачыцца сутнасцю зрокавай перцэпцыі, якая здзяйсняецца не сама па сабе, а з удзелам аб'ектаў, якія займаюць пэўнае становішча ў прасторы. У свядомасці беларусаў вобраз прасторы ўяўляе сабой трохмерную сістэму каардынат, якая адлюстроўвае натуральную арыентацыю чалавека ў акаляючым асяроддзі. У цэнтры гэтай сістэмы знаходзіцца чалавек і прымаецца за зыходны пункт адліку. Гэтым тлумачыцца той факт, што размяшчэнне аб'ектаў у прасторы апісваецца з пазіцыі чалавека як назіральніка, які з'яўляецца прасторавым арыенцірам (перцэптарам). Менавіта чалавек у працэсе свайго вопыту адбірае найбольш рэлевантныя для яго арыенціры ў прасторы, у якасці якіх могуць выступаць знешнія сістэмы каардынат і месцазнаходжанне аб'екта.

Сітуацыя зрокавай перцэпцыі можа рэпрэзентавацца з дзвюх пазіцый.

1. Пазіцыя суб'екта ўспрымання, напрыклад: *Жне і не азірнецца* [*Васіль*], *сагнуўся, утаропіўся ў зямлю, бачыць толькі жытнёвыя сцяблы ды пера-*

вясла – хоць бы раз ***кінуў вокам*** *на яе, на Ганну* [11, с. 213]. // *Er arbeitete beharrlich; ohne sich einmal aufzurichten, sah er nur die Roggenhalme und die Garbenbänder – und* ***warf*** *nicht* ***einen*** *einzigen* ***Blick*** *zu Hanna* [12, S. 277]. Параўн.: беларус. *кінуць вокам (на каго, на што)* (‘глядзець зрэдку ці мелькам, імгненна’) – ням. *einen Blick werfen* (дасл. ‘кінуць позірк’).

2. Пазіцыя суб’екта дзеяння, напрыклад: *Ганне* ***кінуліся ў вочы*** *музыкі ў лапцях, аблепленыя гразёю да кален...* [11, с. 374]. // *Hanna fiel auf, dass die Musikanten Bastschuhe trugen und bis zu den Knien mit Schlamm bespritzt waren* [12, S. 490]. Параўн.: беларус. *кінуцца ў вочы* (‘міжвольна запыняць на сабе чыю-н. увагу, быць асабліва прыкметным’) – ням. *auffallen* (‘кідацца ў вочы, дзівіць, здзіўляць’).

Зрокавы кантакт – важная частка невербальных зносін паміж людзьмі, неабходная ўмова паспяховай камунікацыі. Візуальны кантакт з’яўляецца своеасаблівым аб’яднаннем, дзе кожны з суразмоўцаў уключаецца ў асабістую прастору іншага. Аптымальная працягласць і частата зрокавага кантакту вызначаецца традыцыямі і культурай пэўнага народа.

Як вядома, позірк, накіраваны прама, мае фізіялагічнае значэнне і абумоўлівае аб’ёмнае бачанне. Чалавек, які глядзіць прама ў вочы, у беларускай культуры ўспрымаецца як адкрыты і сумленны, напрыклад: *– А калі на тое, дзядзько, дак я самы першы выйду к сталу, к самому начальству, і заяўлю – проста* ***ў вочы****: не муціце ваду, не трывожце людзей!* [11, с. 305]. // *“Wenn das so kommen sollte, wie Sie sagen, Chalimon, dann will ich als erster an den Vorstandstisch treten und der Obrigkeit direkt* ***ins Gesicht*** *sagen: Wozu trübt ihr das Wasser, warum bringt ihr Unruhe unters Volk?”* [12, S. 402]. Параўн.: беларус. *у вочы (казаць)* (‘адкрыта і нічога не хаваючы, у прысутнасці каго-н.’) – ням. *ins Gesicht* (дасл. ‘у твар’). У перакладзе саматычнаму кампанету ‘вочы’ адпавядае кампанент ‘твар’, які суадносіцца з корнем нямецкага дзеяслова *sehen* ‘бачыць’. Абодва фразеалагізмы актуалізуюць сему ‘зрок’, характарызуюць сітуацыю з пазіцыі суб’екта дзеяння і спараджаюць станоўчую ацэначнасць: суб’ект зрокавай перцэпцыі ўяўляецца сумленным, упэўненым у сабе чалавекам.

Адсутнасць зрокавага кантакту пры камунікацыі разглядаецца як нежаданне ўзаемадзеяння, выцясненне суразмоўцы з асабістай прасторы, напрыклад: *Абдзіраючы ліпкую шкурку з бульбін, Васіль хмурыў лоб і ўсім сваім выглядам паказваў, што ён зусім не бянтэжыцца, што яму вядома, як належыць у такім разе трымацца мужчыну, але* ***вачэй*** *на Ганну* ***не падымаў*** *і ў думках злаваў на свае асабліва непаслухмяныя пальцы* [11, с. 25]. // *Beim Abpellen der klebrigen Kartoffelschalen runzelte Wassil die Stirn, er wollte so tun, als sei er völlig unbefangen und wisse, wie sich ein Mann in solcher Lage zu benehmen habe, doch er* ***vermied*** *es, Hanna* ***anzusehen****, und ärgerte sich über seine widerspenstigen Finger* [12, S. 30]. Параўн.: беларус. *не падымаць вочы* (‘не глядзець на каго-н.’) – ням. *vermied anzusehen* (‘пазбягаў глядзець’). У тэксце перакладу назіраем адсутнасць саматычнага фразеалагізма. Беларускамоўная ўстойлівая адзінка перадаецца апісальна, што сведчыць пра яе нацыянальную адметнасць.

Нежаданне бачыць, заўважаць што-небудзь супярэчыць культурным установоўкам, згодна якім зрок з'яўляецца сімвалам адной з найвышэйшых каштоўнасцей чалавека. Фразеалагізм *заплюшчваць вочы на што-небудзь* перадае стэрэатыпнае ўяўленне пра нежаданне заўважаць недахопы, рэагаваць на відавочныя памылкі і парушэнні, напрыклад: *– І ты не вельмі – на абразы!.. Не намі заведзено... – Дак што, як не намі!* ***Вочы заплюшчыць****?* [11, с. 168]. // *"Du brauchst auch nicht so verbissen über die Ikonen herzuziehen! Nicht wir haben sie uns ausgedacht." "Na und, was folgt daraus? Sollen wir* ***die Augen*** *davor* ***verschließen****?"* [12, S. 218]. Параўн.: беларус. *заплюшчваць вочы на што-небудзь* ('знарок не заўважаць чаго-н. важнага, значнага') – ням. *die Augen verschließen* ('закрываць вочы'). Абодва фразеалагізмы ўзыходзяць да проціпастаўлення 'святло – цемра' і да сімвалічна звязанага з ім проціпастаўлення 'веды – адсутнасць ведаў аб чым-небудзь'. Прааналізаваныя фразеалагічныя адзінкі дзвюх моў маюць агульную семантыку і ўнутраную форму, бо адлюстроўваюць універсальнае, агульначалавечае бачанне свету, вербалізуюць вопыт пазнання чалавекам самога сябе ў працэсе ўзаемадзеяння з навакольным асяроддзем.

Паняцце прасторы цесна звязана з такімі параметрамі, як *мяжа*, *рубеж*, *край*. Значэнне няпэўнасці, адсутнасці ўсякага роду межаў актуалізуецца ва ўстойлівай адзінцы *куды вочы глядзяць*, напрыклад: *Захацелася ўскочыць, кінуцца. Абы-куды, толькі б з хаты!* ***Куды вочы глядзяць****!* [11, с. 358]. // *Sie wollte aufspringen, fortrennen. Irgendwohin!* ***Wohin die Augen sie führten****!* [12, S. 470]. Параўн.: беларус. *куды вочы глядзяць* ('у няпэўным напрамку, не выбіраючы дарогі, абы-куды, невядома куды') – ням. *wohin die Augen sie führten* (дасл. 'куды яе вялі вочы'). Адсутнасць эквівалентнага фразеалагізма ў нямецкай мове сведчыць аб адметнай нацыянальнай семантыцы беларускамоўнай устойлівай адзінкі.

Зрокавая перцэпцыя можа ажыццяўляцца пры актыўнасці толькі часткі вачэй, якая вызначаецца як *край*, напрыклад: *Калі ехала па вуліцы, хоць старалася не глядзець, у цемры* ***краем вока*** *заўважыла: на Васілёвым двары – ціха, пуста* [11, с. 385]. // *Auf der Fahrt zu Hluschak* ***schielte*** *sie* ***verstohlen*** *zu Wassils Hof hinüber und sah, dass er still und verödet dalag* [12, S. 504]. Параўн.: беларус. *краем вока* ('крыху, нядоўга, імгненна') – ням. *verstohlen schielen* (дасл. 'употай скоса пазіраць'). Наяўнасць перыферыйнай часткі вачэй *край* у структуры беларускамоўнага фразеалагізма стварае значэнне 'глядзець употай'. Суб'ект зрокавай перцэпцыі хоча, каб тое, чаму ён надае ўвагу, засталося незаўважаным. У дадзеным выпадку фразеалагізм перакладаецца кантэкстуальна, хоць у нямецкай мове і існуе ўстойлівая адзінка з падобнай семантыкай *aus den Augenwinkeln* ('краем вока').

Моўная карціна свету фіксуе, што суб'ект можа толькі выпадкова трапіць у поле зроку іншай асобы, напрыклад: *Звычайна, калі не трэба, Валодзька многа разоў на дзень* ***трапляўся на вочы****, цэлымі днямі ў іх, Чарнушкаў, у хаце або на двары з Хведзькам гуляў* [11, с. 67]. // *Gewöhnlich brauchte man ihn gar nicht zu suchen, er* ***lief*** *einem dauernd* ***über den Weg****, den ganzen Tag spielte er mit Chwedska in Tscharnuschkas Haus oder in der Nähe*

[12, S. 84]. Параўн.: беларус. *трапляць на вочы* (‘выпадкова прыцягваць чыю-н. увагу, быць заўважаным, убачаным, нечакана сустрэцца з кім-н.’) – ням. *j-m über den Weg laufen* (‘выпадкова сустрэць каго-н.’; дасл. ‘перабягаць праз дарогу’). Фразеалагізмы арыгінала і перакладу маюць розную ўнутраную форму, аднак анолькавую семантыку. Устойлівыя адзінкі актуалізуюць сему ‘выпадковасць’ і адлюстроўваюць рознае стэрэатыпнае ўяўленне ў двух народаў аб раптоўнасці, незапланаванасці сустрэчы.

Моўная карціна свету надае зрокаваму ўспрыманню вялікую пазнавальную каштоўнасць і разглядае вочы як прыярытэтны канал, які дапамагае пацвердзіць ці аспрэчыць праўдзівасць выказвання. Гэтае ўспрыманне заснавана на сумежных паняццях: орган зроку – зрок як перцэптыўны спосаб успрымання; зрокавая памяць – веды. На моўным узроўні гэта выяўляецца ў семантыцы фразеалагізма *бачыць на свае вочы*, напрыклад: *– І ты не трасіся вельмі! Мо яно, як той казаў, і праўда... Не даказаў ніхто,* ***не бачыў на свае вочы****...* [11, с. 168]. // *“Und du reg dich nicht so auf! Vielleicht stimmt’s, was er sagt. Niemand hat’s bewiesen, niemand hat ihn* ***mit eigenen Augen gesehen****”* [12, S. 217]. Параўн.: беларус. *на свае вочы (бачыць)* (‘непасрэдна сам, непасрэдна самому, без пасрэднікаў’) – ням. *mit eigenen Augen (sehen)* (‘сваімі вачамі’). Наяўнасць эквівалентнага фразеалагізма ў нямецкай мове дазваляе зрабіць вывад аб тым, што ў беларускага і нямецкага народаў вочы з’яўляюцца сімвалам ведаў. Калі пэўны аб’ект трапляе ў поле зроку перцэптара, ён атрымлівае аб ім пэўную інфармацыю і ўпэўнены ў яе дакладнасці.

Адсутнасць зрокавага кантакту і выхад аб’екта ўспрымання з поля зроку таксама мае моўнае выражэнне, напрыклад: *Толькі калі Сарока* ***сышла з вачэй****, Глушак даў волю радасці* [11, с. 301]. // *Aber kaum* ***war*** *sie* ***verschwunden****, ließ der Alte seiner Freude freien Lauf* [12, S. 30]. Параўн.: беларус. *з вачэй (сысці)* (‘далей ад каго-н., каб не было відаць’) – ням. *verschwinden* (‘знікнуць’). Беларускамоўны фразеалагізм мае выразную нацыянальную семантыку, аб чым сведчыць адсутнасць эквівалента ў нямецкай мове.

У некаторых выпадках дамінантнай можа быць семантычная прыкмета *час*. Так, сема ‘хутка’ актуалізуецца ў наступных фразеалагізмах: *Усё, над чым дрыжалі не адзін месяц і што трэба было расцягнуць да лета, хутка,* ***на вачах****, рабілася смажаным і печаным* [11, с. 365]. // *Die mühselig angelegten Vorräte, die bis zum Sommer hatten reichen sollen, verwandelten sich* ***im Nu*** *in Gebratenes und Gebackenes* [12, S. 478]. Параўн.: беларус. *на вачах* (‘хутка, увачавідкі’) – ням. *im Nu* (‘хутка, імгненна’). Абодва фразеалагізмы актуалізуюць сему ‘хутка’, аднак нямецкамоўная ўстойлівая адзінка мае іншую ўнутраную форму і ў яе складзе адсутнічае саматычны кампанент *вочы*.

Фразеалагізм *у вочы не бачыць* таксама валодае часавым значэннем і актуалізуе сему ‘ніколі’, напрыклад: *– Не знаю я яго.* ***У вочы не бачыў*** *нават...* [11, с. 345]. // “*Ich kenn ihn nicht.* ***Hab ihn nie gesehen***” [12, S. 453]. Параўн.: беларус. *у вочы (не бачыць)* (‘зусім і ніколі (не бачыць каго-н.,

што-н.)’) – ням. *nie* (дасл. ‘ніколі’). У дадзеным выпадку назіраем нефразеалагічны пераклад (устойлівая адзінка перадаецца словам), што тлумачыцца своеасаблівай нацыянальнай спецыфікай беларускамоўнага фразеалагізма.

Моўная карціна свету фіксуе, што зрок можна разглядаць на фоне ваеннай тэрміналогіі, пра што сведчыць фразеалагізм *страляць вачамі*, які таксама мае часавую семантыку і актуалізуе сему ‘імгненна’. Напрыклад: *Сарока, сыплючы словамі,* ***страляла вочкамі*** *то на аднаго, то на другога, а найчасцей на старога Глушака, як бы чакала ўхвалы свайму красамоўству, свайму спрыту* [11, с. 250]. // *Saroka, aus der es nur so raussprudelte,* ***schoß mit ihren Blicken*** *nach allen Seiten, am häufigsten aber zu dem alten Hluschak, als heische sie Beifall für ihre schönen Reden und die geschickten Sprüche* [12, S. 326]. Параўн.: беларус. *страляць вачамі* (‘кідаць кароткія, хуткія позіркі’) – ням. *mit den Blicken schießen* (дасл. ‘страляць позіркамі’). Саматычны кампанент беларускага фразеалагізма *вочы* і назоўнік *die Blicke* (‘позіркі’) маюць аднолькавую сему ‘зрок’, таму ў перакладзе ўдаецца стварыць падобны зрокавы вобраз, дзе *вочы*/*позірк* сімвалічна разглядаюцца як сродак псіхалагічнага ўздзеяння на чалавека. У аснове фразеалагізма ляжыць метафара, заснаваная на прыпадабненні, дзе вочы параўноўваюцца са зброяй. Кампанент *страляць* суадносіцца з антропным кодам культуры і выяўляе чалавечую перспектыву спасціжэння часу, бо называе дзеянне, на якое чалавек траціць мала часу.

Аналіз саматычных фразеалагізмаў паказвае, што даволі часта часавы аспект спалучаецца з прасторавай характарыстыкай погляду. Так, пры ўказанні на працягласць зрокавага кантакту вачэй адзначаецца і напрамак іх руху, напрыклад: *Ён (Васіль) намерыўся ісці, але Ганна, зразумеўшы гэта,* ***ускінула*** *на яго* ***вочы****, ціха, спалохана прызналася: – Мне страшно...* [11, с. 25]. // *Er wandte sich zu Gehen. Hanna begriff, dass es ihm ernst war, sie* ***sah*** *ihn* ***an*** *und gestand leise: “Ich fürchte mich”* [12, S. 31]. Параўн.: беларус. *Ускінуць вочы* (‘хутка глядзець на каго-н.’) – ням. *ansehen* (‘(па)глядзець на каго-н.’). На нямецкую мову беларускі фразеалагізм перадаецца дзеясловам, пры гэтым у перакладзе губляецца як саматызм *вочы*, так і не адлюстроўваецца часавая семантыка, закладзеная ў беларускамоўнай устойлівай адзінцы.

Пры характарыстыцы накіраванасці позірку да аб’екта зрокавай перцэпцыі адзначаецца і ступень інтэнсіўнасці кантакту вачэй, напрыклад: *Няўжо ж такі і не павернецца да яе, не гляне? – ужо раўніва думае Ганна, не сярдзіта, а больш лагодна, цікаўна, і* ***не зводзіць вачэй*** *з Васіля* [11, с. 213]. *// Oder er sich wirklich kein einziges Mal nach mir umdreht? – dachte Hanna beunruhigt und* ***wandte kein Auge*** *von Wassil* [12, с. 277]. Параўн.: беларус. *не зводзіць вачэй з каго-н.* (‘пільна сачыць, назіраць за кім-н.’) – ням. *kein Auge von j-m wenden* (‘не зводзіць вачэй з каго-н.’). На нямецкую мову беларускамоўны фразеалагізм перадаецца эквівалентным адпаведнікам.

Даследаванне паказвае, што сярод розных тыпаў прасторава-часавых адносін, уласцівых семантыцы саматычных фразеалагізмаў з кампанентам *вока*, часцей за ўсё выдзяляецца адна дамінантная семантычная прыкмета (табліца).

Прасторава-часавы кампанент саматычных ФА з кампанентам ‘вока/вочы’ (колькасная рэпрэзентацыя)

Дамінантная семантычная прыкмета	Арыгінал	Пераклад
Дамінантная прыкмета ‘час’		
Працягласць зрокавага кантакту (імгненна, хутка)	6	0
Частата зрокавага кантакту (ніколі)	1	0
Ступень інтэнсіўнасці кантакту вачэй	4	3
Дамінантная прыкмета ‘прастора’		
Напрамак руху вачэй (прама)	1	0
Накіраванасць погляду да аб’екта ўспрымання	1	0
Накіраванасць погляду ад аб’екта ўспрымання	3	0
Адсутнасць зрокавага кантакту	1	0
Абмежаванасць зрокавага ўспрымання	1	0
Неабмежаванасць зрокавага ўспрымання	1	0
З’яўленне аб’екта ў полі зроку	3	1
Выхад аб’екта з поля зроку	2	1

Дадзеныя табліцы наглядна дэманструюць колькасную неадпаведнасць наяўнасці дамінантнай прыкметы ‘прастора’ або ‘час’ у семантыцы саматычных фразеалагізмаў арыгінала і перакладу з кампанентам ‘вока/вочы’. Гэты факт не сведчыць аб сэнсавай неадпаведнасці суадносных кантэкстаў беларускай і нямецкай моў, аднак дазваляе вылучыць універсальныя і адметныя нацыянальныя элементы моўнай свядомасці носьбітаў дзвюх моў.

Універсальныя рысы выяўляюцца ў тым выпадку, калі фразеалагічныя адзінкі адлюстроўваюць агульначалавечае бачанне свету, вербалізуюць вопыт пазнання чалавекам самога сябе ў працэсе ўзаемадзеяння з навакольным асяроддзем (беларус. *на свае вочы (бачыць)* – ням. *mit eigenen Augen (sehen)*; беларус. *не зводзіць вачэй з каго-н.* – ням. *kein Auge von j-m wenden*; беларус. *страляць вачамі* – ням. *mit den Blicken schießen*; беларус. *Заплюшчваць вочы на што-небудзь* – ням. *die Augen verschließen*).

Нацыянальная адметнасць выяўляецца ў тых фразеалагічных адзінках, якія акумулююць гістарычны вопыт народа, адлюстроўваюць спецыфіку яго менталітэту, што дазваляе казаць пра ўнікальнасць асобных фрагментаў фразеалагічнай карціны свету (беларус. *трапляць на вочы*; *на вачах*; *у вочы (не бачыць)*; *ускінуць вочы*; *з вачэй (сысці)* і г.д.).

Такім чынам, разам з пэўным падабенствам саматычнай фразеалогіі беларускай і нямецкай моў, абумоўленым універсальнасцю саматычнага культурнага кода, у абедзвюх мовах існуе вялікая колькасць нацыянальна-спецыфічных адзінак, якія не маюць дакладных эквівалентаў, што тлумачыцца як лінгвістычнымі, так і экстралінгвістычнымі фактарамі.

ЛІТАРАТУРА

1. *Арцёмава, В.* Катэгорыя прасторы ў моўнай карціне свету (на матэрыяле беларускай і англійскай фразеалогіі) / В. Арцёмава, Г. Назарава // Фалькларыстычныя даследаванні : Кантэкст. Тыпалогія. Сувязі : зб. навук. арт. / пад навук. рэд. В. В. Прыемка, Т. В. Лук'янавай ; уклад.: Т. А. Марозава. – Мінск , 2013. – Вып. 10. – С. 189–197.
2. *Дзядова, А. С.* Чалавек у люстэрку беларускай фразеалогіі і парэміялогіі / А. С. Дзядова ; М-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, УА «Віцеб. дзярж. ун-т імя П. М. Машэрава», Каф. беларус. мовазнаўства. – Віцебск : ВДУ імя П. М. Машэрава, 2013. – 161 с.
3. *Іваноў, Я. Я.* Афарыстычныя адзінкі ў беларускай мове / Я. Я. Іваноў. – Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2017. – 208 с.
4. *Іваноў, Я. Я.* Нацыянальна-культурная семантыка беларускай мовы і праблема яе лінгвакраіназнаўчай рэпрэзентацыі (на матэрыяле моўнай афарыстыкі) / Я. Я. Іваноў // Сацыякультурная прастора мовы (сацыяльныя і культурныя аспекты вывучэння беларускай мовы) / С. Ф. Іванова, Я. Я. Іваноў, Н. Б. Мячкоўская. – Мінск, 1998. – С. 33–62.
5. *Коваль, У. І.* Чым адгукаецца слова : фразеалогія ў павер'ях, абрадах і звычаях / У. І. Коваль. – Мінск : Нар. асвета, 1994. – 48 с.
6. *Ковшова, М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М. Л. Ковшова. – М. : УРСС, 2012. – 459 с.
7. *Кубрякова, Е. С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1987. – 200 с.
8. *Ляшчынская, В. А.* Базавыя канцэпты фразеалагічнай карціны свету / В. А. Ляшчынская. – Мінск : РІВШ, 2015. – 223 с.
9. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001. – 208 с.
10. *Телия, В. Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. – М. : Языки рус. культуры, 1996. – 288 с.
11. *Мележ, І.* Збор твораў : у 10 т. / І. Мележ. – Мінск : Маст. літ., 1983. – Т. 5 : Людзі на балоце : раман з «Палескай хронікі». – 415 с.
12. *Melesh, I.* Menschen im Sumpf / I. Melesh. – Berlin : Verl. Volk und Welt, 1974. – 519 S.

The article deals with the spatial and temporal semantic characteristics of Belarusian somatic phraseological units with the component 'eye/eyes'. The type of interlingual phraseological equivalence of phraseological units is determined, the general and specific in their meaning and functioning are revealed. An actual material, which was extracted from the novel written by I. Melezh "People of the Marsh" and its translation into the German language, is in the focus of the research.

Поступила в редакцию 12.03.2019

А. В. Сытько

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КОМПОНЕНТЫ ДЕОНТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ

В статье рассматривается деонтическая модальность с позиции формально-семантического подхода, описывается содержание обязательных компонентов ее семантической структуры (модальный источник, модальная сила, модальный агент). Такое представление отражает динамический характер деонтического значения, его зависимость от контекста, а также позволяет описывать и снимать полисемию модальных операторов. Семантические компоненты выражаются либо в контексте, либо в поверхностной структуре предложения. Наличие в структуре высказывания данных компонентов обязательно.

Сложность описания языковой модальности связана не только с наличием разных по своей внутренней сущности видов модальности (эпистемической, деонтической, алетической), многообразием языковых средств их выражения, но и с тем, что между видом модальности и способом его формального представления в языке не всегда существует однозначное соответствие. В этой связи возникает вопрос, чем же следует руководствоваться в разграничении высказываний, оформляющих различные виды модальных отношений.

Модальная логика, давшая толчок к изучению деонтики (от греч. *deon* ‘долг, правильность’) в лингвистике, определяет деонтическую модальность как характеристику практического действия с точки зрения определенной системы норм [1], на основании которых действие рассматривается как обязательное – разрешенное – запрещенное.

В лингвистике деонтическая модальность интерпретируется как выражение отношения к действиям, своим или окружающих, по непременному созданию того или иного положения дел в мире или его изменению. Она связывается «с долгом, с требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил» [2, с. 216].

Как любая модальность, деонтика в языке выражается модальным высказыванием, которое в соответствии с некоторыми условиями указывает, является ли положение дел (пропозиция) *обязательным*, *запрещенным или разрешенным*, что составляет свойство оцениваемого действия в пропозиции или частные значения деонтики. Они реализуются соответствующими деонтическими операторами, или прототипическими лексемами, которые выступают самостоятельными центрами высказывания.

Вопрос о ядерных (прототипичных) средствах выражения названных значений решается в лингвистической литературе неоднозначно [3; 4], но, обобщая представленные точки зрения, к ним можем отнести *должен*, *надо/нужно*.

Эквивалентами деонтических операторов являются синонимичные единицы, такие как *обязан*, *должен*, *не должен*, *необходимо*, *надо*, *нужно*, *следует*, *надлежит*, *подобает*, *может/позволено*, *не годится* (в значении ‘не следует’), *нельзя*, *запрещено*, *возбраняется* и некоторые др. Указанные

лексемы образуют набор эксплицитных индикаторов деонтической модальности, в то время как сферу имплицитных конституируют грамматические средства (различные конструкции с формами повелительного наклонения*: они отдохнули, а я убирай*; конструкции с независимым инфинитивом: *хранить в недоступном для детей месте; мне еще уроки делать*; глагольные формы настоящего времени).

Лексические маркеры могут выступать либо автономными синтаксическими элементами и оформлять модус: *необходимо, чтобы он сделал*, либо выступать синтаксически не самостоятельными и входить в состав предиката или составного глагольного сказуемого, в котором само действие выражено инфинитивной формой глагола: *ему необходимо сделать*.

Некоторые из указанных операторов полисемичны (*обязательно*, *должен, может, необходимо*) и употребляются для передачи других модальных значений, поэтому в данной работе мы обратимся к анализу семантических компонентов высказывания, маркирующих деонтическую модальность.

Предпосылки для выражения деонтического отношения

Деонтическое отношение возникает в некоторой ситуации с определенными пресуппозициями, определяющими набор доступных или подходящих миров из всех возможных, появляющихся на разных этапах развития событий, напр.: *Гости постепенно расходились, почтительно прощаясь с организаторами. – О дне следующего заседания вы будете оповещены особо, – говорил Остап на прощание, – строжайший секрет. Дело помощи детям должно находиться в тайне. Это, кстати, в ваших личных интересах* [А-1].

Иными словами, рассматриваемое нами модальное отношение «рождается» в контекстных ситуациях, совместимых с пропозициональным содержанием высказывания. Фоновыми знаниями выступает информация, отсылающая нас к мирам, где возможно существование систем правил, что обеспечивает оптимальные условия для развития деонтической модальности: *Одни лишь маленькие дети, беспризорные, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели,* ***должны*** *им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем* [А-1].

Очевидно, что в случае с деонтикой пресуппозицией выступают положения дел или возможные миры, совместимые с ситуациями, допустимыми в контексте тех или иных норм, ценностей, предпочтений, поэтому данную модальность называют «prioritizing modality» [5, p. 135].

Семантические компоненты деонтического высказывания

В модальном высказывании отмечается два плана – содержательный и модальный (деонтический). Первый содержит пропозицию деонтического высказывания, языковое воплощение ситуации или некоего положения дел в действительности, и действие, которое представляет собой некое конечное состояние, обязательное, запрещенное или разрешенное для выполнения.

Деонтический план включает в себя информацию о *модальном источнике*, *модальной силе*, *модальных агентах* (рис. 1). Эти компоненты составляют семантическую «номенклатуру» деонтического высказывания.

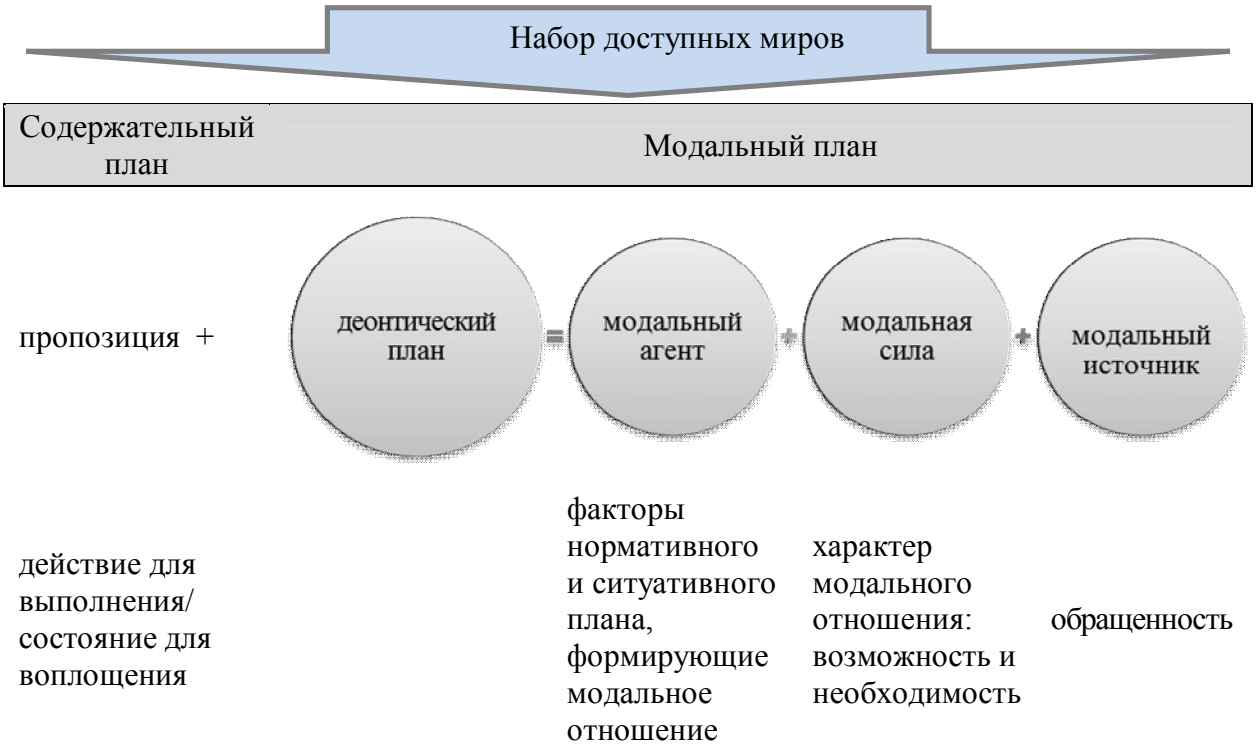


Рис. 1. Модель деонтического высказывания

М о д а л ь н ы й и с т о ч н и к. Конечное состояние, указанное в пропозиции, всегда определяется ситуацией, что позволяет лингвистам [6] относить деонтику к ситуативной/событийной модальности. В ситуации возникает некая причина, требующая для поддержания порядка в системе взаимодействий «превращения потенциального в актуальное» [3, с. 142]. Именно она является модальным, «повелевающим», источником или критерием, ограничивающим «область квантификации доступных миров одним» [7; 8] и обусловливающим выражение модального отношения. Модальный источник, будучи «заинтересованным» в выполнении указанного в пропозиции действия, есть своего рода движущая сила для создания иного положения дел. Именно он определяет вид оператора пропозиции (обязательно, запрещено или разрешено), напр.: *Пропускной режим* [источник: правила]: *Лица, проживающие в общежитии,* ***могут*** *беспрепятственно входить в общежитие с 6.00 до 24.00. Посторонние лица допускаются в общежития для обучающихся ежедневно с 9.00 до 22.00 и не позднее 23.00* ***обязаны*** *покинуть общежитие. Во время каникул лицам, не проживающим в общежитии, вход в общежитие* ***запрещен*** [А-2].

Деонтическая модальность обусловлена разного рода (объективными или субъективными) факторами, которые составляют обстоятельства нормативного и ситуативного плана с разной степенью интенсивности накладываемых обязательств: либо нормы *универсального*, либо нормы *частного* порядка (табл. 1).

Таблица 1

Типология модальных источников

<table>
<tr><th colspan="4">Модальные источники</th><th>Примеры</th></tr>
<tr><td rowspan="2">универсального характера</td><td colspan="3">законы</td><td>Работодатель обязан осуществлять обязательное страхование работающих от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний <u>в соответствии с законодательством</u> (ст.17 Закон Республики Беларусь об охране труда 23 июня 2008 г. N 356)</td></tr>
<tr><td colspan="3">институциональные правила</td><td>Расписание занятий должно соответствовать <u>требованиям нормативных документов,</u> установленной в университете форме [А-3]</td></tr>
<tr><td rowspan="6">частного характера</td><td rowspan="3">объективно-ситуативные</td><td colspan="2">конвенциональные правила</td><td>Теперь я должен жениться, <u>как честный человек</u> [А-1];
соседи должны помогать друг другу</td></tr>
<tr><td colspan="2">обстоятельства (сложившееся положение дел, договоренности)</td><td><u>в связи с отпуском</u> Ивану надо было завершить все текущие дела;
<u>как мы договорились</u>, ориентиром для нашей работы должны служить …</td></tr>
<tr><td colspan="2">условия</td><td><u>если</u> хочешь с ним встретиться, ты должен подождать до среды;
<u>чтобы</u> успеть на поезд, надо поторопиться</td></tr>
<tr><td rowspan="3">индивидуально-ситуативные</td><td colspan="2">правила, исходящие от говорящего</td><td>– «Мне надоело, что ты все мне запрещаешь» – «Я запрещаю тебе возмущаться по поводу того, что я тебе все запрещаю»</td></tr>
<tr><td rowspan="2">внутренние обязательства говорящего</td><td>обещания</td><td>Я должен прийти к нему, ведь <u>я обещал</u></td></tr>
<tr><td>долг</td><td>надо рассказать ей, что произошло, иначе как я <u>буду потом смотреть ей в глаза</u></td></tr>
<tr><td rowspan="2">внутренние условия говорящего</td><td>потребности</td><td>ты должна быть моей, <u>я жить без тебя не могу</u></td></tr>
<tr><td>решения, желание</td><td>Надо будет сделать на прощание что-то очень смешное и интересное [А-4]</td></tr>
</table>

К модальным источникам у н и в е р с а л ь н о г о характера относятся законы и институциональные правила, связанные с понятием сильного обязательства и влекущие за неисполнение норм санкции или наказания, напр.: ***Обязанность*** *по выполнению распоряжений руководителей прописана в правилах внутреннего распорядка, с данными документами работник ознакомлен под роспись. Работник лишен премии в полном объеме за невыполнение распоряжения непосредственного руководителя* [А-5].

Ч а с т н ы е нормы имеют характер обязательств, ответственность за невыполнение которых может провоцировать общественное порицание, замечание, насмешку, неудачу, внутреннюю неудовлетворенность или некий дискомфорт, напр.: *ему* ***нужно*** *больше читать, если он не будет этого делать, получит неудовлетворительную отметку*. Или: *Но Моллине совсем не хотел меня понять, как я ему ни толковала. Застежки* ***должны были*** *быть в таком же стиле, как и весь узор, матовые, старого золота, тонкой резьбы, а он бог знает что сделал* [А-6]. Они формируют негомогенное образование, которое можно разделить на два вида: *объективно-ситуативные*, или внешние, в которых выделяются три группы внешнего вынуждения (правила, обстоятельства и условия), и *индивидуально-ситуативные*, или субъективные, где в роли модального источника выступает сам говорящий, а также его внутренние условия и обязательства.

В поверхностной структуре высказывания модальный источник не всегда указывается, однако восстанавливается благодаря контексту, ср. примеры (1) и (2):

(1) ***По закону*** *учитель* ***не имеет права*** *применять к ученикам силу*.

(2) *Старших* ***надо*** *слушать; две недели прошло; мне* ***нужно*** *отнести эти книги в библиотеку*; *вы* ***должны*** *прекратить опаздывать на работу*.

Если в поверхностной структуре нет маркеров, указывающих на вид источника (*по правилам, порядок требует* и т.п.), то только контекст позволяет

а) установить, является ли частная норма субъективно-ситуативной или объективно-ситуативной, ср.: *Мне* ***надо*** *снова жениться. Решено.* <> *Мне* ***надо*** *найти жену, чтобы заботилась о семье*;

б) определить вид объективно-ситуативной нормы: условие или правило, ср.: «*Так что же делать?» – забеспокоился Балаганов. – «Как снискать хлеб насущный?» «****Надо*** *мыслить», – сурово ответил Остап* [А-7]. <> ***Надо*** *думать, прежде чем говорить.*

Границы между частными и универсальными нормами подвижны. Так, объективно-ситуативное условие может становиться нормативным правилом: *чтобы ваш супруг мог проживать вместе с вами в Великобритании, вы* ***должны*** *зарабатывать или иметь сбережения на определенную сумму*.

Обе группы частных норм тоже не имеют жестких границ. Субъективные нормы могут превращаться в конвенциональные (*она не любила фрезии, и все знали, что на банкете их на столах быть* ***не должно***), и наоборот, объективно-ситуативные – трансформироваться во внутренние (*свист – это язык нечистой силы, я в это очень верю, поэтому запомни: свистеть в моем*

доме ***нельзя***). Субъективные нормы служат «для кодирования предпочтений говорящего о необходимости/допустимости действия», тогда как объективные «предицируют <…> существование некоторой необходимости без фактической привязки к ней говорящего » [9, p. 1525]. В этой связи необходимо остановиться на соотношении модального источника и производителя речи.

Говорящий как транслятор норм.

В деонтических высказываниях следует различать (а) движущую силу деонтики и (б) транслятора норм, которым является сообщающий об источнике деонтики говорящий-транслятор, напр.: *Вы* ***должны*** *показать свой паспорт и посадочный талон полиции до входа в самолет* (Я [говорящий] сообщаю о правиле [источник]). Очевидно, что в случае универсальных и объективно-ситуативных норм деонтика опосредована говорящим: заявляемая деонтическая сила (необходимость или возможность) является *ненаправленной* и возникает в результате непреодолимых внешних факторов вне зависимости от действий или установок говорящего.

Транслируя норму, говорящий может быть с ней не согласен, напр.: *Уж раз ты поступил в вуз, ты* ***должен*** *его закончить, хотя, на мой взгляд, это не имеет смысла, по специальности ты все равно работать не будешь.* Кроме того, реализуя деонтическое высказывание, адресант не всегда верит в то, что положение дел, описываемое пропозицией, реализуемо: *Тебе* ***надо*** *есть рыбу* (назначение врача)*, но ты не будешь* (я знаю, что ты не любишь).

Деонтические высказывания, где объективно-ситуативные нормы транслируются говорящим, могут выступать эпистемическим объектом (объектом мнения), напр.: *я не думаю, что нам* ***стоит*** *еще раз встречаться; я думаю, нам* ***надо*** *расстаться; мне кажется, нам всем* ***нужно*** *успокоиться.*

Говорящий как модальный источник.

В оппозиции к ненаправленной деонтике находится *направленная*. Говорящий, стремясь изменить реальность в соответствии со своими предпочтениями и ценностями: разрешая, обязывая, запрещая, сам выступает источником индивидуально-ситуативных норм. Такой вид деонтического источника некоторые исследователи определяют как «внутренний дискурсивный источник» [10, p. 7].

Говорящий предписывает осуществление неких условий, т.е. исполнения определенного обязательного/запрещенного/разрешенного поведения, выражая с в о е мнение о необходимости создания определенного положения вещей, напр.: *Золушка, ты* ***должна*** *отделить горох и фасоль! Пока это не будет сделано, про бал и думать забудь!* Глубинная структура высказываний с модальным источником говорящим выглядит следующим образом: ‘я, говорящий, исходя из важности для меня/моего решения/моего желания, считаю необходимым, чтобы X осуществил Y либо я убежден, что X необходимо’, напр.: ***Надо*** *сегодня доделать отчет, я так решила*.

При этом между говорящим и адресатом должен быть некоторый «дисбаланс сил», чтобы адресант мог высказывать разрешительность или накладывать на кого-либо обязательство выполнить действие, указанное

в пропозиции. Пример диалогового единства *ты **должен** быть дома/тебе **надо** быть дома в 5 часов. – Кто сказал?* свидетельствует о том, что для того чтобы выступать модальным источником, лицо должно быть авторитетным.

М о д а л ь н а я с и л а. Модальный источник ограничивает доступные миры подходящим/подходящими и реализует деонтическую силу, которая имеет характер либо *возможности,* либо *необходимости*. Так, А. Кратцер отмечает, что конкретная для данных обстоятельств сила, релевантная, по крайней мере, для одного мира, есть возможность, а универсальная сила, подходящая для всех миров, – необходимость [8]. При этом следует отметить, что деонтика как модальность отношения к действиям участников ситуации с точки зрения норм чаще основывается на необходимости, чем на возможности [11].

Дифференциальными признаками для деонтической модальной силы выступают операторы *обязательно, разрешено, запрещено* (рис. 2). Они показывают, реализуясь в поверхностной структуре высказывания, конкретные значения модальной силы, т.е. как возможный мир соответствует одному из критериев.

	(-) - полюс		(+) - полюс
деонтические значения	запрещенность	разрешительность	обязательность
модальная сила	необходимость	возможность	необходимость
модальный источник	нормы универсального и частного порядка		

Рис. 2. Корреляция деонтических значений с модальной силой

Необходимость является характеристикой определенного круга действий с точки зрения модального источника и относится к обязательности и запрещенности, последняя рассматривается как необходимость не делать что-либо напр.: *В семье заведено, что дети **должны** быть дома в 9 часов* (по семейным правилам необходимо, чтобы дети приходили не позднее девяти/чтобы дети не приходили позже девяти). Возможность относится к действию, не противоречащему системе норм, и характеризует разрешительность, напр.: *Я **разрешаю** прийти детям сегодня в половине десятого* (в конкретной ситуации возможно, чтобы дети пришли позже). Следовать надо любому правилу, формулирующему обязательности, разрешительности и запрещенности, при этом в случае невыполнения нарушаются только обязательности и запрещенности.

Очевидно, что, определяя обязательность, источник предполагает запрещенность и разрешительность, напр.: *в семье заведено: дети должны быть дома в 9 часов* → запрещено, чтобы дети приходили позже (возможно наказание); → разрешено, чтобы они приходили раньше. Данная модальность, таким образом, представляет собой своеобразный биполярный отрезок: «на позитивном полюсе находится обязательность, на отрицательном – запрещенность, на нейтральном – разрешительность» [12, с. 23–29].

Определение деонтических понятий обязательности и запрещенности в логике предложено производить через понятие наказания (санкции): действие обязательно/запрещено, когда воздержание/невоздержание от него влечет за собой наказание. В логике отмечается, что понятия «обязательно», «разрешено», «запрещено» взаимно определимы [1, с. 81] (рис. 3).

	обязательно	разрешено	запрещено
обязательно		не разрешено воздерживаться	запрещено не делать
разрешено	от действий не обязательно воздерживаться		не запрещено
запрещено	от действий обязательно воздерживаться	не разрешено	

Рис. 3. Матрица взаимоопределяемости понятий деонтики в логике

Однако не все то, что не запрещено, автоматически разрешено, напр.: *Не запрещено пить воду из лужи, но это не гигиенично, вредно, опасно, следовательно, не разрешено* (ср.: увещевание с эксплицитной утилитарной мотивировкой из сказки про сестрицу Аленушку и братца Иванушку: *Нельзя воду пить из лужи! А то козленочком станешь*). Иными словами, не все то можно, что можно, кое-что из того что можно, нельзя.

Понятия «разрешено» и «запрещено» не вполне симметричны [13, с. 189]. Такая обобщенная разрешительность *пассажиру разрешается провезти с собой бесплатно 20 кг багажа.* антонимична запрещенности: *не разрешается = запрещается провозить с собой бесплатно более 20 кг багажа.* И совсем не эквивалентно *разрешаю* высказывание*: Я тебе не запрещаю туда ходить, но ты каждый раз должен спрашивать у меня разрешения.*

Эта несимметричность связана с различными позиционными отношениями разрешительности и запрещенности с дискурсом. Так, И. Б. Шатуновский отмечает, что разрешительность в своей первичной форме (*разрешаю*) практически всегда реакция на предшествующую просьбу разрешить и касается действий, которые иногда разрешается совершать, а иногда нет. Прототипическая запрещенность реализуется превентивно и касается совершения действий определенного рода. *Разрешаю* непосредственно противопоставлено не *запрещаю,* а отказу в разрешении (*не разрешаю*) [14, с. 322].

М о д а л ь н ы й а г е н т. Деонтическая модальность относится к необходимости и возможности действий, «выполняемых морально ответственными агентами» [11], теми, кто реализует действие в пропозиции, обладает способностью и является ответственным. Модальный агент есть потенциальный получатель информации о том, что до́лжно, запрещено или разрешено выполнить, т.е. это лицо, которое, как ожидается, может или должно превратить положение дел в актуальное.

Очевидно, что обращенность деонтики более разнообразна, чем только к конкретному речевому партнеру. Использование возможностей адресации является одним из способов «деонтической креативности». В целом есть два направления деонтической обращенности – говорящий и адресат. Субъекты деонтики могут выступать конкретным и инклюзивным в содержательной структуре высказывания, другими словами, быть как самостоятельными модальными агентами, так и включенными в совокупность исполнителей: обобщенный, генерализованный или неопределенный субъект (табл. 2).

Таблица 2

Формальное выражение деонтического агента

<table>
<tr><td colspan="4">Модальный агент</td></tr>
<tr><td colspan="2">говорящий</td><td colspan="2">адресат</td></tr>
<tr><td colspan="2">единичный</td><td rowspan="2">конкретный (ты,вы)</td><td>единичный</td></tr>
<tr><td>совокупный с адресатом</td><td>я+ты
я+вы</td><td>совокупный с говорящим</td></tr>
<tr><td rowspan="3">включенный в</td><td>обобщенный конкретный (мы)</td><td rowspan="3">включенный в</td><td>обобщенный конкретный (мы)</td></tr>
<tr><td>генерализованный (все, любой)</td><td>генерализованный (все, любой)</td></tr>
<tr><td>неопределенный (кто-то)</td><td>неопределенный (кто-то)</td></tr>
</table>

Модальный агент может быть эксплицирован (являясь грамматическим субъектом) и имплицирован в формально-грамматической структуре.

В прототипической деонтической ситуации в роли модального агента выступает адресат (А), одушевленный субъект, который в состоянии выполнить указываемое в пропозиции действие: *адресат должен создать все необходимые условия, чтобы… ,* независимо от того, кто является источником деонтической силы. В таких случаях в высказываниях используются индивидуализирующие *ты* или *Вы*, напр.: *«Что же я должен делать?» – простонал Ипполит Матвеевич. «Вы* ***должны*** *молчать. Иногда для важности надувайте щеки»* [А-1]. Или: м*не* ***нужна*** *твоя помощь, Буран!* [А-8]. В формально-грамматической структуре модальный агент либо эксплицирован грамматическим субъектом, либо имплицирован в контексте (директор секретарю: *это большой документ,* ***надо*** *срочно доложить бумагу в принтер)*.

Если сам производитель речи (Г) эксплицирован в грамматической структуре предложения, то деонтическое высказывание употреблено перформативно: *я* ($Г_{экс}$) ***должен*** *тебе напомнить*. Однако агент-говорящий может быть реализован имплицитно: ***Надо*** [$Г_{имп}$ = я должен/мне следует] *будет ему возразить так, – решил Берлиоз* [А-4]. В клишированных фразах с функцией акцентирования агентом также является имплицитный говорящий, напр.: ***Необходимо*** [$Г_{имп}$=я должен] *отметить/подчеркнуть/упомянуть, хотя это и не является непосредственной задачей данной статьи, что … .*

Если говорящий как транслятор норм или как модальный источник отождествляет себя с адресатом(-ами), то деонтическим агентом выступает обобщенный конкретный субъект (ОК). Говорящий и адресат включаются в совокупность ответственных за выполнение действия, являясь в таком случае инклюзивными модальными субъектами: *«Это послание капитану Бурану!» – закричала Алиса. – «Мы* ($ОК_{экс}=Г_{инкл}+А_{инкл}$) ***должны*** *помочь капитану Киму! Он попал в беду»* [А-8].

Обобщенная деонтическая направленность может быть реализована с бóльшей степенью отвлеченности действия от агента, напр.: *На сегодняшнем заседании обязательно вернемся к ряду этих вопросов, и я с удовольствием услышу ваше мнение о том, как нам* ($ОК_{экс}=Г_{инкл}+А_{инкл}$) ***нужно*** *совершенствовать нашу работу* [А-9]. Или: ***наш*** *нравственный* ***долг*** *– поддержать старшее поколение.* Очевидно, что такая деонтическая обращенность имеет определенную прагматическую нагрузку.

Модальным агентом может выступать генерализованный субъект (ОГ): *у всех* ***должны*** *быть одинаковые шансы.* Он включает и говорящего, и адресата, и любое другое лицо и имеет место в случае, когда модальным источником выступают универсальные или объективно-ситуативные правила, которые не ограничены временными рамками: *Школа Шаттак Сент-Мари имеет католические традиции, поэтому там существует строгая дисциплина. С восьми вечера до 9.30 все* ***должны*** *находиться в комнатах и при открытых дверях делать домашнее задание* **[**А-10**]**.

Такой модальный агент презентует некоторый класс субъектов и обращенность к любому из данного класса [$ОГ_{экс}$]: (1) *историк* ***должен*** *лучше всего знать сегодняшний день*; (2) *Таратар повернулся к классу: «У меня есть такое предложение ко всем. Со следующего урока за столом на кафедре будет сидеть ассистент. Его задача – объяснять классу наиболее трудные вопросы домашнего задания. Естественно, ассистент* ***должен*** *готовиться лучше всех. Дежурить будете по очереди. Согласны?» – «Согласны», – отвечает класс* **[**А-11**]**. Либо деонтическим агентом становится каждый участник коммуникации [$ОГ_{экс}$, любой]: (1) *Пассажир, уронивший на путь какой-нибудь предмет,* ***должен*** *обратиться к дежурному по станции;* (2) *тот, кто хочет стать космонавтом, инженером, летчиком, исследователем,* ***должен*** *иметь хорошую зрительную память на цвета*. При этом субъект генерализации может быть не эксплицирован в поверхностной структуре [$ОГ_{имп}$]: (1) *При проезде в метро* ***следует*** *соблюдать порядок;* (2) *маленьких детей* ***необходимо*** *держать на руках.*

Для генерализованного деонтического агента следует различать 1) неопределенную генерализацию (в примерах выше), когда денотат субъекта, представляющий весь класс/множество подобных агентов, обладает подобными свойствами всегда: *препарат* ***нельзя*** *применять после окончания срока его годности*, и 2) определенную генерализацию, т.е. конкретную, единичную обращенность к вполне определенным субъектам/субъекту, когда денотат субъекта конкретизирован, определен ситуацией выска-

зывания, напр.: *Главный тренер команды Алексей Бага: «С кем-то плотно побеседуем сейчас, с кем-то продолжим в Турции – и будем направлять ребят на одну стезю. Год предстоит тяжелый – первый без Анатолия Капского. Все* [$ОГ_{экс}$=$А_{инкл,}$ ребята/команда] ***должны*** *понимать, какая это ответственность для БАТЭ*» **[**А-12**]**.

Деонтический агент может быть реализован неопределенным эксплицированным ($Н_{экс}$) субъектом: *это грязная работа, но кто-то* ($Н_{экс}$=$Г_{иник}$/ $А_{инкл}$) ***должен*** *ее выполнять*, так и имплицитным ($Н_{имп}$=$ОК_{инкл}$/ $А_{инкл}$): *при таком большом количестве участников* ***нужно*** *организовать работу так, чтобы ...* . При этом говорящий и адресат включаются в потенциальное множество лиц, к которым обращено деонтическое высказывание.

В случае, когда в формально-грамматической структуре в качестве грамматического субъекта выступает неодушевленное подлежащее, напр.: *Цена* ***должна*** *быть конкурентоспособна,* речь идет об отстраненном субъекте, имплицитном одушевленном агенте ($Г_{имп}$, $А_{имп,}$ $ОК_{имп}$), который становится очевидным в контексте (ты, вы должен(-ны)/правительство должно сделать).

Таким образом, раскрываясь через компоненты глубинной семантической структуры, деонтическое высказывание соответствует следующей модели: «согласно источнику существует обязательная или запретительная необходимость/разрешительная возможность, чтобы пропозиция воплотилась агентом в реальность». Выражение деонтики возможно только в контексте ситуаций, которые предполагают набор возможных миров, имеющих отношение к различным нормам, поэтому пропозитивная составляющая, т.е. то, что получает признак ‘обязательно’, ‘разрешено’, ‘запрещено’, всегда является ситуативной.

Компоненты семантической структуры (модальный источник, модальная сила, модальный агент) обладают потенциалом для дифференциации модальных значений, реализованных при помощи полисемичных модальных маркеров. Содержательная гетерогенность семантических компонентов деонтического высказывания и их вариативность проявлений в поверхностной структуре предоставляет широкие возможности для реализации различных прагматических и стратегических задач в дискурсе. При этом семантическая структура деонтического высказывания динамична, ее компоненты выступают во взаимодействии при “порождении” модального значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ивин, А. А.* Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. – М. : Туманит, издат. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

2. *Булыгина, Т. В*. Языковая концептуализация мира: на материале русской грамматики / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. – М. : Школа «Языки рус. культуры», 1997. – 576 с.

3. *Цейтлин, С. Н.* Необходимость / С. Н. Цейтлин // Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / отв. ред. А. В. Бондарко; Ин-т языкознания АН СССР. – Л. : Наука, 1990. – С.142–156.

4. *Шатуновский, И. Б.* Семантика предложения и нереферентные слова / И. Б. Шатуновский. – М. : Языки слав. культуры, 1996. – 399 с.
5. *Portner, P.* Modality / P. Portner // Oxford surveys in semantics and pragmatics. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2009. – 288 p.
6. *Palmer, F. R.* Mood and Modality / F. R. Palmer. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. − 236 p.
7. *Portner, P.* The semantics of imperatives within a theory of clause types / P. Portner // Proc. of Semantics and Linguistic Theory 14, Ithaca / NY: CLC Publications; K. Watanabe and R. B. Young (eds). – Cornell Univ. Linguistics Department, 2004. – P. 235–252.
8. *Kratzer, A*. The notional category of modality / A. Kratzer // Words, worlds, and contexts: New approaches in word semantics / ed. by H. J. Eikmeyer and H. Rieser. – Berlin: W / de Gruyter, 1981. – P. 38–74.
9. *Verstraete, J.- Ch*. Subjective and objective modality: Interpersonal and ideational functions in the English modal auxiliary system / J.-Ch. Verstraete // Journal of Pragmatics. – 2001. – Vol. 33. – P. 1505–1528.
10. *Depraetere, I.* Source of modality: A reassessment / I. Depraetere, A. Verhulst // English Language and Linguistics. – 2008 – Vol 12 (1). – P. 1–25.
11. *Lyons, J.* Semantics / J. Lyons. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1977. – Vol. 2. – 539 p.
12. *Руднев, В*. Модальность и сюжет: Философия виртуальных реальностей / В. Руднев // Исследования по философии современного понимания мира / сост. В. Я. Друк, В. П. Руднев. – М. : Ин-т сновидений и виртуальных реальностей, 1995. – Вып. 1: Возможные миры и виртуальные реальности. – С. 24–39.
13. *Гловинская, М. Я.* Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов / М. Я. Гловинская // Русский язык в его функционировании: Коммуникативно-прагматический аспект / ред. Е. А. Земская. – М. : Наука, 1993. – С. 158–218.
14. *Шатуновский, И. Б.* Речевые акты разрешения и запрещения в русском языке / И. Б. Шатуновский // Логический анализ языка: Языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. – М. : Языки рус. культуры, 2000. – С. 319–324.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

А-1 – *Ильф и Петров*. Двенадцать стульев / Ильф и Петров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://онлайн-читать.рф/. – Дата доступа : 21.12.2018.
А-2 – Правила проживания в общежитиях БГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://studgorodok.bsu.by/docs/normativka/obchie/pravila-prozhivaniya.pdf. – Дата доступа: 21.01.2019.
А-3 – Правила внутреннего учебного распорядка МГЛУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.mslu.by/pravila-vnutrennego-uchebnogo-rasporyadka. – Дата доступа : 21.01.2019.

А-4 – *Булгаков, М. А.* Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rushist.com/index.php/rus-literature/4861-bulgakov-master-i-margarita-glava-1-chitat-onlajn-polnostyu. – Дата доступа : 21.11.2018.
А-5 – Юридические и налоговые консультации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://garant-victori.ru. – Дата доступа: 11.02.2019.
А-6 – *Куприн, А. И.* Гранатовый браслет / А. И. Куприн [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://ilibrary.ru/text/1022/p.3/index.html. – Дата доступа : 21.12.2018.
А-7 – *Ильф и Петров*. Золотой теленок / Ильф и Петров [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://онлайн-читать.рф/. – Дата доступа : 21.12.2018.
А-8 – *Булычев, К.* Тайна третьей планеты [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.rusf.ru/kb/stories/tajna_tretej_planety/text-01.htm. – Дата доступа : 21.12.2018.
А-9 – Встреча президента РФ В. В. Путина с федеральными и региональными омбудсменами [Электронный ресурс]. – 05.12.2014 – Режим доступа : http://www.kremlin.ru/events/president/news/47179. – Дата доступа : 21.11.2018.
А-10 – Хоккеист «Динамо» – об учебе в США [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://sport.tut.by/news/hockey/623777.html. – Дата доступа : 01.02.2019.
А-11 – *Велтистов, Е.* Приключения Электроника / Е. Велтистов [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://knigosite.org/library/read/84638. – Дата доступа : 14.12.2018.
А-12 – Бага – о подготовке БАТЭ к сезону [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://sport.tut.by/news/football/623500.html?crnd=420. – Дата доступа : 21.11.2018.

This article discusses the deontic modality from the point of view of the formal-semantic approach, describes the content of the components of its semantic structure (modal source, modal force, modal agent). The presence of these components is obligatory in the statement structure. They perform a differentiating function in distinguishing modal meaning, labeled by polysemic modal operators.

Поступила в редакцию 25.02.2019

М. В. Турчинская

СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ТЕРМИНОВ РОДСТВА В АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье представлены результаты комплексного анализа значений терминов родства в современном английском и белорусском языках. Установлено, что изучаемые номинации в сопоставляемых языках характеризуются схожим набором прагматических свойств, которые актуализируют элементы знаний о стереотипных признаках, ассоциируе-

мых с денотатами анализируемой лексико-семантической группы. Выявленная контрастность свойств, профилируемых в значениях номинаций лиц мужского и женского пола по родству, обусловлена представлениями о свойствах и качествах, присущих представителям разных полов и гендерных ролей в изучаемых языковых сообществах.

Одним из центральных векторов современных лингвистических исследований является изучение значения лексических единиц как сложной комбинации признаков, которые репрезентируют различные грани знания об обозначаемой сущности [1, p. 17]. Помимо чисто семантической доли лексического значения, формирующей его ядро, выделяется и прагматическая составляющая, которая обусловливает модификации значения, реализующиеся в коммуникации под влиянием контекстуальных факторов [2, p. 562; 3, p. 39; 4, p. 113].

В свете данной проблематики все чаще внимание исследователей привлекает изучение специфических признаков значений не столько отдельных лексических единиц, сколько целых лексико-семантических групп. В силу того, что термины родства в том или ином виде представлены в лексических системах разных языков мира и могут рассматриваться как лексико-семантические универсалии, особый интерес представляет сравнительно-сопоставительный анализ специфики значений этой группы лексических единиц в разных языковых сообществах.

Термины родства как объект исследования изучались в работах многих отечественных и зарубежных лингвистов [5; 6; 7; 8; 9]. В рамках нашей работы особый интерес представляет анализ производных имен прилагательных *отцовский* и *материнский*, проведенный З. А. Харитончик. Его результаты указывают, что данные дериваты имеют широкий спектр разнообразных характеристик, которые профилируются в значениях этих слов в различных контекстуальных употреблениях и свидетельствуют о многообразии свойств, присущих денотатам мотивирующих единиц, что подтверждается многочисленными примерами использования прилагательных *отцовский* и *материнский* в Национальном корпусе русского языка: *отцовский дом/сапог/капитал/подарок/ответ/подзатыльник/нос/характер* и др.; *материнский платок/подол/голос/запах/иск/паек/труд/организм/инстинкт* и др. [10]. Мы решили обратиться к изучению всей лексико-семантической группы наименования лиц по родству для выявления особенностей свойств, присущих их значениям в современном английском и белорусском языках.

С целью установления специфики признаков, реализующихся в значениях исследуемых номинаций, были проанализированы контекстуальные употребления и производные наименований лиц по родству в английском и белорусском языках (о методике см. [11]). Результаты проведенного анализа свидетельствуют о том, что значения исследуемых слов не ограничиваются ядерными семантическими составляющими, фиксируемыми в их

лексикографических дефинициях (например, в англ.: ***father*** *– a man in relation to his child or children;* ***mother*** *– a woman in relation to a child or children to whom she has given birth* [ODOE]; в белорус.: ***бацька*** *– мужчына ў адносінах да сваіх дзяцей;* ***маці*** *– жанчына ў адносінах да народжаных ёю дзяцей* [ТСБЛМ]). Помимо признаков семантического ядра, исследуемым номинациям свойственны и другие прагматически идентифицируемые компоненты, которые актуализируются в разных контекстуальных употреблениях (*…it is to be noted that God is to be seen* ***as*** *a* ***Father*** *in* ***authority*** *and* ***teaching****,* ***as a Mother*** *in* ***kindness*** *and* ***mercy*** ‘…следует отметить, что Бог должен рассматриваться как Отец, по авторитету и наставлениям, и как Мать, по доброте и милосердию’ [BNC]), а также в процессах *деривации (to* ***father*** *on/upon – to* ***impose*** *or place without a just reason* ‘навязывать или устанавливать без уважительной причины’ [CED]; *to* ***mother*** *– bring up (a child) with* ***care*** *and* ***affection****; look after (someone)* ***kindly*** *and* ***protectively****, sometimes* ***excessively*** ‘воспитывать (ребенка) с заботой и любовью; заботиться (о ком-либо), любить и защищать, иногда чрезмерно’ [ODOE]).

Анализ установленных прагматических компонентов указывает на то, что семантика исследуемых наименований в английском и белорусском языках сопряжена с целым рядом общих характеристик. Выявленные признаки значений, общие для терминов родства как в английском, так и в белорусском языке, репрезентируют элементы знаний о типичных качествах родственников по отношению к другим членам семьи: *любви*, *заботе*, *ласке*, *опеке* и т.д. (например, *He regarded Lexandro musingly as a* ***brother*** *might a sister whose honour he must* ***protect*** ‘Он задумчиво посмотрел на Лександро, как брат мог бы смотреть на сестру, чью честь он должен защищать’ [BNC]; *…дзе вы знойдзеце* ***ласку братэрскую*** *ў сэрцах…; Сябар любіць вас усякі час і,* ***як брат, явіцца ў няшчасці***; *сабраў усіх сяброў пад сваю* ***братнюю руку****, усіх абагрэў, навучыў…* [NK] и др.).

Тем не менее проведенный анализ наименований лиц по родству демонстрирует, что даже в гамме общих для родителей обоих полов характеристик носители исследуемых языков дифференцируют отличительные особенности свойств, присущих матери, и качеств, характерных для отца. Например:

motherly *– resembling a mother, esp in* ***warmth****, or protectiveness*; *resembling, or characteristic of a mother, especially in being* ***caring,*** *protective, and kind* ‘похожий на мать, особенно теплом или защитой [CED]; напоминающий или характерный для матери, особенно заботливый, защищающий и добрый’ [ODOE]; *looking* ***stern*** *and* ***fatherly*** ‘выглядит строго и по-отцовски’ [BNC];

…дзеці растуць ад ***матчынага блінца****, а разумнеюць ад* ***бацькавага дубца****; Калі* ***мамчыны ўгаворы*** *на такіх паненак не дзейнічаюць, то дзе выхаваўчая роля* ***бацькавай папругі****?*; *Лепшая* ***навука — бацькава папруга****; (о ребенке)* ***маміна*** *радасць,* ***маміна*** *шчасце,* ***татавы*** *надзея і* ***гордасць****…* [NK].

Контрастность характеристик, репрезентирующих элементы знаний о качествах, присущих родственникам противоположных полов, прослеживается и в значениях других наименований лиц по родству как в английском, так и в белорусском языке. Так, терминам родства с семантическим признакам пола ‘мужской’ свойственна актуализация характеристики ‘авторитет’:

like a ***father*** *– по-отечески,* ***авторитетно****, строго, но благожелательно* [CERPD]; *He's like some perfect* ***uncle****,* ***authoritative*** *and kind, but slightly removed* ‘Он как какой-то идеальный дядя, авторитетный и добрый, но слегка отдаленный’ [BNC];

Мужава воля: *загадаў – ахрысцілася*; *Міхаіл Уладзіміравіч мне* ***як бацька. Я яго паважаю, таму і слухаю*** [NK].

В числе выявленных признаков, общих для наименований лиц по родству мужского пола в английском и белорусском языках, находится и такая характеристика, как ‘твердость / жесткость’:

...looking ***stern*** *and* ***fatherly…*** ‘выглядит строго и по-отцовски’ [BNC];

...яна ў нас трохі распушчаная, вядома, гадуецца без ***бацькавай цвёрдай рукі*** [NK]**.**

В значениях исследуемых наименований лиц мужского пола были также выявлены признаки ‘обязанность / ответственность’:

…he was in ***charge of*** *men,* ***like father*** ‘…он нес ответственность за людей, как отец’; *I'd be failing in my* ***duties as a husband*** ‘Я бы не справлялся со своими обязанностями мужа’; *A* ***son is duty bound*** *to look after his mother* ‘Сын по своему долгу обязан присматривать за матерью’ [BNC];

Ён, Вакула, свайго ***мужчынскага абавязку*** *не выканаў; мужаў* ***абавязак****/сынаў* ***абавязак****/сыноўні* ***абавязак****/мужчынскі* ***абавязак*** [NK].

Помимо поведенческих и психологических характеристик, профилируемых значениями наименований лиц по родству мужского пола, результаты проведенного исследования свидетельствуют о наличии в их семантике признаков, репрезетнирующих представления носителей исследуемых языков о перцептивных свойствах, присущих денонатам данных единиц:

He is ***balding*** *and pleasant-faced,* ***like*** *a* ***father*** ‘Он лысеющий и добролицый, как отец’ [BNC]; *Аброс двойкамі,* ***як дзед барадою****; Дзед як* ***дзед: сівы, вусаты, мажны****…* [NK].

Следует акцентировать внимание на том, что наименования лиц по родству женского пола также характеризуются наличием поведенческих, психологических, перцептивных свойств, профилируемых в их значениях. Однако выявленные типы свойств, актуализируемые в значениях терминов родства с семантическим признаком пола ‘женский’, репрезентирует контрастный набор признаков в сравнении с наименованиями лиц по родству мужского пола (таблица).

Свойства, актуализируемые в значениях терминов родства
с семантическим признаком пола ‘мужской’/‘женский’

Семантический признак пола ‘мужской’	Язык		Семантический признак пола ‘женский’	Язык	
	англий-ский	белорус-ский		англий-ский	белорус-ский
Перцептивные			**Перцептивные**		
особенности внешности	+	+	особенности внешности	+	+
размер (крупный)	+	+	размер (небольшой)	+	-
Психологические и поведенческие			**Психологические и поведенческие**		
превосходство / доминирование	+	+	забота	+	+
сексуальная активность	+	+	нежность / тепло	+	+
храбрость	+	+	глупость	+	-
рациональность / рассудительность	+	+	сексуальность	+	-
твердость / жесткость	+	+	женский труд / домашние обязанности	+	+
авторитет	+	+	плаксивость	-	+
ответственность	+	+	болтливость	-	+
защита	+	+			
Физиологические			**Физиологические**		
сила	+	+	слабость	+	-
			фертильность	+	+

Современные исследователи отмечают, что специфическая природа полярности многих характеристик сопряжена с половыми и гендерными признаками, которым отводится классифицирующая роль в языковой модели мира [12, с. 155; 13]. Результаты данного исследования указывают на то, что знания о контрастности свойств, сопряженных с семантическим признаком пола, репрезентируются и в семантике поломаркированных терминов родства. Так, перцептивное свойство ‘размер’ в значениях наименований лиц мужского пола представлено признаком ‘крупный размер’, в то время как для значений лиц женского пола характерна актуализация признака ‘небольшой размер’: ***grandfather clock*** *a clock in a tall free-standing wooden case, driven by weights* ‘часы в высоком свободно стоящем деревянном корпусе, приводимые в движение разновесом’; ***grandmother clock*** *a clock similar to a grandfather clock but about two thirds the size* ‘часы, похожие на дедушкины часы, но меньше на одну треть’ [ODOE].

Спектр поведенческих и психологических свойств, присущих терминам родства с семантическим признаком пола ‘женский’, также характеризуется качествами, отличающимися от тех, которые были выявлены в значениях мужских номинаций. Например, исследуемым номинациям женского пола свойственна актуализация признака ‘слабость’ (*a weak* ***sister*** ‘слабак, «баба»’ [CERPD]; ***granny*** *knot – a type of knot that looks similar to a square knot but is much* ***less strong*** ‘бабий узел – тип узла, который похож на квадратный узел, но является гораздо менее прочным (дословно сильным)’ [MWOD]); а также признаков ‘нежность/теплота’:

...he said, as ***gently as a mother*** ‘…сказал он так нежно, как мать’ [BNC];

Печ ***прыгорне*** *нас, як* ***матка****; Брыняла зямля пяшчотаю нявесты маладой,* ***цяплынёю*** *курылася* ***ласкавай****;...яму не хапае* ***цяпла Маці*** *і Радзімы; …столькі* ***сястрынскай любові і пяшчоты*** *жыло ў ёй…*[NK].

Значениям наименований лиц по родству женского пола в сопоставляемых языках свойственен и такой признак, как ‘забота’:

The ***natural anxiety of any wife*** *for her husband’s* ***well-being*** ‘Естественная забота любой жены о здоровье своего мужа’; Из рекламы витаминов: *A* ***mother will always*** *worry about her child. From today she can worry a little bit less* ‘Мать всегда будет беспокоиться о своем ребенке. С сегодняшнего дня она может беспокоиться немного меньше’ [BNC];

...яна выявіць, як яе патрэба ў бацькавай апецы, ***матчыным клопаце*** *і страснай любові будзе задавальняцца ідэальным чынам;* ***сястрынскія клопаты***; *мамінымі* ***клопатамі*** [NK].

Широкий спектр признаков (перцептивных, поведенческих, психологических), выявленных в значениях анализируемых единиц, репрезентирует знания не только об объективно присущих свойствах членов исследуемой категории, но и во многом о стереотипных характеристиках, ассоциируемых с обозначаемыми лицами в английском и белорусском языковых сообществах (например, *мать – добрая и любящая, мачеха – злая и коварная*). О стереотипности свойств, ассоциируемых с денотатами исследуемых наименований, свидетельствуют и многочисленные примеры употреблений таких лексических единиц, как *цешча, свякроў* и *mother-in-law*:

Як зяць на парог, дык ***цешча*** *за яйцы*; *Круты паварот – гэта “****цешчын*** *язык”, яго гэтак трапна назвалі шафёры*; *Бервяно распілавалі піламі пад назвай “****Цешчын*** *язык”*; ***Свякроў*** *нявестцы не таварыш*; *Блудлівая* ***свякроў*** *і нявестцы не верыць* [NK];

A small event like ***mother-in-law*** *coming to stay can have a differential impact on newly married*s ‘Небольшое событие, например, визит свекрови, может особенным образом повлиять на молодоженов’; *…natural antagonism between mother-in-law and daughter-in-law* ‘естественный антагонизм между свекровью и невесткой’ [BNC].

Идея о наличии в значении слова стереотипных свойств денотата высказывалась в рамках целого ряда современных лингвистических теорий и концепций. Так, с точки зрения американского философа Х. Патнэма, в значениях лексических единиц следует выделять, помимо синтаксического

маркера (который сближается с грамматическим значением) и маркера семантического (центральных категориальных признаков), компонент стереотипных свойств – стандартизированных, общепринятых представлений о денотате, которые служат критерием, позволяющим отнести типичных и нетипичных (анормальных ‘abnormal’) представителей к тому или иному классу [14, p. 191]. При этом отмечается, что если признаки семантического маркера относятся ко всем представителям данного вида, то стереотипные признаки денотата имеют отношение только к типичным, нормальным, с точки зрения говорящего, представителям категории [14, p. 166–173]. Затрагивая вопрос стереотипных признаков в значении слов, Х. Патнэм особо подчеркивает их обязательность для успешной коммуникации в данном языковом сообществе, с одной стороны, и влияние социально детерминируемых факторов в формировании стереотипного компонента – с другой. Он также указывает, что не все критерии, используемые данным языковым сообществом, становятся частью стереотипа и что в некоторых случаях стереотип может быть довольно слабым [14, p. 147]. Иными словами, в стереотипном компоненте слова из широкого круга возможных характеристик денотата репрезентируются релевантные для данного языкового сообщества минимальные кванты знания, необходимые для процесса коммуникации.

В своей концепции К. Аллан рассматривает значение языковой единицы не как строго заданный набор необходимых признаков, присущих денотату, а, скорее, как минимальный набор стереотипных фактов о типичном денотате [15, p. 333]. Ученый считает, что характеристики стереотипа больше, чем характеристики прототипа, подходят для описания типичного денотата в силу того, что стереотип включает в себя представления о прототипе, или, иными словами, эталонном примере категории [15, с. 333–339].

Особый интерес очерченная проблематика представляет в концепции Е. Бартминьского. Исследуя вопросы этнолингвистики, которая предусматривает «субъектную реконструкцию культуры» из языковой основы [16, с. 4], ученый замечает присутствие стереотипных характеристик во всем лексиконе языка [17, с. 12]. В процессе создания дефиниций в словаре польского фольклора Е. Бартминьский приходит к выводу, что «опыт словарей литературного языка с ориентацией на научные дефиниции, указывающие необходимые и достаточные признаки, оказался непригоден, так как за этими определениями стоял ученый, а не обычный средний носитель языка» [18, с. 14]. По мнению лингвиста, в таких примерах-генерализациях, как *Мать заботлива, Англичане педантичны* или *Собака гоняется за кошками*, эксплицируются признаки денотата, которые не отражены в лексикографических изданиях, но являются частью языковой компетенции говорящих [19, с. 165–166]. Автор концепции полагает, что в различных коммуникативных ситуациях происходит профилирование стереотипа обозначаемой данным словом сущности, иными словами, «субъективно детерминированного представления о предмете, охватывающего как описательные, так и оценочные

признаки, а также являющегося результатом интерпретации действительности в рамках социальных познавательных моделей» [19, с. 189]. Здесь важно отметить, что в концепции Е. Бартминьского признаки стереотипа не являются постоянными и неизменными, но претерпевают разные изменения, связанные как с познавательной деятельностью человека, так и с изменяющейся в данном языковом сообществе системой ценностей [17, с. 16].

В своей концепции Е. Бартминьский предлагает разделять языковые стереотипы на *образы*, в которых репрезентируются признаки типичного, нормального представителя категории, и *образцы*, эксплицирующие признаки *«идеального»* представителя соответствующей категории [19, с. 252–278; 20, л. 39]. Анализ компонентов значений терминов родства в английском и белорусском языках свидетельствует о том, что в значениях изучаемых единиц репрезентируются стереотипные представления преимущественно об *идеальных* свойствах представителей исследуемой категории (или *стереотипах-образцах* в терминологии Е. Бартминьского): например, *идеальная мать – заботливая, нежная, ласковая, хорошая хозяйка* и т.д.

Таким образом, проведенное исследование позволило установить, что значениям терминов родства в английском и белорусском языках свойственна актуализация весьма схожего набора перцептивных, поведенческих, психологических и иных характеристик, которые эксплицируются под влиянием контекстуальных факторов и в семантике производных единиц. Данные признаки не формируют семантическое ядро исследуемых номинаций и актуализируют элементы знаний во многом о стереотипных свойствах, ассоциируемых с денотатами исследуемой лексико-семантической группы. Контрастность же свойств, актуализируемых в значениях номинаций лиц мужского и женского пола по родству, обусловлена представлениями о свойствах и качествах, присущих представителям разных полов и гендерных ролей в изучаемых языковых сообществах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Evans, V.* The nature of meaning / V. Evans, A. Tyler // The semantics of English prepositions: spatial scenes, embodied meaning, and cognition / V. Evans, A. Tyler. – Cambridge, 2007. – P. 1–22.
2. *Bolinger, D. L.* The atomization of meaning / D. L. Bolinger // Language. – 1965. – Vol. 41, № 4. – P. 555–573.
3. *Langacker, R. W.* Cognitive grammar: a basic introduction / R. W. Langacker. – N. Y. ; Oxford : Oxford Univ. Press, 2008. – 573 p.
4. *Kharitonchik, Z. A.* Lexical meaning as a dynamic entity of variant semantic components / Z. A. Kharitonchik // Probleme actuale de linguistică, glotodidactică i ştiintă literară / ed.: Z. Ludmila, V. Păcuraru. – Chişinău, 2009. – P. 113–121.
5. *Хвостенко, А. А.* Термины кровного родства и свойства в историческом аспекте развития семантики английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. А. Хвостенко ; ФГАОУ ВО «Новосиб. нац. исслед. гос. ун-т». – Барнаул, 2018. – 22 с.

6. *Макарэвіч, Н.* Найменні някроўнай роднасці ў беларускай каляндарна-абрадавай паэзіі / Н. Макарэвіч // Роднае слова / ГА «Саюз пісьменнікаў Беларусі». – 2009. – № 1. – С. 49– 52
7. *Ляшчынская, В. А.* Суб'ектныя фразеалагізмы з кампанентам-найменнем роднасці і сваяцтва: антропны код культуры / В. А. Ляшчынская // Святло скарынавых ідэй : да 90-годдзя з дня нараджэння У. В. Анічэнкі / НДІ гісторыі і культуры ўсходнеславянскіх народаў пры ГДУ ім. Францыска Скарыны. – Гомель, 2014. – С. 103– 107.
8. *Dole, G. E.* Developmental sequences of kinship patterns / G. E. Dole // Kinship studies in the Morgan centennial year / ed. : P. Reining. – Washington, D. C. : Anthropological Society of Washington, 1972. – P. 134–166.
9. *Wierzbicka, A* Semantics, culture, and cognition / A. Wierzbicka. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1992. – 496 p.
10. *Харитончик, З. А.* Мотивирующее слово и концептуальная структура / З. А. Харитончик // Осмь десятъ : сб. науч. ст. к юбилею И. С. Улуханова / отв. ред. М. А. Малыгина. – М. : Азбуковник, 2015. – С. 201–207.
11. *Будникова, Е. И.* Лексикографические и корпусные данные как источники сведений о структуре лексического значения : на материале английских зоонимов и фитонимов / Е. И. Будникова // Изв. Смол. гос. ун-та. – 2015. – № 3. – С. 219–230.
12. *Ефремов, В. А.* Гендерные стереотипы как элемент концептуализации / В. А. Ефремов // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. – 2011. – № 2. – С. 149–158.
13. *Цивьян, Т. В.* Оппозиция мужской/женский и ее классифицирующая роль в модели мира / Т. В. Цивьян // Этнические стереотипы мужского и женского поведения : сб. ст. / Ин-т этнографии Акад. наук СССР ; отв. ред.: А. К. Байбурин, И. С. Кон. – СПб., 1991. – С. 77–91.
14. *Putnam, H. W.* The meaning of «meaning» / H. W. Putnam // Minnesota Studies in Philosophy of Science. – 1975. – Vol. 7. – P. 131–193.
15. *Allan, K.* Natural language semantics / K. Allan. – Oxford ; Malden : Blackwell, 2001. – 529 p.
16. *Бартминский, Е.* Когнитивное определение, профилирование понятий и субъектная интерпретация мира / Е. Бартминский, С. Небжеговска // Когнитивная лингвистика конца XX века : материалы Междунар. науч. конф., Минск, 7–9 окт. 1997 г. : в 3 ч. / Мин. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 1997. – Ч. 1. – С. 4–7.
17. *Бартминьский, Е.* Базовые стереотипы и их профилирование : на материале польского языка / Е. Бартминьский // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре : сб. ст. / Рос. гос. гуманит. ун-т ; сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М., 2009. – С. 11–21.
18. *Толстая, С. М.* Этнолингвистика Ежи Бартминьского / С. М. Толстая // Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. / Е. Бартминьский. – М., 2005. – С. 9–20.
19. *Бартминьский, Е.* Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике : пер. с пол. / Е. Бартминьский. – М. : Индрик, 2005. – 528 с.
20. *Вилинбахова, Е. Л.* Модели репрезентации стереотипов в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Е. Л. Вилинбахова. – СПб., 2011. – 209 л.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: Больш за 65.000 слоў / пад рэд. М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 1996. – 783 с.
ODOE – Oxford Dictionary of English (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 355 000 entries. – Rev. ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2005. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).
CED – Collins English dictionary (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 120 000 entries. – 8th ed. – Glasgow : HarperCollins Publ., 2006. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).
CERPD – *Kunin, A. V.* The comprehensive English-Russian phraseological dictionary (for ABBYY Lingvo x3) [Electronic resource] : 20 000 entries / A. V. Kunin. – M. : Russkiy Yazyk – Media, 2006. – 1 electronic opt. disk (CD-ROM).
MWOD – Merriam-Webster online dictionary [Electronic resource]. – Mode of access: www.merriam-webster.com. – Date of access: 09.02.2019.
BNC – The British National Corpus [Electronic resource]. – BNC XML Ed. – Oxford : Oxford Univ. Computing Services on behalf of the BNC Consortium, 2007. – 2 electronic optical disks (CD-ROM).
NK – Беларускі N-корпус [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://bnkorpus.info. – Дата доступа : 01.02.2019.

The complex analysis of the meaning of kinship terms in modern English and Belarusian demonstrates that the words studied in both the languages are characterized by a similar set of pragmatic properties that represent the elements of knowledge about stereotypical features associated with the denotata of the lexico-semantic group under study. The contrasting features revealed in the meanings of the words denoting kinsmen and kinswomen represent specific characteristics related to different sexes and gender roles in the linguistic communities studied.

Поступила в редакцию 05.03.2019

Н. У. Чайка

МОЎНАЯ РЭПРЭЗЕНТАЦЫЯ КАТЭГОРЫІ ЛАКАЛЬНАСЦІ Ў МАСТАЦКІХ ТВОРАХ

Статья посвящена исследованию текстовой категории локативности в ходожественных текстах. Исследованы уровни репрезентации категории локативности (семантический и синтаксический), выявлены и классифицированы компоненты с локативным значением (экзисциенс, статальный предикат, локатив, директив-старт, директив-финиш, транзитив, медиатив, дименсив, финитив, темпоратив) и способы их выражения – существительные с предлогами, местоимения, наречия.

В статье определены синтаксические способы репрезентации категории локализации и их значения: размещение субъекта в пределах пространственного ориентира, за его пределами, между пространственными ориентирами.

Развіццё сінтаксічнай сістэмы беларускай мовы на сучасным этапе выклікала значнае пашырэнне адзінак дынамічнага сінтаксісу, якія спрыяюць моўнай рэпрэзентацыі тэкставых катэгорый. Знакавая прырода тэкставых катэгорый дазваляе выражаць значэнні на розных узроўнях моўнай арганізацыі.

У апошнія дзесяцігоддзі тэкставыя катэгорыі выступаюць аб'ектам вывучэння даследчыкаў мовы. Кваліфікацыя іх ажыццяўляецца з улікам метадалагічнай базы лінгвістычнага напрамку, у межах якога праводзіцца названае даследаванне. Большасць вучоных адзначаныя катэгорыі адносяць да паняційных універсалій, якія ўключаюць адзіны тэкставы сэнс і складаюцца з функцыянальна арыентаваных тыпавых кампазіцый рознаўзроўневых моўных адзінак [1]. Тэкставая катэгорыя выступае «адзінкай аналізу, паколькі змяшчае ў сабе асноўныя ўласцівасці цэлага. Кожная тэкставая катэгорыя ўвасабляе асобную сэнсавую лінію тэксту, выражаную групай моўных сродкаў, арганізаваных у адносную ўнутрытэкставую цэласнасць» [2]. Відавочна, даследчыкі прытрымліваюцца меркавання, што менавіта сукупнасць тэкставых катэгорый і ўтвараюць тэкст як камунікатыўную адзінку.

Любая тэкставая катэгорыя характарызуецца агульнасцю семантычнай функцыі кампанентаў усіх моўных узроўняў, што яе складаюць. Менавіта гэтая ўласцівасць і выступае крытэрыем яе выдзялення як моўнай універсаліі. Пры гэтым тэкставыя катэгорыі «фармальна не ўніфіцыраваны: не звязаны з канкрэтным моўным узроўнем, выражэнне іх ажыццяўляецца комплексна, на некалькіх узроўнях моўнай арганізацыі адначасова» [3].

У сучаснай лінгвістычнай літаратуры дастаткова поўна прадстаўлены даследаванні тэкставых катэгорый кагерэнтнасці, кагезіі, завершанасці, адасобленасці [4; 5; 6]. Апошнім часам тэкставыя катэгорыі даследчыкі прапануюць дзяліць на зместавыя (канцэптуальныя) і структурныя [2; 7]. Пры такім падыходзе тэкставую катэгорыю разумеюць як аб'ектыўную ўласцівасць мастацкага тэксту.

Відавочна, што пытанне пра тэкставыя катэгорыі выступае актуальным і запатрабаваным, тым больш што на беларускамоўным матэрыяле падобнае даследаванне практычна не праводзілася. Мэта нашага даследавання – выявіць усе магчымыя сродкі і спосабы выражэння катэгорыі лакальнасці на сінтаксічным узроўні (на ўзроўні простага сказа) у мастацкіх творах.

Значэнні лакатыўнасці выражаюцца з дапамогай сродкаў розных узроўняў. Значнае месца сярод іх займаюць *кампаненты семантычнай структуры*, якія рэпрэзентуюць значэнне дынамічнай і статальнай лакалізацыі. У мастацкім кантэксце на значэнне руху ўказвае кампанент з лакатыўным значэннем. Найбольш часта падобнае ўказанне ажыццяўляецца з дапамогай *дырэктыў-фініша*, які выражаецца прыслоўем: *І дарослыя, і дзеці – / Ўсе сюды* (З. Бядуля); *Ты, Ігар, куды?* (А. Карпюк), а таксама рознымі формамі іменных часцін мовы – назоўнікам у форме роднага склону: *Павуцінка залатая – да вясковага двара. Верасовая сцяжынка. Па баках – беразнякі* (Г. Бураўкін); – *Я – да нашых куркулёў! Ну не!* (А. Дзялендзік); займеннікам

у форме роднага склону: *Шэф, да вас жанчына* (А. Дудараў); назоўнікам у форме вінавальнага склону: *Інжынер – купец з вышэйшай адукацыяй – у агарод з бульдозерам* (М. Матукоўскі); – *А можа, ён на Петраград, цягнік* (П. Глебка); – *А я – у рэчку! Люблю ў віры паплаваць* (А. Бялевіч).

Назіраюцца аднасастаўныя канструкцыі, якія змяшчаюць кампаненты з указаннем на дынамічную лакалізацыю. Дырэктыў-фініш у такіх сказах дастаткова інфарматыўны і рэалізуе семантыку руху бессуб'ектным спосабам. У такіх выпадках ажыццяўляецца семантычнае ўзгадненне кампанентаў, і кола лексем, што ўказваюць на кірунак перамяшчэння, строга рэгламентавана, бо прадвызначаецца законам семантычнага ўзгаднення: *Дамоў, на завод? – з робленай паслужлівасцю і нахабствам спытаў шафёр* (І. Канановіч); *Угору, у прадонне вышыні* (Т. Бондар).

Кампанент *транзітыў* указвае на кірунак дынамічнай лакалізацыі без яго пачатковага або канечнага пункта і выражаецца часцей прыслоўем: *Насустрач нейкі пан* (М. Сяднёў); *Сонца насустрач і сіні прастор. / Неба і хмары ў вясёлкавай браме* (С. Грахоўскі); *Выйшлі яны пагуляць. А насустрач жанчына з каляскаю* (Г. Багданава); *А перад ім – яснее неба, / А перад ім – машын гудкі. / Насустрач – поле, поле з хлебам. / Насустрач – дзеці, як званкі* (П. Броўка).

Назіраюцца выпадкі, калі транзітыў выражаецца рознымі формамі назоўнікаў: *А ўслед за ветрам – вясёлы і часты галоп* (У. Паўлаў); *Праз завею – сані, сані…* (С. Законнікаў). Транзітыў у канструкцыях з пропускам дзеяслова можа ўказваць на прасторавы арыенцір, межы якога пераадольваюцца ў працэсе руху, і выражацца назоўнікам у форме роднага або вінавальнага склонаў: *Ты – паўз лес і ў вёску* (Б. Сачанка). Мадэль канструкцыі можа мяняцца на аднасастаўную: *Куды ноччу?* (С. Баранавых); *Куды так рана?* (А. Жук). Такія мадэлі рэалізуюцца ў значнай колькасці структурных схем, аднак спосабы выражэння лакатыва не вызначаюцца разнастайнасцю. Ён выконвае ролю паказчыка значэння лакальнасці толькі ў спалучэнні з прасторавымі сірканстантамі: *Ігналік мой!.. Ігналік… Зараз жа дамоў, да яго…* (М. Гарэцкі); *Я назаўсёды сюды* (А. Макаёнак).

Дырэктыў-старт у якасці кампанента з указаннем на пачатковы пункт перамяшчэння ўжываецца часта. Выражаецца ён як прыслоўем: *Адкуль жа вы, дзеткі? З вашай Альхоўкі* (А. Якімовіч); *А кулі, кулі – адусюль. / Няма ратунку ім ад куль* (П. Броўка), так і назоўнікам у форме роднага склону з прыназоўнікамі: *Ты – з глыбіні Віёлавых садоў* (Л. Дранько-Майсюк); *Я – з глыбокіх нетраў, / Вечная, жывая* (А. Русак).

Лакатывы могуць указваць на напрамак руху ад пачатковага да канечнага пункта, у такіх выпадках дырэктыў-старт і дырэктыў-фініш выражаюцца пераважна назоўнікамі ў форме вінавальнага або роднага склонаў з прыназоўнікамі: *Іскры з кузні – за парог, / На лядочак тонкі* (А. Бялевіч); *Што ж гэта мы, бацька, з-за стала зноў за стол* (А. Жук); *Выходзіць, ён з таго моста ў палонку?* (Г. Марчук); *З натоўпу – у натоўп. / Бездапаможна* (Т. Бондар) або прыслоўямі: *Адсюль – сюды… Адтуль – туды…* (М. Зарэцкі).

Медыятыў, што ўказвае на значэнне лакальнасці, выражаецца пераважна назоўнікам: *У «Заслаўль» толькі на 227-м* (Г. Багданава); *Хмарай пыл – за салдатамі* (А. Вялюгін) або прыслоўямі: *А шнур (журавоў) парваны – нізам, нізам, нізам* (А. Пысін); *Ты – пехатою? Дзе ж твой конь?* (М. Гарэцкі). Выразны характар прыведзеныя сказы набываюць дзякуючы таму, што медыятывы маюць абмежаванае кола лексем, з якімі могуць спалучацца: гэта пераважна дзеясловы тыпу *ісці*, *бегчы*, *рухацца* і інш.

На дынамічную лакалізацыю суб'екта ўскосна ўказвае таксама *дыменсіў*, які выражаецца пераважна назоўнікамі: *Мы па свята зрунелых ніў, / Мы па рэк малады разліў* (М. Шабовіч); *А вам далёка?* (В. Быкаў); *Я – мігам. На адной назе* (А. Макаёнак); *– Я – хутка. Ты пасядзі тут* (Г. Багданава); *Хутчэй, хутчэй адсюль* (Г. Багданава). Выражаюцца дыменсівы пераважна назоўнікамі або прыслоўямі і характарызуюць рух не толькі паводле працягласці, але і паводле колькаснай або якаснай прыкметы.

Дынамічная лакалізацыя суб'екта рэалізуецца з дапамогай кампазіцыі кампанентаў *транзітыў – медыятыў*: *І Алёшка, / Мірон і Зянон – / Па карчах, па кустах / Наўздагон* (А. Пысін); *Абы хутчэй – праз луг...* (Г. Далідовіч); *Травы – клубам – з-пад касы* (А. Бялевіч); *І – раптам дымок над вадой* (П. Прыходзька).

Зрэдку назіраюцца выпадкі, калі рэпрэзентацыя лакалізацыі суб'екта ажыццяўляецца з дапамогай *фінітыва*, што ўказвае на мэту руху: *Снег – каму для радасці, каму для бяды* (А. Бачыла); *– Па якой ты справе?* (В. Іпатава); *– Я – па справе* (Б. Мікуліч); *– Я – па калгасных справах* (С. Баранавых); *– Я тут – па справе* (А. Макаёнак); *Я лепш – на паляванне. Прырода, прастор…* (А. Дзялендзік); *На споведзь я* (А. Петрашкевіч). Фінітыў у падобных канструкцыях часцей выражаецца экспліцытна: *За баладамі да маладзечанцаў* (ЛіМ); *На Міншчыну па вопыт* («Звязда»); *За «золатам» – у Любачы* («Ленінскі шлях»); *Да суседзяў – па здароўе* («Дзеці і мы»).

Значэнне руху рэалізуецца з дапамогай спалучэння характарызацыйных сірканстантаў з прасторавымі. Агенс можа выражацца імпліцытна: *Праз цемру ценяў нацянькі – / Да зор, да неба* (М. Шабовіч). Пашырэнне семантычнай структуры сказа за кошт медыятыва надае ім большую выразнасць і семантычную ёмістасць: *А сама басанож / Па дажджы і калдобах* (Я. Янішчыц); *Мурзатыя, як чарцяняты, / Дзеці на рэчку – трушком* (М. Калачынскі); *У залатым чоўне на выспу Патмас* (М. Гарэцкі).

На семантыку руху таксама ўказваюць спалучэнні семантычных кампанентаў *кандытыў – медыятыў*. Суб'ект у большасці падобных сказаў прадстаўлены імпліцытна, а таму колькасць сінтаксічных кампанентаў мінімальная. Такая камбінацыя кампанентаў з'яўляецца рэдкай з'явай: *Туман над полем ярам, ярам* («Крупскі веснік»); *Пад такім агнём немагчыма нават і па-пластунску* (В. Быкаў). Назіраюцца рэдкія выпадкі, калі экспліцытна выражаецца толькі медыятыў: *Аўтобусам ці поштай. Як легалізаваць патрэбную паслугу?* («Звязда»). І зусім рэдкімі з'яўляюцца выпадкі, калі на

значэнне статальнай і дынамічнай лакалізацыі ўказваюць *тэмпаратывы: Хай хто-небудзь спачатку адзін як бы ў разведку. А пасля другі… Каб не абоім адразу* (В. Быкаў).

Катэгорыя лакальнасці рэалізуецца таксама на **ўзроўні структурнай арганізацыі**. Мадыфікацыі канструкцый са значэннем статальнай лакалізацыі ўжываюцца даволі часта ў творах мастацкай літаратуры. Гэта тлумачыцца тым, што яны ўжо на ўзроўні сінтаксічных кампанентаў утвараюць тыповую сітуацыю. Дзеяслоў са статальным значэннем можа быць выражаны экспліцытна і імпліцытна, аднак пры гэтым нязменным застаецца камунікатыўная функцыя канструкцый – указанне на месца размяшчэння аб'екта або на яго наяўнасць. Дамінуючым кампанентам у рэалізацыі семантыкі выступае лакатыў: *У куце на саломе – цяля з засохлым кончыкам пупавіны* (А. Карпюк); *На стозе – бусел макаўкаю лета* (М. Стральцоў); *У многіх на злінялых прапацелых гімнасцёрках – ордэны* (С. Грахоўскі).

Мадэль сказа з семантыкай статальнай лакалізацыі ўключае наступныя кампаненты: экзісцыенс – прэдыкат – лакатыў. Пазіцыя лакатыва са статальным значэннем часцей за ўсё знаходзіцца ў абсалютным канцы сказа: *На абеліску – твой апошні ордэн* (С. Законнікаў); *На беразе – белы цвет* (Я. Крупенька); *Зіма… Зіма… У палях – туманы* (П. Трус). Выражаецца экзісцыенс пераважна назоўнікам ці асабовым займеннікам, пры гэтым сказы могуць набываць інтанацыю пытання: *Гаспадар – у хаце*? (І. Мележ). Адметнасць падобных канструкцый заключаецца ў канстантным характары прэдыкатыўных значэнняў: пры любых умовах, калі няма іншых фармантаў, падобныя канструкцыі ўказваюць на значэнне цяперашняга часу. Таму падобная маркіроўка тэкставай тэмпаральнасці і кваліфікуецца як сінтаксічная.

Канструкцыі са значэннем статальнай лакалізацыі ў межах прасторавага арыенціра ўключаюць дзеяслоў (матэрыяльна выражаны або апушчаны) і два кампаненты. Адметнасць семантыкі такіх сказаў заключаецца ва ўказанні на канкрэтны прасторавы арыенцір, прычым экзісцыенс можа выражацца імпліцытна: *Агеньчык у цемры* («Дзеці і мы»); *Там, за Днепрабугам* («Ленінскі шлях»); *Твае салдаты тут, у акопах* (А. Дудараў); *Станцыя. Я ў цягніку* (М. Сяднёў). Лакатыў у дадзеных канструкцыях можа выражацца самымі рознымі спосабамі – формамі назоўніка: *Пад небам беларускага слова* (ЛіМ); *Святло далёкай зоркі – над вадой* (А. Грачанікаў); *Альпійская ружа – у навакольлі Ружкавіч* («Адкрыты ўрок»); *Пад Мінскам – аўцюкоўцы* («Дзеці і мы»); *На скрыжаванні – чарада рабін. / І раптам надпіс: «Сцеражыся мін»* (А. Бажко); *Іду. З нябёс глядзіцца месяц. / У прасторы ноч і ціхі сон* (З. Астапенка); *На сценах – дарагія дываны, дарагі абажур, дарагая мэбля* (Г. Марчук), займенніка: *На ім – чорная шапка з капюшонам, на нагах – чорныя бітыя валёнкі, на руках – сінія рукавічкі* (А. Жук), прыслоўямі: *Насустрач – даліна, мурожная траўка. / За лугам – магільнік, / Хмызняк і багна* (З. Бядуля); *Мальвіна дома?* (Б. Сачанка). Экзісцыенс, выражаны назоўнікам, указвае на неадушаўлёны аб'ект: *І на праспектах і плошчах яго – / Белыя, белыя ліпы* (С. Грахоўскі); *Алтар у лесе* («Ave Maria»);

Славутасці Міншчыны ў цэнтры Гродна («Звязда»); *У пакоі зімна. На шыбах – кветкі* (М. Рудакоўскі); *Вось на ўзгорку – пяцісценны дом / З шыльдаю кароткай «Чайная»* (П. Глебка).

Канструкцыі са значэннем статальнай лакалізацыі могуць указваць на аб'ект, што размяшчаецца па-за межамі прасторавага арыенціра. Адметнасць дадзеных канструкцый у форме лакатыва, які заўсёды выражаецца назоўнікамі з прыназоўнікамі і ўказвае на пастаянны характар лакатыўнай прыкметы: *За леснічоўкай – маляўнічае возера* («Паляўнічы і рыбалоў Беларусі»); *А за вокнамі – чырвоны чэрвень* (М. Калачынскі); *За вокнамі агні і чорны снег* (А. Вялюгін), ***каля (ля):*** *Мы каля старадаўняга алтара* («Ave Maria»); *Ля вогнішча – думаў натхнёных запалі / Песень разліў пераможны* (Л. Геніюш); *Каля хаты – маладая грушка* (Б. Мікуліч); *Гурбы снегу – ля вакон* (У. Скарынкін); *Шыпшыны куст – ля хаты – на шляху* (Р. Баравікова), ***над***: *Над ракою – дзве вярбіны, / Дзве журботныя сястры* (Я. Янішчыц); *Над галавой спакойнае і добрае, як матчын твар, – жнівеньскае сонца* (С. Законнікаў); *Над зямлёй – спелых яблык духмяны разліў* (В. Іпатава); *Над Чорным морам, нада мной – / Начнога неба перфакарта* (У. Скарынкін); *Над дзюнамі сонныя сасонкі – парасонамі* (А. Вялюгін); *Над шэрай хатай матчынай – / І сум, і ясната* (А. Іверс), ***абапал*** (***наабапал***, ***паабапал***): *…Абапал лясной паляны – дубы* (А. Карэлін), ***перад***: *Перад намі – шырокі прастор* (В. Таўлай); *І палкоўнікава постаць у яго перад вачыма* (П. Броўка), ***побач***: *Побач – поле ўзаранае. Шырокія барозны працягнуліся* (В. Каваль); *Побач са сталом – канапа* (А. Макаёнак), ***вакол*** (***навокал***): *А навокал – бязлессе* (С. Грахоўскі); *А вакол – узлескі ясныя* (А. Вялюгін), ***пры***: *Пры лазні – цырульня* (С. Грахоўскі); ***імпліцытна***: *Маўзер – справа, шабля – злева* (А. Бялевіч); *Дарожка. Елкі – злева, справа. / Працяглы шум. Савіны куст* (А. Бялевіч).

У сінтаксічнай сістэме беларускай мовы маюць месца сказы з семантыкай статальнай лакалізацыі паміж прасторавымі арыенцірамі. У іх семантыка рэалізуецца з дапамогай прыназоўнікаў ***між (паміж)***: *Між міфам і сном* (ЛіМ); *Паміж вёскамі – млын-вятрак без крылаў. Паабапал – аскаболкі жорнавых каменняў…* (А. Кулакоўскі); *Між вёсак – маляўнічае возера* (А. Астрэйка); *Між ялін – вялікі будан* (А. Бялевіч); ***сярод***: *Сярод іх – і мой няроўны почырк* (Р. Баравікова). Такія сказы часта выкарыстоўваюцца ў загалоўках да інфармацыйна-публіцыстычных твораў: *Шляхта – сярод нас* (ЛіМ); *Зялёны астравок пасярод планеты* (ЛіМ). У назвах экзісцыенс можа выражацца імпліцытна: *Паміж ідэяй і бізнесам* («Настаўніцкая газета»).

Структура сказаў з семантыкай статальнай лакалізацыі можа пашырацца за кошт увядзення факультатыўных кампанентаў – каэкзісцыенса: *Маці з дзецьмі – у хаце* (Янка Брыль); тэмпаратыва: *Зноўку туманы над полем* (Кузьма Чорны) або сірканстантаў са значэннем спосабу дзеяння: *Крэкча дуб: / – Душ мне люб. / Па каленкі / У лужах елкі* (А. Пысін). Часам пропуск дзеяслова ў эліптычных сказах абумоўлены метрыка-рытмічнай арганізацыяй верша: *З лета – стог, абкладзены кляёнкай, / На штыкетах – жоўтыя*

глякі… / Недзе мама бразгае даёнкай, / Недзе тата носіць смалякі… (Р. Баравікова); *У кожным сэрцы – малады запал* (А. Куляшоў); *І сярод іх – адна – уся з агню* (Р. Баравікова).

Такім чынам, катэгорыя лакатыўнасці ў творах мастацкай літаратуры выражаецца на ўзроўні семантычнай і сінтаксічнай арганізацыі. Значэнне статальнай лакалізацыі, што ўласціва прэдыкату, абумоўлівае характар семантычных кампанентаў. Мадэль канструкцый павінна ўключаць мінімум тры кампаненты: экзісцыенс, статальны прэдыкат і лакатыў. Адценні значэння лакатыўнасці рэпрэзентуюцца ў наступных кампанентах: дырэктыў-фініш, транзітыў, дырэктыў-старт, медыятыў, дыменсіў, фінітыў, тэмпаратыў (рэдка). Спосабы выражэння кампанентаў маюць дастаткова вялікі дыяпазон – гэта назоўнікі з прыназоўнікамі, прыслоўі, займеннікі. Суб'ектныя кампаненты пры гэтым маюць як імпліцытнае, так і экспліцытнае выражэнне.

На сінтаксічным узроўні катэгорыя лакатыўнасці рэпрэзентуецца ў структуры простага сказа. Кампазіцыя сінтаксічных кампанентаў указвае на значэнне статальнай або дынамічнай лакалізацыі. Падобныя канструкцыі маюць дастаткова шырокі спектр значэнняў: размяшчэнне суб'екта ў межах прасторавага арыенціра, за яго межамі, паміж прасторавымі арыенцірамі, што сведчыць пра пастаянны, нязменны характар лакатыўнай прыкметы. Падобныя канструкцыі назіраюцца як у мастацкіх творах, так і ў публіцыстычных, у прыватнасці – у газетных загалоўках.

Рэпрэзентацыя тэкставай катэгорыі лакальнасці рэгулюецца рознымі моўнымі механізмамі. Структурнымі механізмамі абумоўлена маркіроўка названага значэння семантычнымі кампанентамі, што выступаюць у функцыі дэтэрмінаваных членаў сказа; структурна-сэнсавыя фактары рэгулююць рэпрэзентацыю катэгорыі лакатыўнасці з дапамогай кампанентаў лексічнага ўзроўню; фармальна-граматычныя – маркіроўку названых катэгорый з дапамогай марфалагічных сродкаў; фактарам семантычнай імплікацыі абумоўлена маркіроўка значэнняў лакатыўнасці спосабам пераемнасці кампанентаў акалічнаснага тыпу; з дапамогай сінтаксічнага паралелізму маркіруюцца аналізуемыя значэнні на аснове сінтаксічнай і граматычнай аднапланавасці.

ЛІТАРАТУРА

1. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 140 с.
2. *Тураева, З. Я.* Лингвистика текста : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / З. Я. Тураева. – М. : Просвещение, 1986. – 127 с.
3. *Москальская, О. И.* Грамматика текста / О. И. Москальская. – М. : Высш. шк., 1981. – 183 с.
4. *Арнольд, И. В.* Лексико-семантическое поле в языке и тематическая сетка текста / И. В. Арнольд // Текст как объект комплексного анализа в вузе : сб. ст. – Л., 1984. – С. 3–11.

5. *Брандес, М. П.* Стилистика текста. Теоретический курс : учебник / М. П. Брандес. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Прогресс-Традиция ; ИНФРА-М, 2004. – 416 с.
6. *Гулыга, Е. В.* Грамматико-лексические поля в современном немецком языке / Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. – М. : Просвещение, 1969. – 184 с.
7. *Сидоров, Е. В.* Основы системной концепции текста : дис. … д-ра филол. наук / Е. В. Сидоров. – М., 1986.

The article is dedicated to the language representation research of the category of locality in literature at the levels of semantic and syntactic organization. The revealed components of semantic structure indicate the meaning of stative and dynamic location – existence, stative predicate and locative, directive-finish, transitive, directive-start. The following text meanings of the category of locality on the simple sentence level have been indicated: the subject position within spatial reference point, beyond its borders, between spatial reference points.

Поступила в редакцию 21.03.2019

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Е. В. Беланович

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ГЛАГОЛАМИ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ «ПОТРЕБЛЕНИЕ ПИЩИ»

В статье выявляются типы соотношения и согласования денотативной и сигнификативной структур простого английского предложения с глаголами лексико-семантической группы «Потребление пищи», а также проводится их последующий анализ. Процедура анализа основана на теории композиционного синтаксиса и, в частности, на идее неизоморфизма денотативного и сигнификативного аспектов предложения, которые составляют его номинативную семантику. Результаты анализа проиллюстрированы структурными и семантическими модификациями предложений с названными глаголами.

Изучение способов языкового отражения действительности составляет основу современных лингвистических исследований, центром которых является системное изучение семантики предложения.

Предложение в композиционном синтаксисе рассматривается как некая модель положения дел, которая включает в его содержательную структуру предикативность, информационную перспективу, а также номинативную семантику предложения [1]. При этом номинативная семантика предложений состоит из неизоморфных друг другу сигнификативного (пропозиционального) и денотативного (ситуативного) аспектов. Признание их автономности приводит к необходимости различения их функций.

Денотативный аспект предложения является результатом отражения фактов реальной действительности народом, говорящим на данном языке. Связь предложения с денотативной областью осуществляется через лексический состав предложения, в котором именно глагол называет отношение, связывающее компоненты денотативной области.

Пропозициональная семантика предложения в теории композиционного синтаксиса представляет собой структуру, отражающую ограничение морфологического строения слов в предложении. «Элементы пропозиции называются *аргументами* и *предикатом*. Аргументы (они же − глубинные падежи и актанты) являются именными элементами пропозиции, которые связаны пропозициональным отношением, задающим их семантические функции. Пропозициональное отношение представлено в пропозиции предикатом, который задает места и функции своих аргументов» [2, с. 11].

Тип пропозиции предложений с глаголами ЛСГ «Потребление пищи» является динамическим и направленным и предполагает наличие пяти аргументов: Агентива, Инструментатива, Патиентива, Бенефактива, Фактитива. Однако в предложении могут присутствовать не все аргументы пропозиции, что свидетельствует о ее вариантах. Поскольку пропозиции представляют

собой способ актуализации денотативной области, то возникает вопрос, каким образом соотносятся компоненты денотативной области с аргументами пропозиции.

Два признака легли в основу определения типа соотношения денотативной и сигнификативной структур предложения: 1) статичность / динамичность и 2) направленность / ненаправленность [3]:

1) *гомоморфное* соотношение – характеристики отношений денотативной и сигнификативной структур схожи по признаку динамичности и направленности: *He eats meat every day* ‘Он ест мясо каждый день’ − характер отношения в денотативной и сигнификативной структурах – направленный и динамичный;

2) *алломорфное* соотношение – характеристики только одного из двух признаков могут оказаться сходными: *Small bones crunched under his teeth* ‘Маленькие косточки хрустели у него в зубах’ – отношения сигнификативной и денотативной структур схожи по признаку динамичности, но по признаку направленности они противоположны: на денотативном уровне отношение направлено от элемента, представленного в предложении существительным *teeth* ‘зубы’, а на сигнификативном уровне – от существительного *bones* ‘косточки’;

3) *диаморфное* соотношение – характеристики обоих признаков у двух структур могут быть разными; данный тип соотношения денотативной и сигнификативной структур предложений с глаголами ЛСГ «Потребление пищи» не наблюдается.

При этом имя может именовать участников разных денотативных областей, так как объект или понятие, названные существительными, могут иметь связи с другими объектами или понятиями и, следовательно, могут быть элементами разных денотативных областей. Следовательно, для определения отношения предложения к некоторой денотативной области необходимо согласование лексической семантики слов, занимающих позиции предикатов, актантов и сирконстантов. Это согласование может быть гомолексемным, гетеролексемным и аллолексемным [4]. Рассмотрим эти три вида согласования.

1. При *гомолексемном* согласовании имена и глагол принадлежат к одной денотативной области: *Mary drank coffee* ‘Мэри выпила кофе’. Элементы *Mary*, *coffee* и *drink* принадлежат денотативной области ‘потребление пищи’.

2. При *гетеролексемном согласовании* имена и глагол могут отсылать к разным денотативным областям: *The flames were licking the curtains* ‘Пламя лизало шторы’. Имена *flames* и *curtains* не принадлежат денотативной области ‘потребление пищи’, представленной глаголом *lick*.

3. При *аллолексемном согласовании* наблюдается некоторое рассогласование лексического состава включенной и включающей денотативных областей: *He drank Champagne too quickly* ‘Он слишком быстро выпил шампанское’. Потребляемый продукт включенной денотативной области представлен именем собственным (по месту происхождения продукта) при отражении денотативной области ‘потребление пищи’.

Предложение с одним и тем же глаголом может иметь разный состав и отличающиеся структуры. При разных способах отражения в поверхностной структуре могут появляться компоненты, которые выполняют неодинаковые роли, что приводит к изменению валентности глагола.

При стандартном способе отражения денотативной области с определенным глаголом в динамической направленной пропозиции место Агентива занимает Субъект, место Патиентива – Объект, место Инструментатива – Инструмент и т.д. Трансформация же в теории композиционного синтаксиса предполагает изменение заполнения аргументных мест, т.е. иное соотношение денотативной и сигнификативной структур.

Рассмотрим возможные типы соотношения и согласования денотативной и сигнификативной структур в предложениях с глаголами ЛСГ «Потребление пищи», варианты заполнения аргументных мест участниками сложной денотативной области ‘потребление пищи’, а также согласование/рассогласование лексических компонентов при заполнении аргументных мест в пропозиции английских предложений. Обратимся к следующим примерам: 1) *And they drink* ***five cups*** *a day* ‘Они выпивают пять кружек в день’; 2) *He wolfed* ***two large plates*** ‘Он с жадностью проглотил две тарелки’; 3) *He drained* ***his glass*** ‘Он осушил стакан’. В данных примерах в позиции Патиентива наблюдается Емкость или подвижный (*cup* ‘чашка’, *glass* ‘стакан’) или неподвижный (*plate* ‘тарелка’) Инструмент первого этапа ‘поднесение пищи’ без потребляемой пищи. Таким образом, мы наблюдаем изменение функциональной нагрузки участника (**I**), который занимает позицию Патиентива. Типы соотношения и согласования денотативной области и пропозиции в этом случае – гомоморфный и гомолексемный, при которых характер отношений и их направление в пропозиции и денотативной области совпадают, заполнение аргументных мест и предиката осуществляется словами, принадлежащими к одной денотативной области (рис. 1). Другими словами, при попадании отчуждаемого подвижного и неподвижного Инструмента первого этапа «поднесение пищи» в позицию Патиентива в пропозиции, отражающей сложную денотативную область ‘потребление пищи’, наблюдается метонимический перенос значения именной части предложения.

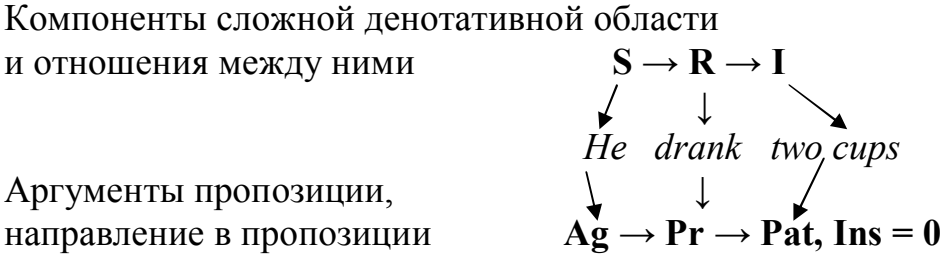


Рис. 1. Гомоморфный и гомолексемный типы соотношения
и согласования денотативной и сигнификативной структур

Инкорпоративность сложной денотативной области ‘потребление пищи’ заключается в том, что другая денотативная область (а именно, денотативная

область ‘приготовление пищи’) представлена в общей структуре сложной денотативной области ‘потребление пищи’ своим Результатом, который становится Объектом потребления пищи: 1) *He dined on **«robber steak»** – bits of bacon, onion, and beef, seasoned with red pepper, and strung on sticks, and roasted over the fire* ‘На обед он ел «разбойничий стейк» − кусочки бекона, лук, говядина, приправленная красным перцем, – все это нанизано на шампур и поджарено на огне’; 2) *I **ate a hamburger*** ‘*Я* съел гамбургер’; 3) *I **drink coffee** all day long in the office* ‘Целыми днями в офисе я пью кофе’. Инкорпоративный тип связи между отношениями эксплицирован в поверхностной структуре предложений именными компонентами («*robber* s*teak*», *hamburger*, *coffee*), занимающими позицию Патиентива в пропозиции предложений с глаголами ЛСГ «Потребление пищи».

В пропозиции предложений с глаголами-гиперонимами позицию Патиентива могут занимать не только названия собственно Объекта, который является Результатом включенной денотативной области ‘приготовление пищи’, но и наименования того, из чего пища приготавливается. В этом случае наблюдается гомоморфный и аллолексемный типы соотношения и согласования денотата и сигнификата, которые выражаются в специфике метонимии «потребление твердой пищи» и «потребление жидкой пищи» и вариативности представления Объекта потребления пищи в зависимости от его происхождения. При «гомоморфном и аллолексемном типах соотношения и согласования денотативной и сигнификативной структур направление отношения и иерархия компонентов в двух структурах совпадают, а заполнение аргументных мест предиката осуществляется словами, указывающими на разные уровни включения в рамках одной и той же включающей денотативной области» [3].

При отражении сложной денотативной области ‘потребление твердой пищи’ наблюдается метонимия внутри включенной денотативной области ‘приготовление пищи’. Объект потребления пищи является Результатом приготовления пищи. В качестве замены потребляемого продукта используется сырой продукт, из которого будет приготовлено блюдо: 1) *I haven’t eaten **meat** for many years* ‘Я не ел *мясо* много лет …’; 2) *You eat too much spicy **chicken*** ‘Ты ешь слишком много острой *курицы*’; 3) *The kings dined on **suckling pigs*** ‘Короли обедали *молочными поросятами*’. «При номинации сложной денотативной области элементы, именующие компоненты включенной денотативной области, могут переноситься во включающую денотативную область, в результате чего наблюдается феномен аллолексии» [5, с. 12].

В случае отражения сложной денотативной области ‘потребление жидкой пищи’ наблюдается метонимия именной части под другим углом зрения, т.е. по другим источникам. В результате потребляемый продукт представлен именем собственным (названия по фамилии или имени производителя, по месту происхождения и т.д) (рис. 2): 1) *He drank **Champagne*** ‘ <…> шампанское’; 2) *She drank a large **Tab*** ‘<…> Тэб – энергетический напиток <…>’; 3) *She sipped well-chilled **Sauvignon*** ‘<…> совиньон’.

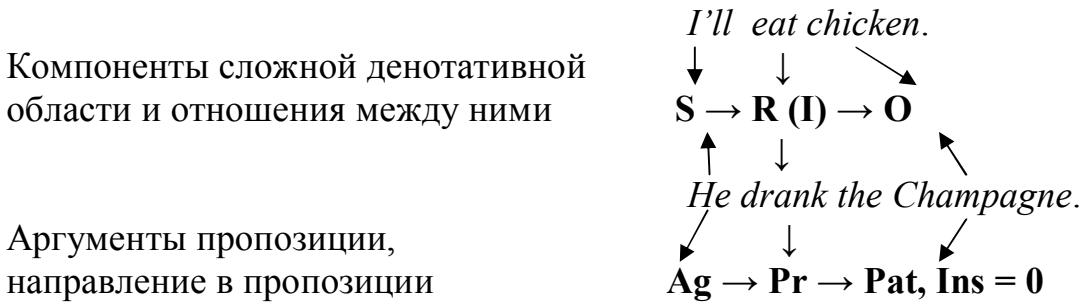


Рис. 2. Гомоморфный и аллолексемный типы соотношения и согласования денотативной и сигнификативной структур

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что при построении простых английских предложений, отражающих сложную денотативную область, компоненты денотативной области могут быть представлены эксплицитно и имплицитно. Анализ предложений с глаголами ЛСГ «Потребление пищи» показывает, что сложная денотативная область с цепочечно-инкорпоративным типом иерархии в формальной структуре предложения реализована предикативными единицами и актантами.

Предикативные единицы, указывающие на сложную денотативную область 'потребление пищи', в формальной структуре предложения представлены сорока тремя глаголами ЛСГ «Потребление пищи», а актанты – именными компонентами: исчисляемым/неисчисляемым существительным-трофонимом[1] (*fish* 'рыба', *meat* 'мясо', *potatoes* 'картофель', *eggs* 'яйца', *salmon* 'лосось', *coffee* 'кофе', *tea* 'чай', *sandwich* 'бутерброд', *toast* 'гренок', *hamburger* 'гамбургер', *salad* 'салат'); абстрактным существительным, обозначающим прием пищи (*breakfast* 'завтрак', *lunch* 'завтрак, обед', *dinner* 'обед, ужин', *supper* 'ужин', *snack* 'перекус', *tea* 'чай'); именной группой, выраженной причастием и существительным (*baked potato* 'печеный картофель', *smoked salmon* 'копченый лосось', *baked ham* 'запеченный окорок', *fried chicken* 'жареная курица'). Качественная и количественная характеристики присущи каждому именному компоненту (их употребление факультативно: *sweet meat* 'сладкое мясо', *fresh fish* 'свежая рыба', *a salami sandwich* 'бутерброд с салями', *a light breakfast* 'легкий завтрак', *a big red steak* 'большой стейк с кровью', *half dozen slices of cheese* 'полдюжины кусочков сыра', *a bushel of carrots* 'бушель моркови = 27,22 кг', *a piece of chocolate* 'кусочек шоколада'). Сирконстанты, указывающие на манеру исполнения действия, временные и пространственные характеристики, в поверхностной структуре предложения представлены позициями обстоятельства образа действия, времени и места и находятся на периферии конструктивного минимума предложения.

В случаях нестандартного заполнения позиций Агентива и Патиентива лексемами, связанными с денотативной областью, отличной от денотативной

[1] Под термином *трофоним* понимается существительное, обозначающее продукт питания и название блюда (от греч. *трофо* 'пища', *оним* 'имя, название') [5].

области предиката, реализуется переносное значение глагола. Другими словами, денотативные области, на которые указывает лексическое заполнение имен и предикатов, не совпадают. В таком случае мы наблюдаем гомоморфный и гетеролексемный типы соотношения и согласования сигнификативной и денотативной структур, которые приводят к модификации значения предиката и метафоризации всего предложения. Рассмотрим в качестве примеров следующие предложения: 1) ***His words*** *bit into* ***our spirit*** ‘Его слова ранили наши души’ (*bite* – cause an irritation or smarting); 2) ***The hotel*** *was consumed by* ***fire*** ‘Огонь поглотил отель’ (*consume* – destroy completely); 3) ***She****’d devoured* ***newspaper articles*** ‘Она проглатывала газетные статьи’ (*devour* – read or look at something with great interest and enthusiasm); 4) ***The waves*** *lapped around* ***our feet*** ‘Волны ласкали наши ноги’ (*lap* – touch something gently and regularly, often making a soft sound).

Результаты анализа предложений с глаголами ЛСГ «Потребление пищи» позволяют заключить следующее: при отражении сложной денотативной области в целом наблюдаются гомоморфный и гомолексемный типы соотношения и согласования денотативной и сигнификативной структур, при которых традиционный Объект занимает позицию Патиентива; в позиции Агентива находится Субъект. При нестандартном заполнении позиций Агентива и Патиентива лексемами, связанными с денотативной областью, отличной от денотативной области предиката, наблюдаются гомоморфный и гетеролексемный типы соотношения и согласования сигнификативной и денотативной структур, которые приводят к модификации значения предиката и метафоризации всего предложения. Вариативное отражение сложной денотативной области наблюдается также при алломорфном или аллолексемном ее отражении.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Богушевич, Д. Г.* Еще раз к вопросу о семантике предложения / Д. Г. Богушевич // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 16–17 апр. 2002 г. : в 3 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2003. – Ч. 2. – С. 10–11.
2. *Богушевич, Д. Г.* Основные понятия композиционного синтаксиса / Д. Г. Богушевич // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, Минск, 21–22 апр. 2005 г. : в 5 ч. / Минск. гос. лингвист. ун-т ; редкол.: Н. П. Баранова (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2005. – Ч. 4. – С. 10–11.
3. *Макуца, Е. В.* Структура и семантика предложений с глаголами физического восприятия : дис. … канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. В. Макуца. – Минск, 2003. – 116 л.
4. *Богушевич, Д. Г.* О взаимоотношении пропозиции и ситуации в предложении / Д. Г. Богушевич, И. В. Иванова, Е. В. Макуца // Структура, семантика и функционирование языковых единиц разных уровней : сб. науч. ст.

преподавателей, аспирантов и магистрантов каф. истории и грамматики англ. яз. / Минск. гос. лингв. ун-т ; редкол.: Д. Г. Богушевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2006. – С. 7–15.
5. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.

The article deals with the analysis of coordination and correlation types of denotative and significative aspects of a simple English sentence with the verbs of consumption. The analysis procedure is imposed by the compositional syntax theory with its main idea of non-isomorphousness of denotative and significative aspects of a sentence which (aspects) comprise its nominative structure. The obtained results are illustrated by structural and semantic modifications of sentences with the mentioned verbs.

Поступила в редакцию 19.03.2019

В. Д. Бурло, В. Г. Жигунова

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕСОГЛАСИЯ ВО ФРАНЦУЗСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕБАТАХ

В данной статье рассматриваются стилистические средства выражения несогласия во французском языке на материале политических дебатов. Выявлена роль таких стилистических фигур, как метафора, повтор, сравнение, риторический вопрос, возрастающая и убывающая градация, параллельные синтаксические конструкции и т.п.

В речевой коммуникации *несогласие* имеет высокую частотность реализации, причем не ограниченное какими-либо коммуникативными стилями и другими условиями. Речевой акт «несогласие» можно встретить как в повседневных бытовых и других разговорах, так и в официальной обстановке, в частности в политических дебатах. Что же такое *несогласие*?

Толковый словарь Д. Н. Ушакова предлагает нам следующее толкование понятия: «несогласие – это отсутствие согласия, разногласие с кем или чем-нибудь в чем-нибудь» [1, с. 551].

Толковый словарь французского языка « Le nouveau Petit Robert » определяет несогласие/désaccord как: « le fait ne pas être d'accord; état de personnes qui s'opposent » [2, с. 831].

В толковом словаре французского языка « Larousse » предлагается следующее определение: «1. Manque d`entente; désunion; 2. Fait d`être en apposition; contradiction » [3, с. 353].

Речевые акты несогласия служат для выражения мнения говорящего, при этом их целью является несогласие с его мнением, отказ от принятия его точки зрения, желание скорректировать ее, дать понять собеседнику, что он заблуждается или его суждения ошибочны.

Учитывая вышеприведенные дефиниции можно предположить, что в наиболее яркой форме несогласие может быть выражено в полемичной, часто конфликтной коммуникации, в том числе и дебатах, которые и явились объектом исследования.

Дебаты определяются как «прения, обсуждения вопроса, споры» [1, с. 666]. Во французском толковом словаре « Le Petit Robert » это: « action de débattre; discussion généralement animée entre interlocuteurs exposant souvent des idées opposées sur un sujet donné » [2, с. 627]. Несогласие – это один из типов речевых актов негативной реакции, который объединяет, как отмечают исследователи, множество видов отрицательных реакций, коммуникативных намерений (*возражение*, *возмущение*, *неодобрение*, *отрицание*, *отказ и др.*).

Именно поэтому речевой акт несогласия во французском дискурсе трудно, а иногда и невозможно отличить от таких типов речевых актов, близких по коммуникативным целям, как отказ, отрицание, недовольство, возмущение, запрещение, упрек. Иллокутивная цель реплики, выражающей несогласие, обнаруживается только по отношению к предшествующим высказываниям и с учетом конкретной ситуации общения.

Отбор необходимых для достижения желаемого эффекта языковых средств, будь то лексических, грамматических (морфологических, синтаксических) или стилистических, осуществляется говорящим в каждой конкретной ситуации. В данной статье мы остановимся на различных стилистических способах, к которым прибегают политики для усиления экспрессивности своего высказывания. С помощью таких средств они могут ярче выразить свою мысль, выделить главные положения, эффективно воздействовать на адресата, а также раскрыть свое эмоциональное состояние. Особенность использования различных стилистических средств придает речи современного политика необычность, выразительность и доказывает личностную ориентированность. Все примеры были взяты из политических дебатов на французских телеканалах France 2, France 24, TF 1, France Culture, а также на страницах периодических изданий « le Monde » и « Le Figaro ».

Во время саммита в честь 50-летия Римского договора, выступая по этому поводу с речью, Жан-Мари Ле Пен, непримиримый противник Евросоюза, негативно высказывается о нем и о тех последствиях, которые он оказал на Францию.

– Jean-Marie Le Pen: *Pour moi, la politique des «petits pas» et des réalisations concrètes* chère *à Jean Monnet et à Robert Schuman est allée au- delà de leurs espérances*. ***L`Europe s`est emballée, est devenue folle, sans pilote, sans freins, sans direction, sans frontières.*** *L'Europe d'aujourd'hui, celle voulue par M.M. Sarkozy, Bayrou et Mme Royal a trahi les idéaux européens d'hier, a ouvert ses frontières avec sa folle politique libre-échangiste et d'immigration, a supprimé ses frontières en acceptant la Turquie et demain, Israël ou le Maroc, n'a pas su protéger son marché de la mondialisation, a laissé sur le carreau des millions de travailleurs, victimes de dumping social et monétaire ainsi que de concurrence déloyale*.

В данном примере с помощью использования метонимии **(*L'Europe*)** с последующим набором сказуемых, расположенных по силе градации **(*s'est emballée, est devenue folle*)** и сопровождаемых серией определений **(*sans pilote, sans freins, sans direction, sans frontières*)**, располагающихся в восходящей градации, Жан-Мари Ле Пен не одобряет эволюцию французской политики в рамках европейского строительства, инициированного Римским

договором и подвергает ее критике. Он сравнивает Европу с образом неуправляемого самолета, который набирает скорость, не сдерживаемый никем и готовый взять непредсказуемый курс. В то же время происходит персонификация Европы, что способствует усилению образа.

Следующий пример был взят из предвыборного выступления Николя Саркози в качестве кандидата на пост президента Франции:

– N i c o l a s S a r k o z y: « *Le partage du temps de travail est* ***une absurdité monumentale*** *que nous avons été à travers* le monde *les seuls à épouser*. ***C'est une stratégie suicidaire, un suicide économique et c'est un massacre*** **social.** ***J'ai le courage d'accuser*** *les 35 heures d'*être *un élément de la régression économique de la France et de la régression sociale de la France* ».

Николя Саркози подвергает критике существующий закон о 35-часовой рабочей неделе во Франции. Такой трудовой режим он сравнивает с *абсурдом* '**une absurdité**' *и ужасной ошибкой* '**une erreur monumentale**', которые ухудшают экономическое положение страны**.** Через метафоры**,** расположенные в возрастающей градации, ***un suicide économique*** 'экономическое самоубийство' *и* ***un massacre social*** **'**социальное разрушение (уничтожение)', Саркози выражает полное несогласие с существующим положением и одновременно через выбор экспрессивной лексики дает свою оценку.

Рассмотрим высказывание Марин Ле Пен, где она выражает отрицательное отношение к политической программе своего соперника Эммануэля Макрона и критикует видение Макроном будущего развития страны:

– M a r i n e L e P e n: *« Monsieur Macron, la France que vous défendez, c'est pas la France,* ***c'est une salle de marchés, dans laquelle c'est la guerre de tous contre tous, dans laquelle les salariés français devront se battre pour conserver*** *leur emploi face aux travailleurs détachés,* ***dans laquelle les entreprises entre elles devront se battre pour avoir*** *les salaires les plus bas ou la durée de travail la plus longue ».*

Марин Ле Пен, выражая свое полное несогласие с политическими воззрениями Макрона, прибегает к использованию параллельных синтаксических конструкций с элементами сравнения. Она сравнивает Францию Макрона с ***une salle de marchés*** 'финансовым рынком', который порождает жесткую конкуренцию **«** ***la guerre de touristiques contre tous*** **»**, в связи с которой французские рабочие должны сражаться **«** ***se battre*** **»**, чтобы сохранить свои рабочие места. Для усиления образа используется персонификация рабочих предприятий, которые также должны бороться **«** ***les entreprises devront se battre*** **»**, чтобы получить хотя бы самую низкую зарплату.

В эфире радиостанции RTL Эммануэль Макрон высказывает свою точку зрения о ношении хиджаба:

– E m m a n u e l M a c r o n: *«* ***Sous prétexte qu'une femme met le voile, elle n'aurait pas le droit d'accéder à l'université? Qui dit ça?*** *Ce n'est pas la République, ce sont nos propres* ***traumatismes du moment. C'est non conforme à la civilité*** **».**

Выражая свое несогласие с запретом на ношение хиджаба в образовательных учреждениях, Эммануэль Макрон использует риторический вопрос

« ***Qui dit ça?*** » – «Кто такое сказал?». Здесь он не ожидает ответа, а хочет подчеркнуть, что данный закон – это дискриминация по религиозной принадлежности и мировоззрению, виной которой являются мировые конфликты – « ***traumatismes du moment*** ». В конце высказывания, Э. Макрон делает заключение и дает оценку ситуации, с которой он не согласен: « ***C'est non conforme à la civilité*** ».

Выступая со своей предвыборной программой перед жителями города Мец (Metz), Марин Ле Пен опровергает слова Франсуа Олланда, который утверждает, что во Франции нет преступников, стреляющих по людям в толпе.

– Marine Le Pen: *« Il y a quelques jours encore, en réponse à Donald Trump, Monsieur Hollande expliquait "qu'en France, il n'y a pas de gens qui tirent dans la foule". **Si!** En France, il y a **des gens qui tirent dans la foule**, **qui rafalent des salles de concert**, **qui écrasent des femmes, des enfants, des pères, des sœurs, des grand-mères avec un camion**, **qui tuent des enfants juifs** parce qu'ils sont juifs devant leur école, **qui abattent des policiers et des policières**, **qui assassinent dans les magasins**, **qui s'attaquent à nos militaires** ».*

Чтобы акцентировать свое несогласие, Марин Ле Пен использует лексический повтор, т.е. повторяет слова Франсуа Олланда в утвердительном предложении, но с отрицательной функцией: **« *Si!* *En France, il y a* *des gens qui tirent dans la foul e»*** – «Да нет же, во Франции есть преступники, которые стреляют по людям в толпе!». Чтобы придать экспрессивности своему несогласию, Марин Ле Пен использует повтор слов одного семантического поля с последующей нарастающей степенью градации лексем, формирующих параллельные синтаксические конструкции: ***tirer dans la foule*** 'стрелять по толпе', ***rafaler des salles de concert*** 'обстреливать концертные залы', ***écraser*** **des** ***femmes, des enfants*** 'давить женщин, детей на автомобилях', ***tuer des enfants juifs*** 'убивать еврейских детей', ***abattre des policiers et des policière*****s** 'расстреливать полицейских', ***assassiner*** *dangereusements les magasins* 'нападать с ножом на людей в магазинах', ***s'attaquer à*** *nos militaires* 'нападать на военных'. С помощью данных перечислений однородных параллельных структур, усиливающих ее несогласие с оппонентом, Марин Ле Пен пытается передать остроту существующей проблемы, тем самым опровергая сказанное Франсуа Олландом.

В нижеприведенном высказывании Марин Ле Пен обвиняет правительство Франции в неспособности защитить страну и ее граждан от террористических нападений:

– Marine Le Pen: *« Face au terrorisme, notre gouvernement est **dépassé, ahuri, tétanisé,** comme **un lapin dans les phares d'une voiture** ».*

С помощью эпитетов ***dépassé, ahuri, tétanisé,*** расположенных в возрастающей степени градации и имеющих отрицательную коннотацию, Марин Ле Пен критикует сложившуюся реальность в государстве, тем самым, выражая свое отрицательное отношение к действиям и поступкам нынешнего правительства.

Сравнивая власти Франции с «зайцем в свете фар», имея в виду растерянное, обеспокоенное, неспособное принять какие-либо меры правительство – « ***comme un lapin dans les phares d'une voiture*** », Марин Ле Пен указывает на критичность ситуации и на необходимость срочных мер.

Во время официального заявления о намерении выдвинуть свою кандидатуру на пост президента Франции на выборах 2017 г. Манюэль Вальс призывает французов противостоять и не полагаться на политические прогнозы, так как ничего не может быть предрешено:

– M a n u e l V a l l s: *« On nous dit que la gauche n'a aucune chance mais* ***rien n'est écrit.*** *On nous dit qu'elle ne rassemblera jamais, qu'elle en est incapable,* ***rien n'est écrit.*** *On nous dit que l'extrême droite est qualifiée d'office pour le second tour,* ***rien n'est écrit.*** *On nous dit que François Fillon est déjà le prochain président de la République,* ***rien n'est écrit*** *».*

В данном примере с помощью эпифоры, повторения одной и той же конструкции ***rien n'est écrit*** 'ничего не предначертано' в конце каждого предложения, Манюэль Вальс усиливает свое несогласие с политическими предсказаниями.

В реплике:

G é r a r d L o n g u e t: *«* ***Il y a des capitaines qui frôlent trop les côtes et qui conduisent leurs bateaux sur les récifs.*** *Je trouve que François Hollande* ***côtoie et tutoie les déficits publics avec beaucoup de complaisance****. Annoncer tranquillement que 60.000 emplois supplémentaires dans l'enseignement, ça peut se faire par redéploiement,* ***c'est une plaisanterie*** ». Жерар Лонге выражает свое негативное отношение к предвыборным обещаниям кандидата в президенты от социалистической партии Франсуа Олланда. Он сравнивает Франсуа Олланда с капитаном затонувшего судна, чтобы указать на неразумность, в некоторой степени безответственность и нерациональность в его поступках и обещаниях. « ***Il y a des capitaines qui frôlent trop les côtes et qui conduisent leurs bateaux sur les récifs*** » – «Есть капитаны, которые держатся слишком близко к берегу и направляют свой корабль на рифы».

В то же время, для усиления образа, в следующем предложении « **Je** ***trouve que François Hollande côtoie et tutoie les déficits public savec*** **beaucoup** ***de complaisance*** » – «По-моему, Франсуа Олланд слишком любезно и по-дружески общается с бюджетным дефицитом», Лонге персонифицирует словосочетание *бюджетный дефицит* '**les déficits publics**', употребляя с ним глаголы: ***côtoyer*** – « Etre en contact avec qn. » – «поддерживать близкие контакты» и ***tutoyer*** – « avoir une connaissance *très proche et approfondie* » – «обращаться с кем-то на ты».

Таким образом, далеко неполный анализ стилистических средств для выражения несогласия показал, что в дебатах политические деятели прибегают чаще всего к таким стилистическим приемам, как метафора, метонимия, эпитет, гипербола, повторение, сравнение, эпифора, риторический вопрос, возрастающая и убывающая градации, параллельные синтаксические конструкции. Можно с уверенностью добавить к ним использование эмоционально окрашенных слов и речевых конструкций, которые часто сопровождают выражение несогласия: *C`est injuste! C`est bizarre, c`est risible; C`est un mensonge! Quelle indignité! u m.n.*

Речевой акт несогласия представляет собой сложное и многоаспектное явление, исследовать которое необходимо с учетом семантического, грамматического и прагматического аспектов. Стилистические фигуры позволяют часто не прямо, а косвенно, выразить несогласие, причем сопровождая его оценкой говорящего субъекта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Толковый словарь русского языка: в IV Т. Т. II: Л–Я / гл. ред. Б. М. Волин и проф. Д. Н. Ушаков; сост.: проф. В. В. Виноградов [и др.]; под ред. Д. Н. Ушакова. – М., 1938. – 10 039 с.
2. Le nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. – Paris : Ed: Dictionnaires, Le Robert, 1993. – 2594 p.
3. Le Petit Larousse illustré. – Paris : Larousse, 2005. – 1 855 p.

The article is devoted to the stylistic means of expressing disagreement in the French language on the material of political debates. Emphasis is made on the role of such stylistic figures as metaphor, repetition, simile, rhetorical question, increasing and decreasing gradations, parallel syntactic constructions and so on.

Поступила в редакцию 21.12.2018

Л. А. Грачева

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СОКРАЩЕНИЙ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ КОНЦЕПТ «ОБРАЗОВАНИЕ» В СОВРЕМЕННОМ ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются структура и семантика сокращений, репрезентирующих концепт «образование» в современном французском языке. Установлено, что рассматриваемые сокращения, как правило, сохраняют семантику коррелятов; самую многочисленную группу составляют сокращенные названия учреждений образования, представленные в основном инициальными аббревиатурами. Значительное увеличение числа сокращений, упрощение их написания и произношения приводят к все более частым случаям омонимии, что обусловливает поиск новых способов дифференциации омонимичных аббревиатур.

В настоящее время в связи с глобализацией мирового пространства, поступательным движением науки и техники происходит постоянное расширение политических, экономических и культурных связей между странами. Возрастает число новых лексических единиц, среди которых значительное место занимают сокращения, так как использование сокращенных языковых единиц облегчает процесс коммуникации и отражает тенденцию рационализации языка.

Несмотря на то, что сокращения становились объектом многих исследований, до сих пор нет однозначного определения самого термина *сокращение*, нет четкой общепринятой классификации структурных типов сокращений, требует дальнейшего изучения вопрос о лексико-семантических особенностях сокращенных единиц и специфике их функционирования в современном французском языке.

Сокращением называется как процесс образования новых единиц языка, так и его результат – конкретная языковая единица. Например, И. В. Арнольд рассматривает сокращение как «морфологическое словообразование, при котором некоторая часть звукового состава исходного слова опускается» [1, с. 187]. Мы придерживаемся точки зрения В. В. Борисова, который дает следующее определение: «Сокращение – единица устной или письменной речи, созданная из отдельных (не всех) элементов звуковой или графической оболочки некоторой развернутой формы (слова или словосочетания), с которой данная единица находится в определенной лексико-семантической связи» [2, с. 100].

Следует отметить также, что в лингвистических исследованиях наметилась тенденция использовать термин *сокращение* как синонимичный терминам *аббревиация* и *аббревиатура*, так как «ключевым понятием аббревиации является сокращение коррелята (исходной единицы – слова или словосочетания)» [3, с. 175].

Цель нашего исследования – выявление структурно-семантических особенностей сокращенных языковых единиц, репрезентирующих концепт «образование» в современном французском языке. Образование относится к универсальным и динамично развивающимся концептам. Постоянные изменения, которые происходят в сфере образования, влияют и на процесс создания новых сокращенных единиц, предопределяют тенденцию к все более активному их использованию.

С точки зрения А. Ю. Ключевской, концептуальное поле «представляет собой объемную, сложную ментальную структуру, в составе которой выделяются взаимосвязанные компоненты, вербализующие различные аспекты поля» [4, с. 179]. На основании выделенных Е. А. Алымовой тематико-когнитивных блоков лексических единиц, выражающих концепт «образование» в англоязычной культуре [5], и анализа фактического материала мы предлагаем следующую классификацию сокращений, репрезентирующих концепт «образование» и наиболее полно представленных в современном французском языке:

- организации, объединения, ассоциации, осуществляющие и/или контролирующие образовательную деятельность (*AFIRSE – Association Francophone Internationale de Recherche Scientifique en Éducation* ‘Международная ассоциация франкоязычных стран по научным исследованиям в области образования’);
- образовательные программы и направления, учебные предметы и дисциплины (*PTSI – Physique, Technologie et Sciences de l’Ingénieur* ‘Физика, технология и инженерные науки’);
- учреждения образования (*ENAC – École Nationale d’Aviation Civile* ‘Национальная школа гражданской авиации’);
- образовательный процесс (*EAF – Enseignement Approfondi du Français* ‘углубленное изучение французского языка’);
- участники образовательного процесса (*ASEM – Agent Spécialisé des Écoles Maternelles* ‘администратор детских дошкольных учебных заведений’);
- документы об образовании (*DEUG – Diplôme d’Études Universitaires Générales* ‘диплом об общем университетском образовании’).

Самую многочисленную группу составили сокращенные названия учреждений образования. Следует отметить частое использование имен собственных, как правило, топонимов – географических указателей месторасположения (*UBO – Université de Bretagne Occidentale* ‘университет Западной Бретани’); значительно реже употребляются имена основателей учебных учреждений или других известных личностей (*ESILV – École Supérieure d’Ingénierie Léonard de Vinci* ‘Высшая инженерная школа имени Леонардо да Винчи’).

На основании учета таких критериев, как структурная простота или сложность сокращенных языковых единиц и линейная протяженность их компонентов, выделяют *инициальные*, *слоговые* и *сложно-слоговые* сокращения [6, с. 72].

Нами установлено, что среди сокращений лексико-семантической системы сферы образования преобладают многокомпонентные инициальные сокращения. Как правило, они состоят из трех или четырех компонентов: *ADI – Académie de Droit International* ‘Академия международного права’; *ESCI – École Supérieure de Commerce International* ‘Высшая школа международной торговли’. Реже используются двухкомпонентные инициальные сокращения: *L.P. – Lycée Professionnel* ‘профессиональный лицей’; пятикомпонентные: *ESCOM – École Supérieure de Chimie Organique et Minérale* ‘Высшая школа органической и минеральной химии’ и шестикомпонентные: *ESTACA – École Supérieure des Techniques Aéronautiques et de Construction Automobile* ‘Высшая школа аэронавтики и автомобилестроения’.

Немногочисленны случаи использования семикомпонентных инициальных сокращений: *INFPCEA – Institut National de Formation de Professeurs Certifiés de l’Enseignement Agricole* ‘Национальный институт по подготовке преподавателей для высших сельскохозяйственных учебных заведений’. И наконец, крайне редко встречаются сокращения, состоящие из восьми компонентов: *ENSEEIHT – École Nationale Supérieure d’Électrotechnique, d’Électronique, d’Informatique, d’Hydraulique et des Télécommunications* ‘Высшая национальная школа электротехники, электроники, информатики, гидравлики и телекоммуникаций’.

Как мы видим из примеров, инициальные сокращения представлены как алфавитизмами *(L.P.),* т.е. инициальными аббревиатурами, произносящимися по алфавитным названиям букв [7, с. 6], или буквенными аббревиатурами, так и акронимами (*ADI* [adi], *ESCOM* [ɛskɔm]), т.е. сокращенными словами, образованными из начальных букв или начальных элементов слов названного словосочетания и сходными или совпадающими по своей форме (фонетической структуре) с обычным словом [8, с. 15], или звуковыми аббревиатурами. Акронимы используются чаще, чем алфавитизмы. По мнению С. М. Рзаевой, акронимы имеют эмоциональную и оценочную характеристику и тенденцию к увеличению их числа, так как в отличие от аббревиатур-алфавитизмов их легко запомнить: «сходство формы и звучания с общелитературным словом делает их более удобопроизносимыми» [9, с. 125].

Сокращенные номинации не всегда включают все компоненты коррелятов; артикли, союзы и предлоги, как правило, опускаются: *EAF – Élèves Apprenant le Français* ‘учащиеся, изучающие французский язык’; *EAMAU – École Africaine des Métiers d’Architecture et de l’Urbanisme* ‘Африканская школа архитектурных специальностей и урбанизма’. При образовании сокращенных единиц могут опускаться не только служебные части речи, но и целые слова: *ECPM – École européenne de Chimie, Polymères et Matériaux* ‘Страсбургская европейская школа химии, полимеров и материалов’.

К слоговым сокращениям, относятся «сокращения, в состав которых входит часть или части только одного слова, не меньше двухфонемного слога или последовательности слогов» [6, с. 72]. В отличие от инициальных аббревиатур, число усеченных слов незначительно. Как правило, это апокопы: *amphi – amphithéâtre* ‘аудитория, лекционный зал’, *exam – examen* ‘экзамен’, *math – mathématiques* ‘математика’, *fac – faculté* ‘факультет’, *prof – professeur* ‘преподаватель’. Они используются для описания образовательного процесса и его участников, различных реалий школьной (студенческой) жизни и чаще всего встречаются в устной речи. Следует отметить, что в таких сокращениях часть слова (или корневой морфемы), являясь носителем лексического значения, сохраняет семантическую связь с коррелятом.

В современном французском языке наблюдается тенденция использования усеченных слов в разных стилях речи. «Усеченные формы употребляются как полноправные, а не стилистически сниженные (фамильярные) варианты полных слов, что сигнализирует о наблюдающемся изменении функционально-стилевого статуса усеченных форм» [10, с. 54]. Примером может служить использование сокращения *bac – baccalauréat* ‘степень бакалавра’, ‘экзамен на степень бакалавра’, которое прочно вошло в жизнь современных французов и не воспринимается как стилистически сниженное.

Сокращенные лексические единицы образуются как средствами самого языка, так и путем заимствования сокращений из других языков. Среди заимствованных сокращенных номинаций преобладают лексические единицы, заимствованные из английского языка: например, *EF – Education First* (фр. *Éducation avant tout*) ‘Образование – прежде всего’ (глобальная инициатива в области образования); *ENSI – Environment and School Initiatives* (фр. *Initiatives environnementales et scolaires*) ‘Инициативы в области охраны окружающей среды и образования’.

В последние годы наметилась тенденция к упрощению написания и произношения сокращений: «либо из написания убираются точки, либо читать ее [аббревиатуру] начинают не как надо, а как проще» [11, с. 216]. Стремительное увеличение числа сокращенных лексических единиц и часто спорный характер их произношения и написания, особенно заимствованных сокращений, ведет к увеличению числа аббревиатур-омонимов. В качестве примера приведем следующие омонимичные аббревиатуры:

ESM – École Supérieure de la Marine ‘Высшая военно-морская школа’; *École Supérieure de Management* ‘Высшая школа менеджмента’; *École Supérieure de Métrologie* ‘Высшая школа по подготовке специалистов в области метрологии’; *École Supérieure Montsouris* ‘Высшая медицинская школа в Монсури’;

ESP – École Supérieure de Publicité ‘Высшая школа рекламы’; *École Supérieure de Psycologie* ‘Высшая школа психологии’; *École Supérieure Polytechnique* ‘Высшая политехническая школа’.

В свою очередь, омонимичность сокращений, и прежде всего инициальных, которые представляют наиболее значимую часть рассматриваемых нами сокращенных единиц, обусловливает необходимость их дифференциации, что ведет к увеличению числа сокращений смешанного типа: *инициально-слоговых*, т.е. совмещающих в себе признаки инициальных и слоговых сокращений, и *комбинированных* (буквенно-цифровых). Мы находим многочисленные примеры, подтверждающие эту тенденцию. Приведем некоторые из них.

Инициально-слоговые сокращения:

*EPITECH – **É**cole **p**our l’**i**nformatique et les nouvelles **tech**nologies* ‘Школа информатики и передовых технологий’;

*AFOGEC – **A**ssociation pour la **For**mation **Gé**nérale et **C**ontinue* ‘Ассоциация содействия развитию общего и непрерывного образования’;

*ENSCMu – **É**cole **N**ationale **S**upérieure de **C**himie de **Mu**lhouse* ‘Мюлузская высшая национальная школа по подготовке специалистов в области химии’;

*AREFORCAL – **A**ssociation **Ré**gionale de **Fo**rmation **C**ontinue en **Al**lergologie* ‘Региональная ассоциация непрерывного образования в аллергологии’;

*ESMOD – **É**cole **S**upérieure des arts et techniques de la **Mod**e* ‘Высшая школа искусств и технологий моды’;

*ENFiP – **É**cole **N**ationale des **Fi**nances **P**ubliques* ‘Национальная школа государственных финансов’.

Комбинированные сокращения:

*EN3S – **É**cole **N**ationale **S**upérieure de **S**écurité **S**ociale* ‘Национальная высшая школа социального обеспечения’;

*Ense^3 – **É**cole **N**ationale **S**upérieure de l’**É**nergie, l’**E**au et l’**E**nvironnement* ‘Национальная высшая школа энергетики, водных ресурсов и окружающей среды’;

*IN2P3 – **I**nstitut **N**ationale de **P**hysique **N**ucléaire et de **P**hysique des **P**articules* ‘Национальный институт ядерной физики и физики элементарных частиц’.

Таким образом, число сокращений, репрезентирующих концепт «образование» во французском языке, постоянно растет. Они образуют различные тематико-когнитивные блоки, однако наибольшее распространение получили сокращенные названия учреждений образования.

Преобладающими оказались инициальные сокращения, что подтверждает общую тенденцию к развитию именно данного типа аббревиации. Многокомпонентные сокращенные единицы представлены преимущественно акронимами. Наибольшее распространение получили трех- и четырехкомпонентные сокращения. Начальные буквы коротких функциональных слов, как правило, не включаются в состав сокращений, за исключением тех случаев, когда они необходимы для произношения.

Несмотря на то, что инициальные сокращения по-прежнему преобладают, наметилась тенденция к все более частому использованию сокращений смешанного типа, прежде всего инициально-слоговых и комбинированных, в названиях организаций и учреждений образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арнольд, И. В.* Лексикология современного английского языка : учеб. пособие / И. В. Арнольд. – 2-е изд., перераб. – М. : Флинта: Наука, 2012. – 376 с.
2. *Борисов, В. В.* Аббревиация и акронимия: военные и научно-технические сокращения в иностранных языках / В. В. Борисов. – М. : Воениздат, 1972. – 320 с.
3. *Сергеева, Т. С.* Аббревиатура в системе лексических сокращений / Т. С. Сергеева // Филологические науки. Вопр. теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 6 (24): в 2-х ч. – Ч. 2. – С. 174–179.
4. *Ключевская, А. Ю.* Концептуальное поле «агрессия» как объект лингвистического исследования / А. Ю. Ключевская // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. – 2011. – № 131. – С. 177–185.
5. *Алымова, Е. А.* Лингвокультурологическая модель концепта «образование» в национальном самосознании: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.19 / Е. А. Алымова. – Саратов, 2007. – 24 с.
6. *Корнева, К. Ф.* Структура и семантика аббревиатур в терминологии маркетинга и интернет-маркетинга французского языка / К. Ф. Корнева // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2015. – № 3. – С. 70–76.
7. *Шаповалова, А. П.* Опыт построения общей теории аббревиации: на материале французских сокращенных лексических единиц: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.19 / А. П. Шаповалова. – Нальчик, 2004. – 46 с.
8. *Нелюбин, Л. Л.* Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
9. *Рзаева, С. М.* Особенности функционирования неологизмов-акронимов в современном английском газетном тексте / С. М. Рзаева // Вестн. ТвГУ. Сер. Филология. – 2016. – № 4. – С. 124–129.
10. *Ибодуллаева, Г. Ж.* Особенности аббревиации во французском, английском и русском языках / Г. Ж. Ибодуллаева, Ш. З. Соатмуродова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 3. – С. 54–56.
11. *Мартемьянова, Е. В.* Сложности перевода аббревиатур и сокращений при работе с испанскими и французскими текстами / Е. В. Мартемьянова // Филологический аспект. – 2018. – № 4 (36). – С. 210–223.

The article examines both semantics and structure of the abbreviations expressing the concept of education in French. It reveals their semantic equivalence with their correlates, most abbreviations naming the educational institutions. Emphasizing the ongoing structural simplification of the abbreviations as well as their growing number, the article points out that new criteria are needed to differentiate homonymous abbreviations.

Поступила в редакцию 26.12.2018

С. С. Ключенович

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ НОМИНАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ: ВОПРОСЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СЕМАНТИКИ И ПЕРЕВОДА

В центре исследования находятся проблемы взаимодействия двух лингвокультур на уровне единиц номинации. В статье рассматриваются конструкции, связанные с назва-

нием германского государства, а также регионально-географические реалии. Исследуются возможности вскрытия и передачи при переводе этнокультурной семантики, заключенной в соответствующих номинативных единицах, интегрированных в современный немецкий дискурс.

На сегодняшний день к профессиональному переводчику предъявляются исключительно высокие требования. Он должен быть не просто специалистом с высоким уровнем владения иностранным и родным языками, работа которого сводится к механическому перекодированию знаков одной системы в знаки другой системы, т.е. к простой подстановке слов. Очень часто, если не сказать постоянно, в современной коммуникации от переводчика требуются высокий уровень общей эрудиции, фоновых знаний, касающихся описываемой ситуации, наличие страноведческой, а подчас и регионоведческой, компетенции. И в довершение сказанного необходим соответствующий инструментарий, т.е. набор вполне конкретных приемов и методов, который помогает переводчику справиться с задачей обеспечения межкультурного посредничества.

Окружающая нас действительность «отражается в сознании человека в определенных когнитивных структурах, которые, в свою очередь, реализуются и переструктурируются в языковых категориях и формах» [1, с. 69]. Источником такого понимания вещей можно по праву считать гумбольдтовский тезис о «языковом мировидении» («sprachliche Weltansicht»), сформулированный еще в начале XIX в., но сохравнивший свою актуальность и по сей день.

В ситуации языкового контакта вполне оправданно говорить о «встрече» двух лингвокультур. Надо полагать, именно поэтому исследователи указывают на «социально-культурную детерминированность словарного состава языка» [1, с. 69] и даже говорят о «культуроносной функции языка» [2, с. 10]. Проблему передачи культурно-специфичных смыслов при переводе разрабатывали также Л. К. Латышев [3], А. В. Фёдоров [4], В. С. Виноградов [5].

Сразу отметим, не всегда со всей однозначностью можно сказать, что мы имеем дело с безэквивалентной единицей лексики, обозначающей определенную реалию. Степень этнокультурной маркированности может варьироваться в довольно больших пределах в зависимости от типа языковой конструкции. Влиять на это может также и интенсивность взаимодействия двух лингвокультур, достигаемого за счет перевода, благодаря которому происходит проникновение реалии в ткань другого языка. Речевая же практика может в свою очередь способствовать тому, чтобы предложенное переводчиком соответствие заняло «полноправное» место в словарном составе языке и языковом сознании этноса.

В центре данного исследования находятся единицы номинации, связанные с названием германского государства, а также географические, в том числе региональные, реалии.

Обратимся к анализу эмпирического материла, представленного в нашей картотеке.

Первое, на что обращаешь внимание, – это название должности главы германского правительства *Bundeskanzler*, которое часто передается как *федеральный канцлер*, т.е. имеет место пословный (точнее полексемный) перевод. При этом в дискурсе белорусских СМИ мы обычно встречаем словосочетание *канцлер Германии*. Позволим себе дать оценку двум этим подходам. На наш взгляд, первый вариант страдает некоторым буквализмом в ущерб прагматической адекватности. В то время как второй вариант является своего рода показателем уровня страноведческой компетенции белорусской аудитории, что, наверное, и важно учитывать при передаче подобных номинаций, если, конечно, нашей целью является не слепое «соблюдение именно буквы оригинала», а прагматически адекватное его восприятие реципиентом.

Определенным подтверждением высказанной оценки о двух подходах может служить следующий текстовый фрагмент:

Beim Treffen von ***Bundeskanzlerin Angela Merkel mit dem griechischen Ministerpräsidenten*** *Alexis Tsipras war der Mordfall anscheinend kein Thema…* (Salzburger Nachrichten, 17.12.2016).

В представленном фрагменте речь идет о главах двух государств. Их соположение в тексте носит симметричный характер. У второго члена коллокации в позиции адъективного атрибута приводится название страны (griechisch < Griechenland ‘Греция’). Это позволяет в случае с *Bundeskanzlerin* со всей определенностью констатировать актуализацию не «поверхностно видимого» значения ‘федеральный’, а семантику «поглощенной» конструкции *Bundesrepublik Deutschland* (*Федеративная Республика Германия*). Сделанный вывод подкрепляется еще и тем фактом, что данное сообщение было сделано австрийской газетой, по сути третьей страной. Соответственно примерный перевод этого предложения можно начать так: *Во время встречи канцлера Германии с премьер-министром Греции…*

Еще одним подтверждением правильности данного подхода в плане интерпретации контекстуальной семантики производного *Bundeskanzlerin* может послужить материал из швейцарской газеты, где Ангелу Меркель называют не *Bundeskanzlerin,* а *deutsche Kanzlerin*, что соответствует в принципе и тому варианту, который предложен нами:

Die ***deutsche Kanzlerin Angela Merkel*** *und der französische Präsident François Hollande haben erklärt, das Referendum der Griechen gegen die Bedingungen eines internationalen Rettungsprogramms zu respektieren* (https:// www.tagesanzeiger.ch_ausland_europa_Entscheidend-ist-wie-ein-Grexit-ablaufen-wuerde 07.07.2015).

Рассмотрим еще один текстовый фрагмент, где уже речь идет о самом германском государстве:

Islam in der ***Bundesrepublik****: CSU fordert Deutsch-Pflicht in Moscheen* (m.faz.net, 15.07.2016).

Очевидно, что в данном контексте актуализируется не значение ‘федеративная республика’, т.е. принцип государственного устройства, а значение ‘Германия как страна’. Как видим, в оригинале используется более краткая

(усеченная) форма полного названия *Bundesrepublik Deutschland*. В переводе же более логично использовать как раз элиминированную в оригинале лексему *Deutschland* ‘Германия’.

Аналогично обстоит дело и с адвербиальным композитом *bundesweit*:

Bisher stehen die Aussichten auf ein Studium für jene Kinder gut, deren Eltern ebenfalls studiert haben. Die Wahrscheinlichkeit, dass es ein Arbeiter- und Migrantenkind an eine Hochschule schafft, ist hingegen Studien zufolge ***bundesweit*** *dreimal geringer* (GB).

Подразумеваются статистические исследования по (всей) Германии.

Несколько сложнее прослеживаются смысловые связи в приводимом ниже фрагменте:

In ***Sachsen-Anhalt*** *hat sich der Verdacht auf Vogelgrippe bestätigt. Das Ministerium hat die* ***landesweite*** *Stallpflicht angeordnet* (www.agrarheute.com, 24.11.2016).

Здесь сначала упоминается название конкретного региона ФРГ (Саксония-Ангальт). Линия когерентности текста подводит читателя к адъективному композиту *landesweit*, где, как очевидно, в первом компоненте подразумевается не страна, а федеральная земля, т.е. речь идет о распоряжении министерства регионального уровня.

Примечателен также текстовый фрагмент, где присутствует лексема *Bund* в коллокации с *Land* (*Sitzland*):

Die Deutsche Akademie der Naturforscher Leopoldina und das Wissenschaftskolleg zu Berlin werden vom ***Bund*** *und dem jeweiligen* ***Sitzland*** *finanziert* (https://www.bundesbericht-forschung-innovation.de/de/Grundfinanzierung-der-Forschungseinrichtungen-1789.html).

Учитывая тот факт, что речь в данном контексте идет об исследовательских учреждениях, точнее о вопросе их финансирования, логично предложить согласно русскоязычной речевой практике в качестве переводческого соответствия для немецкой однолексемной единицы *Bund* словосочетание *федеральный бюджет*. В самом переводе это может выглядеть, например, следующим образом:

…получают финансирование из ***федерального*** *и соответствующего земельного (регионального)* ***бюджета***.

В современном немецком дискурсе широкое распространение получили регионально-географические реалии. Так, например, в статье, опубликованной в «Зюддойче цайтунг», зафиксирован универбат *Main-Metropole,* представляющий собой лексическое иносказание по отношению к официальному названию *Frankfurt-am-Main*. Примечательно, что в этом же тексте присутствует и такой полилексемный комплекс, как *Frankfurter Rathauschefin.* Тот факт, что в Германии есть два города под названием Франкфурт, не является препятствием для правильного декодирования этого знака благодаря совместной встречаемости в рамках одного текста *Main-Metropole* и *Frankfurter Rathauschefin*, в результате чего читатель делает правильный вывод о том, что речь идет о Франкфурте-на-Майне, составные части названия которого «поделены» между двумя номинативными комплексами.

Эта интерпретация подкрепляется еще третьей конструкцией *hessische Metropole*, где за счет адъективного атрибута называется та федеральная земля (*Hessen* ‘Гессен’), где находится этот город.

В тексте, посвященном анализу проблем, связанных с переносом в 1990 г. столицы объединенной Германии из Бонна в Берлин, автору вынужденным образом приходится обращаться к ресурсам синонимии и иносказания. Этим и обусловлено, например, завершающее предложение текста:

Der Totalumzug ***an die Spree*** *könnte schleichend passieren* (Das Parlament, 14. Juni 2011).

В данном случае подразумевается окончательный переезд правительства в Берлин.

В другом тексте, повествующем о предыстории принятия парламентом ФРГ решения о переносе столицы, мы встречаем следующую фразу:

Selbstredend gab es auch gute Gründe, einen Verbleib ***am Rhein*** *zu erwägen. Allen voran die absehbar hohen Umzugskosten, die Sorge um – zumindest vorübergehende – Verwirrung bei der Organisation der Verwaltung und die befürchteten negativen Folgen für die Infrastruktur in und um Bonn* (Das Parlament, 14. Juni 2011).

Как видим, иносказательно имелся в виду вариант оставить столицу объединенной Германии в Бонне.

Иносказания могут носить также образный характер, например:

- *ein Palmyra des Nordens – Северная Пальмира* (образно о Санкт-Петербурге);
- *Elbflorenz – Флоренция на Эльбе* (поэтическое название Дрездена);
- *das Tulpenland – страна тюльпанов* (Нидерланды).

При использовании собственных имен, не входящих в «золотой ряд» страноведческого освоения белорусской аудиторией, будет целесообразным осуществлять прагматическую адаптацию (В. Н. Комиссаров) посредством введения нарицательного имени для облегчения восприятия и правильного соотнесения языкового знака с соответствующим референтом. В большей степени это касается имен-трансформов. Например:

- *hessischer Landtag – ландтаг* ***земли*** *Гессен/парламент* ***земли*** *Гессен.*

Как очевидно, в данном случае требуется ввести нарицательное имя (слово *земля*) с целью обеспечения правильного соотнесения, вероятно, малознакомого имени собственного с соответствующей тематической группой (федеральные земли Германии).

Аналогичным примером можно считать также следующий случай:

Der baden-württembergische Innenminister *Thomas Strobl (CDU) forderte neue Regeln im Umgang mit minderjährigen unbegleiteten Flüchtlingen. <…> Landesinnenminister Strobl forderte neben einem europäischen Fahndungs-auch ein europäisches Strafregister.*

В качестве перевода можно предложить такой вариант:

министр внутренних дел земли Баден-Вюртемберг.

Приводимый ниже пример близок типологически к двум предыдущим, однако он обнаруживает одну интересную особенность:

brandenburgische Landeshauptstadt Potsdam.

Здесь при переводе для прагматически адекватного восприятия необходимо не добавление еще одной лексемы, а перегруппировка лексем в рамках этого номинативного комплекса:

*столица **земли Бранденбург** Потсдам.*

Нельзя не обратить внимание на тенденцию, которую можно наблюдать сегодня в современном немецком языке, а именно широкое использование географических названий, являющихся субстантивными по своей природе, в позиции адъективного атрибута (см. подробнее [6], а также [7]), например:

rheinland-pfälzische Unternehmen.

В подобных случаях целесообразно передавать непривычные для русского языка (иноязычные) имена собственные (т.е. реалии) не в виде, например, адъективных трансформов, а в их исходной форме. В отличие от таких знакомых номинаций, как *гродненский*, *полесский*, *нарочанский*, для носителя русского/белорусского языка немецкая реалия может оказаться просто набором звуков, не поддающимся последующему воспроизведению. Исходная же форма (например, *Пфальц*) легче подлежит звуковому восприятию и ментальному освоению, что позволяет нашему соотечественнику включить ее в свой лексикон. Можно сравнить перевод:

предприятия региона Рейнланд-Пфальц.

Рассмотрим еще одну конструкцию:

*Liebe Gelsenkirchenerinnen, liebe Gelsenkirchener! – Дорогие **жители** Гельзенкирхена!* (обращение бургомистра в его колонке к горожанам).

Как видим, предложенный вариант перевода также свидетельствует о необходимости осуществить прагматическую адаптацию путем введения дополнительной лексемы.

Интересным в плане регионоведения является следующий номинативный комплекс:

das bayerische Staatsministerium der Justiz.

Буквальный (пословный перевод) в данном случае совершенно не допустим в силу того, что министерство не может быть частным, т.е. оно государственное по умолчанию. А лексема *Staat* репрезентирует статус Баварии как региона (усеченная форма от *Freistaat*).

Следовательно, в качестве перевода можно предложить:

Министерство юстиции Баварии.

Немалые трудности в плане интерпретации (и как следствие перевода) может представлять следующий пример:

*Die seit Jahren angebahnte Stromehe zwischen der Badenwerk AG, Karlsruhe, und der Energieversorgung Schwaben (EVS), Stuttgart, hat die entscheidende Hürde genommen. Im **Stuttgarter Finanzministerium** unterzeichnen die Vorstände jetzt den Fusionsvertrag. Die neue Energie-Baden-Württemberg AG mit Sitz in Karlsruhe wird der viertgrößte Stromversorger Deutschlands.*

В данном случае важно понимание того, что Германия – это федеративное государство с административным делением на соответствующие регионы (земли). А в силу федеративного устройства определенные органы власти, в данном случае – министерства, существуют не только на федеральном (национальном) уровне, но и на региональном (земельном).

Упоминание в тексте названия соответствующей земли ФРГ (*Baden-Württemberg*), а также ее столицы (здесь от переводчика уже требуется подключение его регионоведческих знаний) снимает всякие сомнения относительно того, о каком министерстве идет речь:

Министерство финансов земли Баден-Вюртемберг.

При переводе данного фрагмента с немецкого языка на русский ни в коем случае недопустимо переводить словосочетание *Stuttgarter Finanzministerium* как ‘штутгартское министерство финансов’.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

На сегодняшний день специалист, который ставит своей целью обеспечить профессиональный перевод, не может ограничиваться только языковой компетенцией, т.е. владением иностранным и родным языками. Механическая подстановка лексем одного языка вместо другого во многих случаях не обеспечит достижения адекватности перевода. В современной коммуникации от переводчика требуются высокий уровень общей эрудиции, наличие фоновых знаний, касающихся соответствующего фрагмента внеязыковой действительности, наличие страноведческой, а также регионоведческой компетенции.

Переводчику необходимы знания о самой стране, ее административном устройстве, географических реалиях, актуальных и социально значимых событиях, узуальных предпочтениях и речевых практиках этнокультурного социума. Названные компетенции помогут специалисту правильно интерпретировать семантику соответствующей единицы номинации (номинативного комплекса) и коммуникативное намерение отправителя сообщения. Так, некоторые лексические иносказания могут быть сопряжены, например, с образностью.

И только на последующем этапе возможен уже собственно перевод. Для обеспечения его адекватности во многих случаях необходимо выполнить прагматическую адаптацию исходной конструкции, которая может, например, предполагать введение дополнительной лексемы. Как правило, это будет нарицательное имя, призванное подготовить реципиента к восприятию некоторой реалии.

Регионально-географические реалии в большинстве случаев легче воспринимаются иноязычной аудиторией в исходной форме, поэтому обычно требуется возведение трансформа к его ядерной структуре, например, это может быть частеречное преобразование адъективного безэквивалента, употребленного в препозиции, т.е. его субстантивация с одновременным перемещением в постпозицию.

В некоторых случаях, как показал эмпирический материал, необходима перегруппировка лексем в составе целостного номинативного комплекса. Отчасти это связано с аналитичностью семантики немецкого композита.

Когда реалии имеют выраженный специфичный характер и поэтому не доступны в непреобразованном виде для восприятия белорусской аудиторией, целесообразно снижать уровень «инокультурности», «приподнимаясь» в тексте перевода от менее культурно-специфичной реалии к более известной.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Комиссаров, В. Н.* Современное переводоведение / В. Н. Комиссаров. – М. : ЭТС, 2002. – 424 с.
2. *Верещагин, Е. М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Рус. яз., 1990. – 246 с.
3. *Латышев, Л. К.* Технология перевода / Л. К. Латышев. – М. : НВИ-Тезаурус, 2001. – 280 с.
4. *Фёдоров, А. В.* Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы) / А. В. Фёдоров. – 5-е изд. – СПб. : филол. ф-т СПбГУ; М. : Издат. дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. – 416 с.
5. *Виноградов, В. С.* Перевод: общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : КДУ, 2004. – 240 с.
6. *Ключенович, С. С.* Перевод немецких отсубстантивных прилагательных на русский язык / С. С. Ключенович // Материалы ежегод. науч. конф. преподавателей и аспирантов ун-та, 18–19 апр. 2006 г.: в 5 ч. Ч. 5. / отв. ред. Н. П. Баранова. – Минск : МГЛУ, 2006. – С. 32–35.
7. *Ключенович, С. С.* Функционально-коммуникативный потенциал отсубстантивной адъективации в современном немецком языке / С. С. Ключенович // Вестн. Минск. гос. лингвист. ун-та. Сер. 1. Филология. – 2007. – № 2 (27). – С. 134–141.

This research focuses on the problems of interaction of two linguocultures on the level of nomination units. The article discusses constructions related to the name of the German state as well as regional-geographic realia. The nomination units considered are incorporated into modern German discourse and contain ethno-cultural semantics. Possibilities of interpretation and rendering of semantics in translation are revealed.

Поступила в редакцию 18.01.2019

Л. Н. Неборская, В. С. Олесько

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ТЕКСТОВ ДРЕВНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИХ ЗАГОВОРОВ И МОЛИТВ

Исследование выполнено на материале древневерхненемецких текстов заговоров и молитв IX–XI вв., которые относятся к суггестивным типам текстов с семантикой побуждения к действию. В статье рассматриваются такие прагматические характеристики, как перформативность и апеллятивность, реализующиеся в рамках адресантно-адресатных отношений в коммуникативной структуре исследуемых текстов. Прагматическая установка на морфологическом уровне определяет выбор доминирующих языковых средств: обращений, директивных форм (инвективов и реквестивов), дейктических единиц.

Во второй половине XX в. в немецкой германистике формируется направление – историческая прагматика, в русле которой возникают многочисленные исследования, «выявляющие историческую динамику прагматических характеристик высказываний в тексте» [1, с. 3]. Постули-

руемая историчность речевой коммуникации и ее зависимость от развития социума в каждый конкретный период предполагают использование принципов коммуникативно-прагматического анализа на материале текстов, «созданных в исторически удаленные от нас эпохи» [1, с. 21].

Основываясь на положениях о том, что всякий текст коммуникативен, можно утверждать, что он способен оказывать прагматическое воздействие на получателя информации, и, соответственно, каждый текст обладает т.н. прагматическим потенциалом. В соответствии со своим коммуникативным намерением адресант отбирает для передачи информации языковые единицы, обладающие необходимым значением, и организует их в высказывании таким образом, чтобы установить между ними необходимые смысловые связи, в результате чего объективируется возможность произвести коммуникативный эффект на адресата [2, с. 209].

Материалом для данного исследования послужили памятники немецкой письменности IX–XI вв. – древневерхненемецкие заговоры и молитвы, которые относятся к суггестивным типам текстов с семантикой побуждения к действию. При помощи заговора человек пытается воздействовать на окружающий мир, изменять его, используя слово в качестве целительной или спасительной силы. Молитва – более поздний тип текста, сформировавшийся на основе языческих заговоров в процессе возникновения и распространения христианских верований, и его предназначение – получение конкретного результата путем обращения к Господу как высшей силе. Общими признаками заговоров и молитв являются их прагматическая направленность, ориентация на получение результата, установка на изменение или сохранение исходной ситуации при помощи высших сил. К специфическим признакам относится то, что заговорный текст направлен на выражение желания, предполагающее подчиненность адресата адресанту, в то время как в тексте молитвы адресант подчинен адресату. Данная система отношений адресанта и адресата в заговорах и молитвах определяет их важнейшие прагматические характеристики. В первую очередь – это перформативность, которая понимается как тождество слова и дела и является специфической чертой заговора, так как он рассчитан «на одновременное произнесение текста и совершение магической процедуры, то есть вербальный и операциональный элементы эквивалентны» [3, с. 14]: ***Ic*** *dir nach* ***sihe****,* ***ic*** *dir nach* ***sendi*** *mit minen funf fingirin funvi undi funfzic engili* ‘**Я** тебе вслед **смотрю**, **я** тебе вслед **посылаю** моими пятью пальцами пятьдесят пять ангелов’ [3, с. 131]. Заговоры рассматриваются как «радикальный» образец перформативных текстов, так как они нацелены на изменение не только социальной, но и материальной реальности [4, S. 165].

Текст молитвы же не обладает эксплицитной перформативностью, выраженной «в прагматических координатах непосредственного общения “я–ты–здесь–сейчас”» [5, с. 277], поскольку тот, кто произносит молитву, не обладает полномочиями совершать действие, направленное на получение желаемого результата. В религиозном дискурсе перформативность возможна

только в рамках ритуально организованного взаимодействия (крещение, венчание, отпевание и т.д.), где адресат подчинен адресанту (например, священнику).

В заговорах и молитвах можно выделить два речевых акта, несущих прагматическую нагрузку – апеллятивы (обращения), обозначающие адресата коммуникативного акта, и директивы (приказы и просьбы), служащие для номинации в императиве или оптативе действий, осуществление которых эквивалентно достижению основной коммуникативной цели: *Gang ut,* ***nesso,*** *mit niun nessichlinon* ‘Выйди, **червь**, с девятью маленькими червями’. *Verstande thiz* ***pluot,*** *stand* ***pluot*** *fasto…* ‘Остановись, **кровь**, стой, **кровь**, крепко…’. *Heil sis tu* ***wnte*** ‘Заживи, **рана**!’. *Nu fluic du,* ***vihu minaz,*** *hera fridu frono in godes munt heim ui comonne gisunt* ‘Теперь лети ты, **мой скот**, сюда под покровительством Всевышнего, под защитой Господа, чтобы вернуться домой невредимым’ [3, с. 130–134]. ***Trohtin got almahtigo****, dir uuirdo ich suntigo pigihtic unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti dir gotes euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati ... Ich giho dir,* ***trohtin****, daz ich minemo lichnamin nura intliez dan ich scolte. Ich giho tir,* ***trohtin****, daz ich unmahtigero unti dero, de in charcharo unte in andren notin uuaron, nigiunisota noh so nigehalf so ich scolta unti so ich mahta. Ich giho dir,* ***trohtin****, daz ich hungrenta nigilabota noh turstiga nigitrancta noh nackota nigiunatta* ‘**Господь Всемогущий**, я исповедую тебе, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед тобой, священник Господний, все мои грехи и все свои плохие поступки … . Я исповедую Тебе, **Господи**, что я бессильный перед тобой, Ты был в тюрьме в нужде, и не держал зла, так и я должен. Я исповедую Тебе, **Всемогущий**, что я в голоде не ел, что в жажде не пил, будучи нагим, не имел одежды себе’ [6, S. 232].

Обращения, выполняющие функцию маркеров апеллятивности, включены вместе с конструкциями с семантикой прямого и косвенного побуждения (оптативные и императивные конструкции) в структуру реализации основной интенции древневерхненемецких заговоров и молитв – выражение волеизъявления адресанта или побуждение адресата к действию [7, с. 749]. Исследователь Е. В. Комлева отмечает особую, конституирующую роль обращения, которое является связующим элементом текста. Помимо этого, «обозначая конкретного адресата, адресант разворачивает коммуникативную стратегию с ориентацией именно на данного адресата» [8]. С помощью данных прагматических маркеров говорящий и слушающий регулируют коммуникативный процесс. Комбинации конструкций с обращением и глаголом в императиве или оптативе, образуя семантическое ядро прагматической структуры данных типов текстов, выполняют функцию установления контакта с адресатом, одновременно реализуя волеизъявления (в заговорах) и желания (в молитвах) адресанта с целью побуждения адресата к совершению действия.

Следует отметить, что в заговорах апеллятивы более разнообразны по своей структуре и семантике. Это объясняется тем, что заговоры характеризуются политеистичностью в выборе адресата. В качестве апеллятивов

в текстах заговоров могут выступать не только Господь и его святые, но и болезни, животные, злые духи и все то, что непосредственно окружает человека в его повседневной жизни и что включается в прагматическую ситуацию заговора. Молитвы же, напротив, монотеистичны, т.е. в центре всего происходящего стоит только Господь, его сила и могущество.

В текстах молитв исповедального типа обращение может примыкать к структуре «местоимение 1 лица ед. числа + глагол *gihan* ‘исповедовать’» без эксплицитной маркированности побуждения к действию: ***Trohtin got almahtigo**, dir **uuirdo** ich suntigo **pigihti**c unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti dir gotes euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati, de ich eo missiteta odo missidahta odo missisprah vona minero toupha unzi in desin hutigun tach, dero ich gihukko odo nigehukko* ‘**Господь Всемогущий**, я **исповедую** тебе, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед тобой, священник Господний, все мои грехи и все мои плохие поступки, которые я совершил, что неправильно думал, неправильно сказал от своего крещения и до сегодняшнего дня, которые я вспомнил и не вспомнил…’ [6, S. 232].

Для молитв-исповедей характерна имплицитность выражения как просьбы или желания, так и непрямое обращение: ***Ich gihun gode almahtigen** unde allen godes engilon unde allen godes heiligon unde dir godes boden allero minero sundino, unde uuili dero bigihtig uuerdan, suo so ich se giuremidi, so uuaz so ich unrehdes gisahi ode unrehdes gehancdi…* ‘**Я исповедую Господу Всемогущему** перед всеми ангелами его, перед всеми святыми Господа, перед тобой, Божья Земля, все мои грехи, как я вижу, что я неправильно сказал, что согрешил неверным словом, плохим поступком…’ [6, S. 275].

Директивные речевые акты в исследуемых текстах представляют собой разный характер побуждения. Так, например, в заговорах побуждение основано на «приоритете говорящего» – это т.н. инъюнктивы. В молитвах же побуждения выражены в смягченной форме и базируются на выгоде, пользе от будущего действия, что зависит от того, к кому обращена молитва – т.н. реквестивы [5, с. 309–310].

Одним из средств реализации прагматического потенциала текстов древневерхненемецких заговоров и молитв являются единицы дейксиса, который традиционно понимается как соотнесение высказывания с пространственно-временными координатами акта высказывания [9]. Дейксис включает указание на компоненты речевого акта: участников речевого акта, предмет речи, временную и пространственную локализацию сообщаемого факта [10, с. 6]. Это своего рода координаты, которые могут быть выражены посредством лексических, морфологических и синтаксических средств и которые обеспечивают пространственно-временную прагматику дискурса. Различаются три основных вида дейксиса: персональный, пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, − это местоимения 1-го и 2-го лица («я–ты»), локативные («здесь–там») и временные («сейчас–тогда») выражения [11, с. 244–249].

Заговоры и молитвы содержат маркеры категории персонального дейксиса, т.к. соотнесенность с системой отношений «я–ты» в данных типах текста определяется антропоцентрическим характером их двухсторонней структуры. Местоимения 1-го и 2-го лица представляют, таким образом, адресанта и адресата коммуникативного акта, а также описывают характер связи межу ними.

В текстах заговоров отношения в системе координат «я–ты» предполагают подчиненность «ты» волеизъявлению «я», в роли последнего выступает и исполнитель, и заказчик заклинания. Сфера «ты» в заговорных текстах – это обращение к сверхъестественным силам, болезням, предметам, животным, Богу или его посредникам (святым или ангелам). В текстах молитв «я» подчинено «ты», в роли последнего выступает Господь, который решает, выполнять просьбу или нет.

Анализ текстов заговоров и молитв выявляет следующие способы выражения данной оппозиции в текстах древневерхненемецких заговоров: 1) оппозиция *ic* (адресант – исполнитель заклинания) – *dir* (адресат – заказчик): ***Ic dir*** *nach sihe,* ***ic dir*** *nach sendi* ‘**Я тебе** вслед смотрю, **я тебе** вслед посылаю’; 2) оппозиция *ic* (адресант – исполнитель и заказчик заклинания) – *dir/dich* (адресат): ***Ich*** *besuere* ***dich*** *bi ten heiligen fuf wnten* ‘**Я** заклинаю **тебя** пятью святыми ранами’; 3) *du* (адресат): *Also verstand* ***du,*** *bluotrinna, durh des heiligen Christes minna: du verstant an der note, also der Jordan tate, duo der guote sancte Johannes den heiligen Christ toufta* ‘Так же остановись и **ты**, кровотечение, ради любви святого Христа: ты остановись по необходимости, как сделал Иордан, когда добрый святой Иоанн крестил святого Христа’; 4) *du* (адресант – заказчик заклинания): *Nu ziuh ez da bi fiere,* ***tu*** *rune imo in daz ora* ‘**Ты** теперь потяни его сюда в сторону, шепни ему на ухо’ [3, с. 131–135].

Система отношений в структуре персонального дейксиса в текстах молитвы является однонаправленной и здесь можно выделить оппозицию: *ich* (адресант) – *dir* (адресат): ***Trohtin got almahtigo, dir*** *uuirdo* ***ich*** *suntigo pigihtic unti sancta Mariun unti allen gotes engilun unti allen gotes heiligun unti* ***dir gotes*** *euuarte allero minero suntono unti allero minero missitati* ‘**Господь Всемогущий**, **я** исповедую **тебе**, осознавая все свои грехи, перед Святой Марией, перед всеми святыми Твоими, перед всеми ангелами, перед **тобой, священник Господний**, все мои грехи и все мои плохие поступки…’ [6, S. 232].

Особую роль при выражении различных комбинаций дейктической оппозиции играют указательные местоимения, которые разграничивают происходящие действия при прочтении молитвы или заговора на два плана: на все то, что находится перед глазами говорящего при осуществлении магических, священных действий в момент прочтения молитвы или в момент заговаривания; и на другую реальность, которая по какой-то причине отдалена в момент священных действий от реальности и окружения говорящего. Так, например, в текстах заговоров указательные местоимения употребляются в эпической части, когда проводятся параллели с фрагментами из жизни Христа, с чудесами, которые он творил при жизни: *Visc flot aftar themo*

uuatare, Verbrustun sina vetherun: Tho gihelida ina use druhtin. The selve druhtin, thie thena visc gihelda, ***Thie*** *gihele* ***that*** *hers* ***theru*** *spurihelti* ‘Рыба плавала по воде, у нее лопнули плавники: Тогда вылечил ее наш Господь. Тот самый Господь, который вылечил ту рыбу, Пусть **тот** излечит тогда коня от **того** паралича’ [3, с. 136].

Дейктическим маркерами прагматической структуры исследуемых текстов являются также обстоятельства времени и места, которые актуализируют сообщение. По мнению Ю. Д. Апресяна, «фигура говорящего организует семантическое пространство высказывания и систему дейктических слов языка. С одной стороны, фигура говорящего является тем ориентиром, относительно которого в акте коммуникации ведется отсчет времени и пространства. С другой стороны, ссылка на фигуру говорящего образует ядро толкования двух основных пространственных и временных дейктических слов естественных языков – здесь и сейчас, а через них – и всех остальных» [12, с. 274–275].

Обстоятельства места наиболее точно описывают происходящие действия, уточняют его, раскрывают события, факты, проводят параллели с сюжетами из Библии. В исследуемых текстах заговоров и молитв дейктическими маркерами места являются обстоятельства, выраженные наречиями *hera* ‘сюда’, *heim* ‘домой’ и именами существительными в косвенных падежах с предлогом: *zi holza* ‘к лесу’, *in deo adra* ‘в жилы’, *in daz fleisk*, ‘в плоть’, *in daz fel* ‘в кожу’, *in tiz tulli* ‘на отросток копыта’, *in berke* ‘на горе’, *in demo Jordane* ‘в Иордане’, *ce Betlehem* ‘в Вифлееме’: *Der heiligo Christ wart gaboren* ***ce Betlehem****, dannen quam er widere* ***ze Jerusalem****. Da ward er getoufet vone Johanne* ***in demo Jordane****.* ‘Святой Христос родился **в Вифлееме**, оттуда он направился **в Иерусалим**. Тогда он был крещен Иоанном **в Иордане**’ [3, с. 133].

В оппозиции «тогда–сейчас» первый компонент «отсылает к прецеденту и тем самым притягивает прошлое к настоящему и создает впечатление непрерывности во времени» [3, с. 32], а второй – фиксирует положение в момент произнесения заклинания или молитвы: *Christ uuart gaboren er uuolf ode deiob.* ***Do*** *uuas sancte Marti Christas hirti. Der heiligo Christ unta sancte Marti Der gauuerdo uualten* ***Hiuta*** *dero hunto, dero zohono, daz in uuolf noh uulpa za scedin uuerdan ne megi, se uuara se geloufan uualdes ode uueges ode heido. Der heiligo Christ unta sancte Marti De fruma mir sa* ***huito*** *alla hera heim gasunta* ‘Христос родился раньше волка или вора. **Тогда** святой Мартин был пастырем Христа. Святой Христос и святой Мартин, соблаговолите управлять **сегодня** кобелями и суками, чтобы им ни волк, ни волчица не смогли бы навредить, куда бы они ни убежали: в лес или на дорогу, или в поле. Святой Христос и святой Мартин, да направьте вы мне **сегодня** всех сюда домой здоровыми’ [3, с. 129–130].

Достаточно частотное употребление дейктических маркеров пространственно-временной оппозиции в текстах заговоров создает «немедленность» или «сиюминутность» ситуации, что актуализирует прагматическую направленность на исполнение желаний в момент произнесения заговора.

В текстах древневерхненемецких молитв актуализируется оппозиция «сейчас и тогда» – «сейчас я каюсь в том, что совершил или не совершил тогда», что реализуется противопоставлением временных форм презенса или описательной конструкции «*werdan* + причастие настоящего времени и претерита». *Ih* ***uuirdu*** *gote almahtigen* ***bigihtig*** *enti allen gotes heilagon enti thir gotes manne allero minero suntono, unrehtero githanco, unrehtero uuorto, unrehtero uuerco, thes in unrehtes gisahi, unrehtes gihorti* ‘Я **исповедую** покорно Господу Всемогущему перед всеми Его святыми все свои грехи, неверные поступки, плохие слова, плохие дела, все, что я неправильно сказал, неправильно услышал’ [6, S. 136].

Сопоставительный анализ древневерхненемецких суггестивных текстов с семантикой побуждения к действию позволяет выявить некоторые общие и специфические особенности реализации прагматической установки на достижение желаемого результата на морфологическом уровне. Так, например, прагматические интенции заговора и молитвы реализуют обращения, императивные и оптативные конструкции. Дейктические единицы в тексте заговора устанавливают перформативную связь между текстом и ритуалом, что предполагает неизбежность наступления ожидаемого результата. Дейксис же молитвы не актуализирует результат, так как он зависит не от адресанта, а от адресата, повлиять на действия которого адресант не в состоянии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки по исторической прагматике германских языков : сб. науч. ст. / Санкт-Петерб. гос. ун-т ; редкол. : Г. А. Баева (отв. ред.) [и др.]. – СПб. : Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2012. – 272 с.
2. *Комиссаров, В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты) : учеб. для ин-тов и ф-тов иностр. яз. / В. Н. Комиссаров. – М. : Альянс, 2013. – 253 с.
3. *Топорова, Т. В.* Язык и стиль древнегерманских заговоров / Т. В. Топорова. – М. : Эдиториал УРСС, 1996. – 216 с.
4. *Haeseli Christa, M.* Magische Performativität. Althochdeutsche Zaubersprüche in ihrem Überlieferungskontext / Christa M. Haeseli. – Würzburg : Verl. Königshausen & Neumann GmbH, 2011. – 255 S.
5. *Формановская, Н. И.* Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М. : Изд-во «ИКАР», 2007. – 480 с.
6. *Köbler, G.* Sammlung kleiner althochdeutscher Sprachdenkmäler / G. Köbler. – Giessen : GmbH, 1986. – 597 S.
7. *Комлева, Е. В.* Лингвистические маркеры апеллятивности в тексте (на примере современного немецкого языка) / Е. В. Комлева // Вестн. ОГУ. – 2009. – № 3 (5). – С. 746–755.
8. *Комлева, Е. В.* Апеллятивность в языке и речи / Е. В. Комлева // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина [Электронный ресурс]. – 2008. – № 5 (19). – Режим доступа : https://cyberleninka.ru/article/v/apellyativnost-v-yazyke-i-rechi-na-materiale-sovremennogo-nemetskogo-yazyka. – Дата доступа : 29.01.2019.

9. *Ярцева, В. Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / В. Н. Ярцева [Электронный ресурс] – 1990. – Режим доступа : http://tapemark.narod.ru/les/. – Дата доступа : 21.04.2018.
10. *Вольф, Е. М.* Грамматика и семантика местоимений / Е. М. Вольф. – М. : Наука, 1974. – 224 с.
11. *Падучева, Е. В.* Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива / Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 1996. – 480 с.
12. *Апресян, Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира / Ю. Д. Апресян // Семиотика и информатика [Электронный ресурс]. – 1986. − № 28. – Режим доступа : http://lpcs.math.msu.su/~uspensky/journals/siio/35/35_12APRES.pdf. – Дата доступа : 29.01.2019.

The study was carried out on the material of Old High German incantations and prayer texts of the 9–11th centuries, which belong to the suggestive type of text with imperative semantics. The article discusses such pragmatic characteristics as performativity and appellativity, implemented in the framework of addresser-addressee communication of the analyzed texts. The pragmatics of the incantations and prayers determines the choice of the dominant language means: vocatives, directives (invectives and speech acts of request), deictic units. The analysis revealed general and specific means of implementation of pragmatic potential on morphological level in connection with the structure and semantics of the units of analysis.

Поступила в редакцию 30.01.2019

Л. В. Солонович

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКИХ ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ВКУСОВОЕ ВОСПРИЯТИЕ

В статье рассматриваются структурно-семантические особенности немецких глаголов, обозначающих вкусовое восприятие. На основе анализа выявлены основные семантические компоненты базовых глаголов вкусового восприятия, их словообразовательный потенциал и дифференциальные признаки глагольных дериватов. Установлены смысловые сферы, репрезентируемые глаголами вкусового восприятия, включающими указание на количественные и качественные аспекты перцептивного действия, на изучение вкусовых свойств пищи и напитков, получение удовольствия от процесса восприятия.

Восприятие представляет собой сложный когнитивный феномен, который является объектом изучения различных дисциплин. В философии восприятие трактуется как «возникающая в когнитивной системе живых существ непрерывная последовательность внутренних образных репрезентаций, воспроизводящих сенсорно распознаваемые объекты, события, состояния и т.п.» [1]. В психологии восприятие связывается с апперцепцией, то есть зависимостью восприятия от «прошлого опыта, от общего содержания психической деятельности человека и его индивидуальных особенностей» [2]. Как следует из дефиниций, восприятие характеризуется субъективностью в силу его взаимосвязи с прошлым опытом и внутренними репрезен-

тациями воспринимаемых объектов, подразумевающими различия в процессе и результате отражения окружающего мира. Образность перцепции особенно ярко выражена в восприятии пространства посредством образного отражения таких пространственных характеристик внешнего мира, как величина и форма предметов, их взаимное расположение.

В психомоторике выделяется преднамеренное и непреднамеренное восприятие, что находит отражение и в языковой системе, а именно в наличии в семантической структуре перцептивных глаголов сем целенаправленности/произвольности и нецеленаправленности/ непроизвольности. Лингвистические исследования перцептивных категорий направлены на изучение семантики восприятия на разных языковых уровнях (Л. М. Васильев, И. Г. Рузин, Е. В. Урысон), национально-культурные особенности концептуализации (Т. М. Матвеева).

Выделение перцептивных глаголов в отдельный семантический класс сопряжено с некоторыми трудностями, так как перцептивным компонентом могут обладать глаголы самых разных классов: глаголы эмиссии света, запаха звука, предполагающие наблюдателя (*мелькать*, *звучать*, *вонять*); каузативные глаголы (*выделить*, *заслонить*, *отметить*) и их декаузативы (*выделиться*, *открыться*); глаголы, описывающие идентификацию, которая требует участия органов чувств (*опознать*, *отличить*), а также глаголы, включающие перцептивный компонент, но обозначающие вполне специфическое действие или деятельность, для которых главное – цель, а не участие восприятия в ее достижении (*досмотреть* [= ‘произвести досмотр’], *искать*), и их декаузативы и другие *ся*-дериваты (*регистрироваться*, *выискаться*) [3, с. 198–199]. Категориально-диатетическая парадигма восприятия, кроме основных перцептивных глаголов, включает две производные [3, с. 202–203]. Эти производные могут иметь значение инертного состояния (термин из Leech, 1975) (например, англ. глагол *see*) и значение действия (*look*), значение пассивного состояния (диатеза с Экспериентом за кадром, например: *у тебя усталый вид*). В отношении глаголов вкусового восприятия в английском языке все типы производны от одного глагола *taste* (*I tasted – I was tasting – It tastes well*), а в русском языке возможность однословной вербализации имеется только в категории действия (*я пробую*). Инертное состояние выражено при помощи гиперонима ощущать что-либо на вкус, диатеза с наблюдателем представлена конструкцией «что-либо имеет вкус».

Ю. Д. Апресян рассматривает систему восприятия человека с целью «продемонстрировать внутреннюю связь между тем или иным способом концептуализации действительности и лексикографическим типом» [4, с. 356]. Ученый выделяет три «серии» глаголов восприятия, где первую серию составляют те, в которых субъект восприятия может заполнять первую семантическую валентность (*мы видели полоску берега*). Другую образуют конверсные им глаголы, где первая семантическая валентность заполняется именем воспринимаемого объекта, а вторая – именем субъекта восприятия (*нам была видна полоска берега*). Третью серию образуют глаголы, в которых субъект наряду с пассивным восприятием какого-то объекта активно

использует соответствующий орган восприятия с целью получения нужной информации о мире (глаголы типа *смотреть*). В рамках данного подхода вкусовое восприятие в русском языке представлено глаголами *ощущать вкус – быть на вкус – пробовать* [4, с. 357–358].

Таким образом, подходы к изучению перцептивных глаголов и глаголов вкусового восприятия в частности характеризуются схожестью. Для ситуации вкусового восприятия характерна трехчленная структура, включающая субъект восприятия, перцептивное действие (состояние), объект восприятия. Субъект восприятия может занимать позицию подлежащего либо оставаться «за кадром». В случае, если субъект восприятия занимает позицию подлежащего, он может находиться в «инертном состоянии», т.е. просто воспринимать действительность, а может совершать активные действия для познания мира.

Анализ литературы по проблемам вербализации и описания восприятия показал, что большинство исследований направлено на изучение зрительного и слухового восприятия как двух доминирующих перцептивных процессов в силу относительно небольшой представленности в языке, а также менее значимой ролью вкусового восприятия по отношению к другим сенсорным системам. «В языке подобное суждение подтверждается тем, что вкусовое восприятие не всегда имеет собственную номенклатуру обозначений, например, здесь отсутствуют предикатные лексемы с презумпцией восприятия вкуса, и вкусовые ощущения, как правило, описываются через глаголы-гиперонимы (*чувствовать*, *ощущать вкус*)» [5]. В физиологическом отношении информация, передаваемая вкусовыми рецепторами, является существенной, однако она лишь в незначительной степени характеризует объект восприятия.

Согласно данным экспериментального синтаксического словаря, в котором имеется лексикографическая интерпретация взаимодействия лексики и синтаксиса, глагол *пробовать*, являющийся переводным соответствием немецкого глагола *schmecken*, не относится к предложениям, отображающим ситуацию восприятия (в отличие от глагола *смотреть*), а рисует ситуацию физиологического воздействия. Типовая семантика представлена как «человек или живое существо совершает физиологические действия, необходимые для нормального функционирования организма, обеспечения его жизнедеятельности или как реакцию на что-либо» [6]. Базовая модель предусматривает наличие субъекта, предиката физиологического действия и объекта проверки. В совмещенных моделях выделяется та, которая включает субъект, предикат физиологического действия и становления внутренних качеств человека, объект [Там же]. Как следует из дефиниций, ‘пробование’ еды рассматривается в качестве физиологического действия, при этом наличие вкуса не определяется как восприятие.

Тем не менее, восприятие вкуса представляется значимым познавательным процессом в силу его взаимосвязи с осмыслением экстралингвистической действительности и лингвокогнитивной категоризацией.

Вкусовое восприятие как одна из пяти сенсорных систем человека представляет собой психофизический процесс и является наряду с осязанием контактным видом восприятия, т.е. в отличие от зрительного, слухового и обонятельного восприятия подразумевает контакт рецепторов с воспринимаемым объектом. Вкусовое восприятие соединяет в себе лингвистические и экстралингвистические знания и обнаруживает функциональную связь с другими подсистемами восприятия. Важную роль при этом играет и зрительное восприятие, поскольку вид пищи способствует ощущению вкуса. Ученые отмечают также зависимость восприятия вкуса от обоняния, что выражается в языковой системе посредством метафорического переноса из вкусового в обонятельное восприятие. Об этом свидетельствует также наличие у глагола *schmecken* ‘пробовать пищу на вкус’ значения *riechen* ‘нюхать’.

В немецком языке проводились единичные исследования вкусового восприятия [7], в результате которых было выделено три синонимических ряда: «лакомиться/наслаждаться пищей/напитками», «пробовать пищу/дегустировать», «быть вкусным/быть по вкусу кому-либо». Наряду с указанными тремя синонимическими рядами выделяется объемный ряд немецкой глагольной лексики, в семантике которой сема ‘вкусовое восприятие’ является не главной, а сопутствующей. К словам подобного рода относятся немецкие глаголы типа *essen* ‘есть, кушать’, *speisen* ‘есть, кушать’, *sich ernähren* ‘питаться’ и др.

Целью данной статьи является выявление возможностей обозначения вкусового восприятия посредством немецких глаголов, отобранных из словаря Duden [8] методом сплошной выборки, а также установление особенностей их семантики и словообразовательного потенциала.

В рамках предпринятого анализа глагол рассматривается как лексема, обозначающая вкусовое восприятие, если в семной структуре анализируемого глагола имеются семы ‘потребление еды/напитка’ и ‘наличие (приятного) вкуса’, при этом подчеркивается либо наличие какого-либо вкуса, либо наслаждение, получаемое от потребления пищи/напитка. Данный подход обусловлен наличием указанных сем у всех базовых глаголов, репрезентирующих перцептивную категорию вкуса.

Основным глаголом в анализируемой лексико-семантической группе является глагол *schmecken* ‘пробовать на вкус, быть на вкус’. Данный глагол может быть актантным и обозначать действие (‘установить/узнать вкус’). Действие является более частотным семантическим компонентом в сравнении с состоянием и вербализуется наряду с глаголом *schmecken* такими глаголами, как *abschmecken*, *beschmecken*, *kosten*, *verkosten*, *vorkosten*, *probieren*, *versuchen*, *gustieren*, *degustieren*. Непроизводные глаголы *kosten*, *probieren*, *versuchen*, *gustieren*, *degustieren* согласно словарным дефинициям являются синонимичными, так как выявляют в семантической структуре сему ‘установить вкус, пробовать’. Дифференциальным признаком у глаголов *gustieren*, *degustieren* выступает коннотативная сема, характеризующая региональное употребление лексемы (австрийский и швейцарский варианты соответственно). «Инертное состояние», не подразумевающее активных

действий субъекта, представлено производными словами базового глагола *schmecken*, например, *herausschmecken*, *anschmecken*. Субъект восприятия может подразумеваться имплицитно и оставаться «за кадром», при этом один глагол в разных значениях может выявлять оба семантических компонента. Для действия характерна направленность, а для состояния – результативность. Данный факт подтверждается исследованиями перцептивных глаголов в западноевропейских языках [9, с. 70].

Дифференциальной семой многих лексем, входящих в исследуемую группу, является стремление получить удовольствие от еды, насладиться приятным/хорошим/сладким вкусом, которое также подразумевает активное действие субъекта восприятия: *naschen* «Süßigkeiten o. Ä. [Stück für Stück] genießerisch verzehren»; *schlecken* «2. (besonders norddeutsch) naschen, Süßigkeiten essen»; *leckern* (umgangsprachlich) «1. Süßigkeiten essen» и др. Следует отметить, что семантика глаголов вкусового восприятия обозначает только сладкий либо приятный вкус объекта восприятия, в то время как неприятные вкусовые ощущения не вербализуются посредством глаголов. Они представлены в языковой системе иными средствами, например, дополнениями либо полусвободными словосочетаниями: *das Essen schmeckt angebrannt*. Как следует из примеров, для глаголов вкусового восприятия характерно наличие оценки. При этом во многих случаях она выражена эксплицитно, что подтверждают словарные дефиниции: «eine angenehme Empfindung im Mund hervorrufen; für jemanden einen guten Geschmack haben; vergnügt und mit Genuss essen». Маркерами положительной оценки зачастую выступают дополнения *gut*, *herrlich*, *hervorragend*, *Frisch*, а негативная оценка выражается при помощи лексем *scheußlich*, *nicht gut*, *schlecht*, *grauenhaft* и др.

Словообразовательные средства позволяют дифференцировать значение глагола. Префиксы, характерные для базовых глаголов вкусового восприятия, представлены в таблице.

Префиксальные глагольные дериваты
базовых глаголов вкусового восприятия

Глаголы	Префиксы									
	ab-	an-	aus-	be-	durch-	herein-	heraus-	nach-	ver-	vor-
schmecken	+	+	-	+	+	+	+	+	+	+
kosten	-	-	+	-	+	-	-	-	+	+
probieren	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-
schmausen	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-

Рассмотрим основные значения, свойственные дериватам базовых глаголов вкусового восприятия. Глаголы *abschmecken* и *anschmecken* имеют сходства с семантической структурой глагола *schmecken*: первый глагол передает значение однократности действия с целью дополнить вкус пищи

специями, а второй указывает на наличие постороннего вкуса у продукта. Глаголы *anprobieren* ‘примерять’, *auskosten* ‘испытать’, *ausprobieren* ‘испытать, пробовать’, *hereinschmecken* ‘ознакомиться’ являются производными от базовых глаголов вкусового восприятия, однако не выявляют семантической взаимосвязи с ним. Глаголы *beschmecken* и *verschmecken* представляют собой устаревшие эквиваленты лексемы *kosten* ‘пробовать’, глагол *verkosten* является региональным австрийским вариантом, а также может относиться к специализированной лексике. Дериваты *durchkosten* и *durchprobieren* обозначают повторение действия, при этом слово *durchprobieren* выявляет широкие возможности сочетаемости не только с существительными, репрезентирующими вкусовое восприятие. Глаголы *vorschmecken* и *vorkosten* имеют разные значения, хотя и образованы при помощи одинакового префикса. Слово *vorkosten* маркирует предварительность действия, а *vorschmecken* выступает в значении, синонимичном глаголам *herausschmecken* и *durchschmecken*, обозначая выраженность какого-либо вкуса. Послевкусие обозначается посредством глагола *nachschmecken*.

Остальные глаголы исследуемой группы не обладают деривационным потенциалом в силу наличия неотделяемых префиксов у смыслового глагола (например, *versuchen* ‘пробовать’), а образование новых слов посредством аффиксации не было выявлено в процессе анализа.

Как отмечалось выше, глаголы вкусового восприятия имеют в своей структуре коннотативные семы, которые могут относиться к различным функциональным стилям. Так, помету *gehoben* (высок.) имеют глаголы *nachschmecken, vorkosten* и *kosten*. Лексема *verkosten* выявляет отнесенность к терминологическим лексическим единицам и в словаре обладает пометой *Fachsprache* (спец.). Некоторые лексико-семантические варианты обладают прагматическими (термин В. И. Шаховского) характеристиками и относятся к австрийским, швейцарским, южно-немецким региональным вариантам. Стоит отметить, что, в отличие от лексем, репрезентирующих зрительное восприятие в том числе северо-немецкими эквивалентами, глаголы вкусового восприятия не обладают указанными вариантами.

Таким образом, глаголы вкусового восприятия в немецком языке характеризуются незначительной глагольной репрезентативностью. Номинативная дробность глаголов представлена несколькими смысловыми сферами, что свидетельствует об обобщенности явлений и процессов при номинации. Тем не менее словообразовательная активность базовых глаголов вкусовой перцепции позволяет дифференцировать оттенки и процессы вкусового восприятия и обозначать перцептивные действия, связанные с указанием количественных и качественных аспектов действия, изучением вкусовых свойств пищи и напитков, получением удовольствия от процесса восприятия. Коннотативные семы глаголов вкусового восприятия характеризуются разнообразием и представлены широким спектром стилистических помет (*высок.*, *разг.*, *диалектн.*, *шутл.*, *устар.*).

ЛИТЕРАТУРА

1. Философский энциклопедический словарь / Л. Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
2. Краткий психологический словарь / Л. А. Карпенко [и др.]. – 2-е изд. расш., испр., доп. – Ростов н/Д : ФЕНИКС, 1998. – 512 с.
3. *Падучева, Е. В.* Динамические модели в семантике лексики / Е. В. Падучева. – М. : Яз. слав. культуры, 2004. – 608 с.
4. *Апресян, Ю. Д.* Избранные труды. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Яз. рус. культуры», 1995. – Т. II. – 767 с.
5. *Макарова, О. В*. Лингвокогнитивный аспект высказываний, репрезентирующих фрейм вкуса в современном русском языке: дис. … канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Макарова. – Барнаул, 2007. – 212 л.
6. *Бабенко, Л. Г.* Русские глагольные предложения. Экспериментальный синтаксический словарь / Л. Г. Бабенко. – М. : Флинта; Наука, 2002. – 462 с.
7. *Хантимиров, С. М.* Значение немецких глаголов, обозначающих вкусовое восприятие / С. М. Хантимиров // Филол. науки. Вопросы теории и практики [Электронный ресурс]. – 2017. – № 12(78), ч. 4. – Режим доступа : www.gramota.net/materials/2/2017/12-4/46.html. – Дата доступа : 12.01.2019.
8. Duden – Deutsches Universalwörterbuch. – 8., überarb. u. erw. Aufl. – Berlin : Dudenverlag, 2015. – 1248 S.
9. *Моисеева, С. А.* Семантическое поле глаголов восприятия в западнороманских языках / С. А. Моисеева. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. – 248 с.

The article deals with the structural and semantic characteristics of the verbs denoting taste perception. The main semantic components of the basic verbs denoting taste perception, their derivational potential, the differential features of the verbal derivatives are revealed. They represent the quantitative and qualitative aspects of perceptual action, pleasure from the process of perception.

Поступила в редакцию 10.04.2019

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

А. А. Биюмена

ДОМИНАНТЫ МЕСТНОЙ ПРЕССЫ В БЕЛАРУСИ

Статья посвящена рассмотрению структуры, функций и характерных особенностей местной прессы в Республике Беларусь. Автор выделяет четыре уровня белорусских местных газет и журналов: областные, районные, городские и корпоративные. Исследуются характерные для каждого уровня тематические доминанты и некоторые языковые особенности. Делается вывод, что современное местное медиапространство в Беларуси характеризуют ориентация на читательскую аудиторию, вкусы читателей и их семиотический опыт.

Существует множество классификаций прессы, исходя из самых разных признаков: по целевому назначению, тематической направленности и т.д. Среди наиболее значимых оснований классификации периодических изданий Е. А. Корнилов называет также взаимоотношения с читателем. Здесь учитываются такие параметры, как возраст и социальный статус адресатов, а также объем аудитории, охватываемой тем или иным изданием [1, с. 20]. Принимая во внимание последний классификационный признак, прессу можно разделить на центральную и местную.

Местная пресса отличается от центральной тем, что удовлетворяет информационные запросы читателей, связанные с микросредой. Местные журналисты стараются учитывать интересы различных групп своей аудитории, раскрывать интересующие ее темы, говорить на понятном ей языке.

Из выпускающихся в Беларуси периодических изданий, по нашему мнению, к местным можно отнести *областные*, *районные*, *городские* и *корпоративные* газеты и журналы. Как указано в каталоге «Друк Беларусі», издаваемом Национальной книжной палатой Республики Беларусь, в 2016 году в стране издавалось 549 газет, из них – 155 республиканских, 47 – областных, 122 – городских, 119 – районных и 106 – т.н. низовых [2].

В каждой области Беларуси выпускаются областные газеты: «Регион», «Рэгіянальная газета», «Прысталічча» (Минская область); «Брестская газета», «Брестский калейдоскоп» (Брестская область); «Витебские вести», «Витьбичи» (Витебская область); «Гродзенская праўда», «Перспектива» (Гродненская область); «Новый вечерний Гомель», «Гомельская праўда» (Гомельская область); «Вечерний Могилев», «Узгорак» (Могилевская область) и другие. Большинство областных изданий освещают широкий круг общественно-политических, экономических, культурных, образовательных и других вопросов.

Районные газеты также издаются во всех регионах страны. Материалы данных изданий преимущественно отражают жизнь района, описывают

локальные события и проблемы. Становление районной прессы в республике происходило в 30-е гг. XX века, когда газеты начали массово создаваться для того, чтобы служить проводником ценностей Советского государства.

В настоящее время в каждом районов есть газета, одним из учредителей которой выступает соответствующий районный исполнительный комитет, т.е. эти издания являются «официальной» прессой районной власти. Среди ведущих тем, которые находят отражение на страницах этих газет, можно выделить, например, сельское хозяйство и другие аспекты жизни на селе. Это подчеркивается даже в названиях некоторых «районок». Например, газета Дрибинского района называется «Савецкая веска», а Круглянского – «Сельскае жыцце». Также в газетах регулярно освещаются вопросы, связанные с деятельностью местных органов власти, правоохранительных органов, различных ведомств и организаций. Значительное внимание в этих изданиях уделяется и личной жизни читателей (семье, дому и т.д.), а также культуре (события культурной жизни, народные традиции) и природе.

Что касается названий районных газет, то многие из них в нынешнем столетии изменились. Некоторые наименования имеют в своем составе лексему, указывающую на город или реку, на которой он расположен, в качестве определяемого слова в названии чаще всего используются существительные *новости*, *вестник*, *край*, *правда*, *жизнь*: «Кричевская жизнь», «Прысожскі край» (Славгородский район), «Горацкі веснік», «Веснік Чэрыкаўшчыны», «Голас Касцюкоўшчыны», «Светлагорскія навіны», «Калінкавіцкія навіны», «Лідская газета», «Новополоцк сегодня», «Наша Талачыншчына», «Жыцце Прыдзвіння» (Витебский район), «Дняпроўская праўда» (Дубровенский район).

Однако существует большое количество газет, в названии которых сохранилась идеологическая модальность, характерная для Советского времени: «Да новых перамог» (Клецкий район), «Чырвоная зорка» (Узденский район), «Герой працы» (Шумилинский район), «Светлы шлях» (Сморгонский район), «Светлае жыцце» (Лельчицкий район), «Авангард» (Буда-Кошелевский район), «Чырвоны Кастрычнік» (Октябрьский район), «Святло Кастрычніка» (Мстиславский район), «Шлях Кастрычніка» (Хотимский район), «Сцяг Саветаў» (Кличевский район), «Чырвоны сцяг» (Краснопольский район), «Ударный фронт» (Шкловский район) и т.п.

В ряде районов Беларуси издаются также частные газеты, многие из которых имеют рекламно-информационную направленность: «Інфа-кур’ер» (Слуцкий район), «Бесплатно обо всем» (Кобринский район), «Информ-прогулка» (Лунинецкий район), «Полесский курьер» (Пинский район), «Кругозор медиа» (Жлобинский район), «Светлогорский бизнес» (Светлогорский район).

Некоторые из газет, издающихся в Минске, областных центрах и других городах, можно отнести к категории городских, так как они сосредоточены главным образом на событиях, происходящих в соответствующих городах: «Ва-банк» (г. Минск), «Веснік Магілёва», «Гомельские ведомости». Пола-

гаем, что городскими газетами являются и издания, которые выходят в отдельных районах столицы и областных городов, например, «Советский район» (г. Гомель).

Что касается функций, выполняемых местной прессой, то их спектр достаточно широк. Традиционно исследователи медиакоммуникации выделяют следующие группы функций прессы [3; 4; 5]:

– информационно-познавательные (коммуникативные), связанные с передачей актуальной для аудитории информации;

– идеологические (регуляторные, пропагандистские), направленные на формирование в обществе определенных мнений, установок, отношений;

– ценностно-ориентационные (аксиологические, воспитательные), формирующие жизненную позицию аудитории, предоставляя ей модели желательного либо нежелательного в обществе поведения;

– культурно-рекреационные (культурологические, развлекательные, гедонистические, компенсаторные), предполагающие, с одной стороны, повышение культурного уровня читателей, ознакомление их с культурно значимыми событиями, с другой стороны, служащие средством развлечения и снятия напряжения адресата, помогающие ему отвлечься от ежедневных проблем;

– функции социализации (солидаризации), относящиеся к формированию чувства общности читательской аудитории, ее консолидации.

Следующая группа местных изданий – корпоративные газеты и журналы, издающиеся в трудовых коллективах. Среди наиболее популярных и массовых корпоративных изданий можно назвать газеты и журналы крупных белорусских предприятий «Мир косметики Белита-Витэкс» («Белита-Витэкс»), «Belavia on air» («Белавиа»), «Калійшчык Салігорска» (ПО «Беларуськалий»), «Новости БелАЗа» («БелАЗ»), «Беларус МТЗ-обозрение» (ОАО «Минский тракторный завод»), «Трудовая слава» (ОАО «Могилев-Химволокно»), «Шинник» (ОАО «Белшина»). В Минском государственном лингвистическом университете также издается несколько корпоративных газет: общеуниверситетская газета «Alma Mater» и газеты отдельных факультетов – «Gazeta. Perevod» (переводческий факультет), «Комильфо» (факультет романских языков), «Я с ФАЯ» (факультет английского языка).

Номенклатура специфических функций, выполняемых корпоративными изданиями, довольно разнообразна. На основе анализа работ различных исследователей [6; 7; 8; 9; 10; 11] и наших наблюдений их функции можно представить в виде следующих групп:

– инструментальные (корпоративные издания как инструмент управления корпорацией, самоуправления и самоорганизации);

– информационные (доведение до персонала решений руководства, информация об истории организации, о производимой продукции или предоставляемых услугах и используемых технологиях, скидках, акциях и т.д.);

– идеологические (способствование реализации государственной идеологии, поддержка общественного курса и политики компании);

– ценностно-ориентационные (трансляция основных ценностей компании, которые должны разделять сотрудники);

– рекламно-имиджевые (привлечение новых клиентов, сотрудников и партнеров, продвижение положительного имиджа компании и/или бренда);

– функции солидаризации и мобилизации (формирование и развитие корпоративной культуры, повышение лояльности сотрудников, способствование пониманию между руководством и персоналом организации);

– образовательные (повышение уровня профессиональных знаний сотрудников);

– фатические (поздравление сотрудников, выражение им благодарности).

На наш взгляд, на всех уровнях белорусской местной прессы все более значимую роль играют функции солидаризации и консолидации аудитории. Средствами объединения аудитории в местных газетах и журналах может выступать хорошо известный читателям круг тем, которые освещают издания, а также обращение к историям обычных людей, жителей региона, или работникам компании, которые знакомы многим читателям. К языковым маркерам консолидации, которые нередко используются журналистами местной прессы, можно отнести, например, метафоры и прецедентные феномены.

Метафоры, представленные в этих изданиях, чаще всего являются стертыми, хорошо известными широкой читательской аудитории. Среди них присутствуют единицы, относящиеся к разнообразным метафорическим моделям:

а) антропоморфные метафоры: *Совместными усилиями – к **богатому** урожаю* («Да новых перамог», 10.08.2017), ***Подых** металу* («Лунінецкія навіны», 14.07.2017); ***Интеллект** электричества существует везде* («Металлург», 23.12.18).

б) синестезия: ***Легких** денег не бывает* («Поставский край», 11.08.2017), *«**Ціхі** подзвіг» у імя іншых* («Лунінецкія навіны», 14.06.2017);

в) пространственные метафоры: ***Высокие** награды за доблестный труд* («Шинник», 22.12.2018);

г) дорожные метафоры: ***Путешествие** в страну безопасности для маленьких клетчан* («Да новых перамог», 08.08.2017), ***Дорогами** православия* («Кобрынскі веснік», 20.07.2016);

д) метафоры живой и неживой природы: *«Мак» приносит свои **«плоды»*** («Кобрынскі веснік», 20.07.2016), *Местная **жемчужина** рада отдыхающим* («Да новых перамог», 10.08.2017), ***Космас** для БДУ*. ***Спадарожнік** БДУ ў кантэксце касмічнага права* («Універсітэт», декабрь 2018);

е) геометрические метафоры: *Павіццеўскі **куточак*** («Кобрынскі веснік», 10.08.2016), ***Гран**и сотрудничества* («Моторостроитель», ноябрь 2018);

ж) различные виды социальных метафор: *Многие белорусы **«застрахованы»** от кори* («Да новых перамог», 08.08.2017), *На **старце** вялікага жніва* («Поставский край», 05.08.2017), *Когда с огнем, в прямом и переносном смысле, **танцует** красивая девушка* («Лепельский край», 25.07.2017), ***Битва** со снегом* («Шинник», 06.01.2019); ***Хет-трик** от Visa* («@grobank», декабрь 2018).

Прецедентные феномены (ПФ), т.е. тексты или их фрагменты, которые хорошо известны всем представителям данного лингвокультурного сообщества и регулярно используются для создания новых текстов, обычно употребляются журналистами для того, чтобы привлечь внимание читателя, вызвать у него интерес к напечатанным материалам.

Арсенал сфер-источников заимствования прецедентных феноменов в районных, городских и корпоративных газетах, издающихся в различных регионах нашей страны, довольно ограничен. Это, вероятно, объясняется стремлением журналистов быть понятными аудитории, не допустить коммуникативной неудачи, когда прецедентный текст не узнается и не дешифруется читателем. Чаще всего в заголовках и текстах местной прессы используются трансформированные или нетрансформированные прецедентные феномены, представляющие собой следующие типы заимствований:

а) популярные пословицы, поговорки, фразеологизмы, афоризмы: *Хлебны дзень год корміць* («Сельская праўда», 11.08.2017), *Усе дарогі прывялі ў «Рассвет»* («Поставский край», 11.08.2017), *Предупрежден – значит вооружен* («Крычаўскае жыцце», 29.07.2017), *Сорвали лавры чечеряне* («Чачэрскі веснік», 25.05.2017), *Время выбрало нас* («Металлург», 23.12.18), *Готовь сани летом, а помощника к играм – зимой* («Импульс», 29.12.18);

б) известные цитаты из классических литературных произведений: *Гармония мира не стоит слезинки замученного ребенка* («Калінкавіцкія навіны», 27.06.2017), *Любви все возрасты покорны*? («Крычаўскае жыцце», 19.07.2017), *Есть такие женщины в Речицком районе* («Дняпровец», 14.08.2017);

в) названия популярных литературных произведений, фильмов*: Беларусь в дивном новом мире. В Минске прошел KEF-2018* («PRO Беларусбанк», No 4/96, 2018), *Пролетая над Нюрнбергом* («Belavia OnAir», декабрь 2018);

г) имена широко известных литературных героев: *Крест Семаки: цветы к могиле слонимского «Робин Гуда»* («Слонімскі веснік», 12.08.2017);

д) фрагменты песен, преимущественно народных, детских или советского времени: *Ой, на Івана, на Купалу* («Калінкавіцкія навіны», 11.06.2017), *Ягада маліна…* («Крычаўскае жыцце», 19.07.2017), *На недельку… Я уеду…* («Лунінецкія навіны», 1.08.2017), *Вот оно какое, наше лето!* («Крычаўскае жыцце», 14.07.18).

Как показывает проведенное исследование, количество прецедентных феноменов в материалах белорусских местных изданий невелико. Они редко встречаются в статьях, посвященных серьезным политическим и экономическим проблемам, значительно чаще – в материалах, которые в англоязычной литературе называют «soft news» – статьи, освещающие вопросы образования и здоровья, истории из жизни людей, сообщения на культурную и спортивную тематику и т.п. Популярны метафоры и особенно ПФ и в статьях, относящихся к региональной криминальной хронике (*Легких денег не бывает; Предупрежден – значит вооружен*). В них использование преце-

дентных феноменов и метафор служит не только для привлечения внимания аудитории, но и для создания оценочности. Кроме того, данные средства увеличивают экспрессивность сообщения и служат фактором солидаризации, объединения адресата и адресанта на основе общего жизненного опыта.

Как видно из приведенных примеров, большинство используемых в региональных и корпоративных изданиях метафор и прецедентных феноменов представляют собой отсылки к материалам периода СССР. Это обусловлено, в первую очередь, ориентацией местной прессы на свою аудиторию, стремлением быть ей понятной. Обращаясь к фоновым знаниям и общему опыту читателей, метафоры и прецедентные феномены в местной прессе служат фактором объединения аудитории. Как пишет Е. А. Корнилов, местные издания способны «дойти до каждого человека, вести анализ общих проблем на основе близких, доступных своему читателю фактов, переводить проблемы большой политики на язык местных условий, создавать доверительность общения» [12, с. 41].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод: местная пресса представляет собой сегмент средств массовой коммуникации, максимально близкий своему адресату. Журналисты данного типа изданий стараются ориентироваться на свою аудиторию, писать понятным ей языком, опираться на ее «семиотический опыт» и знания о мире. Местные издания освещают насущные проблемы населения конкретного населенного пункта или региона, обладают большими возможностями реализации быстрой обратной связи и мобилизации инициативы общества, выполняя важные социальные функции и выступая фактором консолидации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Корнилов, Е. А.* Типология периодической печати: основные понятия и категории / Е. А. Корнилов // Типология периодических изданий / отв. ред. Е. А. Корнилов. – Ростов : Изд-во Рост. ун-та, 1984. – С. 7–31.
2. Друк Беларусі / М-ва інфармацыі Рэсп. Беларусь, Нац. кніжная палата Беларусі; пад. аг. рэд. А. В. Івановай. – Мінск: НКП Беларусі, 2017. – 75 с.
3. *Дагбаев, Э. Д.* Пресса и национально-политический процесс региона: Опыт полит. и социол. анализа / Э. Д. Дагбаев. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. – 126 с.
4. *Корконосенко, С. Г.* Введение в журналистику: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению «Журналистика» / С. Г. Корконосенко. – 2-е изд., стер. – М. : КноРус, 2016. – 270 с.
5. *Прохоров, Е. П.* Введение в теорию журналистики: учебник для высш. учеб. заведений по направлению 520600 и специальности 021400 «Журналистика» / Е. П. Прохоров. – 8-е изд., испр. – М. : Аспект пресс, 2011. – 349 с.
6. *Бабкин, А. Ю.* Корпоративные издания в структуре печатных СМИ: типологические и профильные характеристики (на примере прессы федерального государственного унитарного предприятия «Почта России»):

автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.01.10 / А. Ю. Бабкин. – М. : ФГОУ ДПО «Ин-т повышения квалификации работников телевидения и радиовещания», 2010. – 29 с.
7. *Играев, Б. А.* Современная периодическая печать в системе экономических коммуникаций: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Б. А. Играев. – М. : ФГБОУ ДПО «Академия медиаиндустрии», 2013. – 30 с.
8. *Мурзин, Д. А.* Корпоративная пресса: современные типологические концепции: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Д. А. Мурзин. – М. : Моск. гос. ун-т им. Ломоносова, 2007. – 17 с.
9. *Петропавловская, Ю. А.* Типологические характеристики и особенности редактирования корпоративной прессы: автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.01.10 / Ю. А. Петропавловская. – М. : ФГБО ВПО «Моск. гос. ун-т им. Ломоносова», 2016. – 26 с.
10. *Слука, О. Г.* СМИ Беларуси в условиях строительства социально ориентированной экономики / О. Г. Слука. – Минск : БГУ, 2011. – 59 с.
11. *Тулупов, В. В.* К различению понятий «многотиражная газета» и «корпоративное издание» (на примере вузовских СМИ) / В. В. Тулупов // Теория и практика современной российской журналистики: сб. статей. – Воронеж : Факультет журналистики Воронеж. гос. ун-та, 2007. – С. 127–129.
12. *Корнилов, Е. А.* Массовые коммуникации на рубеже тысячелетий / Е. А. Корнилов, Е. Е. Корнилова. – М. : Флинта : Наука, 2013. – 253 с.

The article considers the structure, functions and specific linguistic features of the Belarusian local press. The paper outlines four levels of the local press and describes their functions, the range of topics they cover and some language tools they employ.

Поступила в редакцию 12.02.2019

М. А. Салаўёва

ТРАНСФАРМАЦЫЯ КАНЦЭПТУ «РАДЗІМА» Ў СВЕТАПОГЛЯДЗЕ МІХАЛА КЛЕАФАСА АГІНСКАГА

У артыкуле аналізуецца трансфармацыя паняцця «радзіма» ў мемуарах грамадскага дзеяча і вядомага кампазітара Міхала Клеафаса Агінскага. З гэтай мэтай вывучаецца семантычнае напаўненне і кантэкстуальнае ўжыванне згаданага паняцця, а таксама яго сінонімы і прапазіцыі, у якіх ён выкарыстоўваецца. Аналіз матэрыялу даследавання дае падставу зрабіць выснову, што слова *радзіма* ў мемуарах павінна разглядацца як рэпрэзентацыя эмацыйна абумоўленага канцэпту, дэтэрмінаванага не толькі культурай і каштоўнасцямі народа, але і сацыяльна-палітычнай сітуацыяй і асабістым досведам аўтара. У артыкуле заключаецца, што аналізуемы тэкст не толькі раскрывае, але і спараджае новае для свайго часу разуменне канцэпту «радзіма», якое можа садзейнічаць інтэрпрэтацыі адпаведнага нацыянальнага канцэпту і паланэза М. Кл. Агінскага «Развітанне з Радзімай».

Артыкул прысвечаны аналізу канцэпту «радзіма» ў тэксце перакладу на беларускую мову мемуараў М. Кл. Агінскага [1; 2].

Тэрмін *канцэпт* ужываецца як базавая адзінка культуры, якая складаецца з вобразнага, паняційнага і каштоўнаснага кампанентаў, а таксама ахоплівае эмацыйна абумоўленыя элементы [3, с. 28; 4, с. 10]. Канцэпт з'яўляецца дэтэрмінаваным не толькі культурай пэўнага народа, але і сацыяльна-палітычнымі ўмовамі і абставінамі яго развіцця, што будзе прадэманстравана ніжэй. На наш погляд, веданне канцэптаў мовы палягчае інтэрпрэтацыю тэкстаў на гэтай мове, а таксама садзейнічае дыялогу паміж прадстаўнікамі розных культур і сацыякультурных груп.

Выбар канцэпту «радзіма» аб'ектам даследавання абумоўлены тым, што ў прадмове да мемуараў вядомы палітычны дзеяч і кампазітар М. Кл. Агінскі называе любоў да радзімы асноўнай матывацыяй усіх сваіх учынкаў [1, с. 466].

Аналіз тэксту пацвярджае, што паняцце «радзіма» з'яўляецца ключавым для светапогляду аўтара, а тэмы любві да радзімы і служэння ёй не толькі праблематызуюцца, але і змяняюцца ў мемуарах. На першы погляд, рэферэнцыя слова «радзіма» відавочная: гэта Польшча. Тут можна прывесці наступную цытату з аўтарскай прадмовы: *Для мяне як для паляка галоўная мэта – расповед пра Польшчу* [1, с. 466]. Але даследаванне паказвае, што трэба быць вельмі ўважлівымі ў вызначэнні таго, што маецца на ўвазе, калі гаворка ідзе пра гэту намінацыю: Вялікапольшча, землі этнічных палякаў ці Рэч Паспалітая, у дачыненні да якой «Польшча» ўжываецца як палітонім. Да таго ж, мемуары адлюстроўваюць трансфармацыю ўяўленняў аўтара пра тое, што ёсць яго радзіма: Польшча і ВКЛ як геапалітычнае паняцце, як ідэальны вобраз дзяржавы ці радавое гняздо, якое размяшчаецца на тэрыторыі сучаснай Беларусі, дзе аўтару вядомая кожная сцежка, і якое сімвалізуе пэўныя эмацыянальныя прыхільнасці [1, с. 678]. Такім чынам, паняцце «радзіма» ў мемуарах трэба вывучаць як больш складанае ўтварэнне – канцэпт, што трактуецца як вынік сутыкнення слова з асабістым і народным досведам чалавека [3, с. 32], элемент карціны свету [3, с. 36], абумоўлены сацыякультурнымі і палітычнымі фактарамі развіцця грамадства.

Можна выказаць сумненне ў тым, наколькі мэтазгодна праводзіць даследаванне канцэпту беларускай мовы на перакладным матэрыяле, але ў артыкуле робіцца дапушчэнне, што семантычнае напаўненне ядра канцэпту «радзіма»/«patrie», збольшага, з'яўляецца ўніверсальным для адпаведных культур: гэта краіна, якая гістарычна належыць пэўнаму народу, месца, дзе чалавек нарадзіўся [5; 6]. Таксама лічым, што высокая якасць перакладу дазваляе захаваць семантычную напоўненасць намінацый і прапазіцый, якія ўтвараюць канструкт «радзіма».

Як паказвае аналіз, гэты канструкт з'яўляецца вельмі важным для фарміравання нацыянальнага канцэпту беларускай мовы, бо ён будуецца на аснове матэрыяла, звязанага з геапалітычнымі зменамі на тэрыторыі сучаснай Беларусі, а менавіта, з падзеламі Рэчы Паспалітай. Задача даследавання і заключаецца ў тым, каб вызначыць, як трактуецца паняцце «радзіма» ў творы выбітнога прадстаўніка найвышэйшых слаёў грамадства і знакавай фігуры ў гісторыі беларускага народа канца XVIII – пачатку XIX ст.

У першай частцы мемуараў радзіма – гэта Польшча, маецца на ўвазе Рэч Паспалітая. Агінскі – палітычны дзеяч, аддадзены інтарэсам сваёй дзяржавы. Паездка па справах маёмасці ў Белую Русь, якая апынулася ў складзе Расіі, суправаджаецца вялікай няёмкасцю, бо Міхал Клеафас можа быць далучаны каралём да здраднікаў. Удзел у падрыхтоўцы паўстання ў ВКЛ аўтарам адмаўляецца. Літва і Беларусь для князя – гэта сямейны, «правінцыйны» клопат, які адцягвае ўвагу ад высокай палітыкі і сур'ёзных кар'ерных поспехаў. Дачыненне да ВКЛ дэманструецца ў сувязі з секвестраваннем маёнткаў пасля вайны з Расіяй 1792 г. і з паўстаннем 1794 г.

Менавіта другая частка мемуараў, якая ахоплівае перыяд пасля паўстання, паказвае дынаміку ўяўленняў М. Кл. Агінскага пра радзіму, трансфармацыю яго самаідэнтыфікацыі.

На пачатку другой часткі на светапогляд аўтара моцна адчуваецца ўплыў паўстання 1794 г., яго патрыятычны пасыл і эмацыянальны ўздым, звязаны з ім. У параўнанні з далейшымі перыядамі, часцей ужываецца само слова «радзіма»: *працаваць дзеля выратавання* ***сваёй Радзімы*** [2, с. 24], *прынеслі сябе ў ахвяру* ***радзіме*** [2, с. 57], *выратаванне* ***Радзімы****, якая мне вельмі дарагая* [2, с. 59], *зноў заваяваць* ***радзіму****, з якой маё сэрца і мае думкі былі непарыўна звязаныя* [2, с. 192]. Відавочна, у гэтых прыкладах найперш маецца на ўвазе Рэч Паспалітая, але разумеецца і ВКЛ, за адраджэнне якога князь змагаўся на чале паўстанцаў.

Нягледзячы на вышэйсказанае, Агінскі, калі вярнуўся ў краіну, бязрадасна заявіў: … *я вырашыў правесці рэшту сваіх дзён* ***у самоце і ў цяні*** [2, с. 153]. Найбольш выразным выказваннем падаецца наступнае: ... ***я не меў радзімы, якой належала служыць***. *Такім чынам, я вярнуўся ў* ***сваю вёску*** [2, с. 157]. У гэтым урыўку радзіме як ідэальнаму паняццю супрацьпастаўляецца прыватны свет «сваёй вёскі».

Выкарыстоўваецца некалькі разоў і слова «бацькаўшчына»: *змены сумнага становішча сваёй* ***бацькаўшчыны*** [2, с. 75], *адданыя справе бацькаўшчыны* [2, с. 113]*, спадзяванне на ўзнаўленне іх* ***бацькаўшчыны*** [2, с. 188]. У канцы другой часткі мемуараў прыводзіцца ўрывак размовы з французскім маршалам Дзюрокам, у якой М. Кл. Агінскі раскрывае рэферэнцыю слова: … *меў гонар служыць* ***сваёй бацькаўшчыне*** *да апошняга моманту яе існавання* [2, с. 189]. Несумненна, тут маецца на ўвазе падзеленая Рэч Паспалітая.

У больш позні перыяд пасля паўстання аўтар паводзіць сябе стрымана пры выбары намінацый. Ён разгублены і прыгнечаны, бо разумее немагчымасць аднаўлення Рэчы Паспалітай і ВКЛ і ўжывае менш эмацыянальна зараджанае слова «краіна»: 1) *навіны, атрыманыя з* ***нашай краіны*** [2, с. 41], 2) *палякі змагаліся за незалежнасць* ***сваёй краіны*** [2, с. 67], 3) *пазбаўлены надзеі вярнуцца ў* ***сваю краіну*** [2, с. 128], 4) *з часу майго вяртання ў* ***краіну*** [2, с. 145], 5) *дабіцца для мяне дазволу вяртання ў* ***краіну*** [2, с. 152], 6) *ён [Аляксадр] дазволіў выявіць пашану да яго ў* ***маёй краіне*** [2, с. 155], 7) *нішто не можа пахіснуць маіх пачуццяў да* ***маёй краіны*** [2, с. 185], 8) *служачы*

маёй краіне [2, с. 190], 9) *не адмовіцца ад сваіх абавязкаў у адносінах да* ***сваёй краіны*** [2, с. 190]. Фактычна, у прыкладах № 3, 4, 5, і 6 маюцца на ўвазе тэрыторыі, якія апынуліся пад уладай Расіі і знаходзяцца ў сучаснай Беларусі. Але наступныя выказванні сведчаць, што пад выразам «мая краіна» М. Кл. Агінскі можа разумець як Беларусь (ВКЛ), так і Рэч Паспалітую да апошняга падзелу: *страціўшы ўсялякую надзею быць карысным* ***маёй краіне*** *і маім суайчыннікам* [2, с. 153], *у апошнія гады існавання Польшчы я прайшоў праз найвышэйшыя пасады* ***маёй краіны*** [2, с. 186].

На гэтым этапе радзіма для князя – гэта не «родны кут», а менавіта Рэч Паспалітая і ВКЛ як ідэал. Малая радзіма – гэта «вёска», жыццё «ў самоце і ў цяні». Падчас эміграцыі ў М. Кл. Агінскага няма нават гэтага, бо яго землі, якія ўвайшлі ў склад Расіі, былі канфіскаваныя: *наконт прычынаў майго выгнання з Расіі і канфіскацыі* ***маіх земляў*** [2, с. 145]. У цытаце сінонімам *радзімы* выступае словазлучэнне *мае землі*.

Найменне «Польшча» ўжываецца ў кантэксце падзелу, акупацыі, катастрофы, гібелі: *занепакоенасць перавагай, якую набыла Раіся праз акупацыю найвялікшай часткі Польшчы* [2, с. 16], *не можа быць абыякавым да няшчаснага лёсу Польшчы* [2, с. 57], *у дачыненні да прыгнятальнікаў Польшчы* [2, с. 57], *давялі Польшчу да знямогі* [2, с. 59], *злашчасныя катастрофы Польшчы* [2, с. 66]. Выкарыстанне намінацыі «Польшча» ў кантэксце выратавання і ўзнаўлення пераважае ў мемуарах, напрыклад: *працуючы дзеля аднаўлення Польшчы* [2, с. 45], *зацікаўленыя ва ўзнаўленні Польшчы* [2, с. 55], *выратаваць Польшчу* [2, с. 65].

Цікава, што найменне «Рэч Паспалітая» рэдка сустракаецца ў тэксце. Пасля апошняга падзелу і паўстання 1794 г. само ўжыванне гістарычнай назвы лічыцца небяспечным, што пацвярджаецца наступнай цытатай: *Палякі … не захавалі ні свайго палітычнага існавання, ні сваёй краіны, ні нават свайго імя. Выказвацца на іхную карысць, дзейнічаць дзеля іх, абараняць іхную справу было рызыкоўна.* [1, с. 473–474].

У дачыненні да Літвы і Беларусі аўтар падкрэслена выкарыстоўвае намінацыі, якія адлюстроўваюць падпарадкаваны стан гэтых земляў: *паміж Галіцыяй і нядаўна падзеленымі польскімі правінцыямі* [2, с. 55], *нават у правінцыях, аддадзеных падчас першага падзелу 1773 году* [2, с. 82], *у польскіх правінцыях, падпарадкаваных Расіі* [2, с. 153], *сакрэтныя агенты Напалеона праходзілі па польскіх правінцыях, падпарадкаваных расійскай уладзе* [2, с. 161], *ва ўсіх польскіх правінцыях, падпарадкаваных Расіі* [2, с. 166], *адстойваючы іх інтарэсы пры імператару Аляксандру ў польскіх правінцыях, падпарадкаваных яго уладзе* [2, с. 189].

Трэба заўважыць, што найменне «Белая Русь» таксама сустракаецца ў тэксце, але толькі ў дачыненні да сучаснай усходняй і цэнтральнай Беларусі, што адпавядае геапалітычнай карціне канца XVIII – пачатку XIX ст.: *…спыняўся ў Віцебску ў Белай Русі* [2, с. 83], *ажыццявіць падарожжа па Мінскай губерні ў Белай Русі* [2, с. 155], *вайсковаму губернатару Белай Русі Корсакаву-Рымскаму* [2, с. 157]. Белая Русь узгадваецца толькі як рэгіён тагачаснай Расійскай імперыі і частка былой Рэчы Паспалітай, але не радзіма.

Тым не менш, калі прускі кароль дае князю дазвол пасяліцца на тэрыторыі Вялікапольшчы, узнікае сітуацыя, вельмі цікавая для разумення ўяўлення аўтара пра радзіму. Апісанне гэтага этапа з'яўляецца паваротным для фарміравання адпаведнай інтэрпрэтацыі аналізуемага канцэпту. Па вялікім рахунку, у папярэднім тэксце маюцца два пасылы: узнавіць Польшчу і вярнуцца ў Польшчу. Тым больш дзіўнай можа падацца рэакцыя князя на магчымасць жыць у самым сэрцы этнічнай Польшчы: *Немагчыма перадаць словамі* ***цяжкое пачуццё****, якое ахапіла мяне пры набліжэнні да* ***межаў Польшчы****... Не захаваўшы* ***ніводнага з маіх былых уладанняў у Польшчы****, я знайшоў* ***прыстанішча*** *толькі на* ***зямлі, якая належала бацьку маёй жонкі ў ваколіцах Варшавы****. Там я* ***знемагаў*** *на працягу чатырох тыдняў* [2, с. 143], *...я быў* ***занураны ў самую глыбокую меланхолію*** [2, с. 146], *Я пражыў у* ***сельскай мясцовасці ў самоце, бяздзейнасці ды галечы****...* [2, с. 146]. Можна было б меркаваць, што пасяленне каля Варшавы – здзяйсненне мары для Агінскага як паляка, але прыведзеныя фрагменты перадаюць непрыманне ім такога становішча. Верагодна, гэта было выклікана кантрастам паміж былым свецкім жыццём польскага палітычнага дзеяча і нядаўняга эмігранта, пазбаўленага прывілеяў. Відавочна, што для Агінскага Польшча – гэта не толькі амаль неіснуючае на той момант геапалітычнае паняцце, але і страчаныя ўладанні. «Польшча» – канцэпт, які грунтуецца вакол асабістага досведу аўтара, сукупнасці прыхільнасцяў і ідэалаў, якія маюць моцны эмацыйны пасыл: маці, сям'я, паплечнікі, мэты паўстання 1794 г. і яго параза. Як адзначае сам Міхал Клеафас, калі тлумачыць свой настрой па вяртанні ў Польшчу, маці яго памерла, сябры альбо загінулі, альбо знаходзіліся ў выгнанні, самому яму было забаронена знаходзіцца на тэрыторыі Польшчы ў межах Расійскай і Аўстрыйскай імперый.

Апошні факт вельмі важны для разумення ўяўлення аўтара пра радзіму. Мяркуем, М. Кл. Агінскі звязвае сваю непасрэдную радзіму з землямі ў Літве (заходняя Беларусь) і ўсходняй Беларусі, якія апынуліся ў складзе Расіі, бо там знаходзіліся канфіскаваныя ўладанні, і каментуе гэта так: *...я перабіраў у сваёй галаве ўсе магчымыя сродкі дабіцца дазволу* ***вярнуцца ў Расію****, а* ***ў Літве*** *жылі шматлікія асобы, якія былі* ***супраць майго вяртання****...* [2, с. 145].

Пасяліўшыся нарэшце на тэрыторыі Расіі, у сучаснай Беларусі, князь згадвае пра *намер адасобіцца назаўсёды* ***са сваёй сям'ёй у адной з вёсак паблізу Вільні*** [2, с. 155]. Зараз прыватнае жыццё ў вёсцы задавальняе аўтара і супрацьпастаўляецца неабходнасці прадстаўляць літоўскую шляхту ў Пецярбургу: *я быў прыгнечаны, думаючы, што патрэбна адмовіцца ад* ***спакою і незалежнасці, ад якіх я пачаў атрымліваць асалоду*** [2, с. 186]. Паказальна, што праз недасягальнасць, неіснаванне ідэальнай радзімы нават для арыстакрата і палітычнага дзеяча ўяўленне пра яе абмяжоўваецца сям'ёй і вёскай. Калі князь пасяліўся ў Залессі, настрой яго быў далёкім ад узвышанага, але пазней М. Кл. Агінскі адмаўляецца выязджаць з маёнтка па дыпламатычных справах болей як на чатыры тыдні. Тут можна прыгадаць, што, жывучы пад

Варшавай, аўтар вытрымлівае там толькі чатыры тыдні. Гэты факт дэманструе, што ўсё ж Агінскі не бачыць у самым сэрцы Польшчы прытулку для сваёй душы, у той час, як у Літве, на тэрыторыі сучаснай Беларусі, ён знаходзіць свой родны кут.

Цікавая трансфармацыя самаідэнтыфікацыі М. Кл. Агінскага адбываецца перад вайной 1812 г. Сведчанне гэтаму можна знайсці ў згаданай вышэй размове з французскім маршалам Дзюрокам, які схіляе князя прыняць бок Францыі, на што той адказвае: *... без упэўненасці на ўзнаўленне Польшчы і на вяртанне імя паляка настолькі ж годна быць ліцвінам, як і жыхаром Варшаўскага княства і быць падданым імператара Александра, хутчэй, чым служыць Напалеону* [2, с. 191]. Такім чынам, аўтар фармулюе для сябе новую ідэнтычнасць – ліцвін, якую ён лічыць найбольш адпаведнай у існуючых палітычных рэаліях.

Трэба заўважыць, у перыяд ад 1802 г. М. Кл. Агінскі робіцца даволі актыўна заангажаваным у справах Літвы. Паняцце «мае суайчыннікі» ён ужывае не столькі ў дачыненні да грамадзян былой Польшчы, колькі да жыхароў тагачаснай Літвы: *маё хадайніцтва на карысць літоўскай шляхты*, *на карысць маіх суайчыннікаў*, *быць карысным жыхарам маёй правінцыі* [2, с. 186].

Цяжка сказаць, ці ўкладаў Міхал Клеафас у паняцці «Літва», «ліцвін» беларускі падтэкст у яго сучасным разуменні. Вядома, што аўтар быў адным з кіраўнікоў паўстання 1794 г. на тэрыторыі ВКЛ і збіраўся прабіцца ў Белую Русь, каб узняць на паўстанне сялян з былых уладанняў. У мемуарах Агінскі сцвярджае, што стаў адным з кіраўнікоў паўстання на тэрыторыі ВКЛ амаль выпадкова, але выбар зрабіў свядома.

Даследчыкаў цікавіць «ідэалагічная» праца М. Кл. Агінскага падчас тых падзей. Тут маецца на ўвазе аўтарства беларускамоўнага верша «Песня беларускіх жаўнераў 1794 года» [7, с. 27, с. 45–46; 8; 9]. Відавочна, што для ўдзельнікаў паўстання з розных слаёў грамадства перадача ідэй інсурэкцыі на беларускай мове была натуральнай [7, с. 47]. Для разумення трансфармацыі вобразу радзімы ў светапоглядзе М. Кл. Агінскага важна тое, што яго ліцвінства магло інкарпарыраваць беларускі інтарэс незалежна ад таго, быў ён аўтарам верша ці не.

На аснове вышэйсказанага можна заключыць, што канцэпт «радзіма» ў мемуарах фарміруецца вакол такіх паняццяў, як «Рэч Паспалітая», «Польшча», «паляк», «сям’я», «маці», «паплечнікі», «суайчыннікі», «былыя ўладанні», «вёска», «Літва», «ліцвін». Аналіз тэкста дазваляе зрабіць выснову, што словы «Польшча», «паляк» ужываюцца як палітонімы, а не этнонімы, што дэтэрмінавана палітычнымі рэаліямі перыяду, які ахопліваецца ў мемуарах. Пры гэтым трэба разумець, што і паняцці «Літва», «ліцвін» з’яўляюцца палітонімамі ў дачыненні да часткі этнічных Беларусі і беларусаў.

Разам са словам «радзіма» ў тэксце ўжываюцца як слоўнікавыя сінонімы («бацькаўшчына», «краіна»), так і тэкставыя сінонімы (словазлучэнні «мае землі», «мае былыя ўладанні ў Польшчы»). Канцэпт «радзіма» разгортваецца ў кантэксце падзелу Рэчы Паспалітай, паразы паўстання 1794 г., канфіскацыі

земляў аўтара, надзеі на ўзнаўленне Польшчы і ВКЛ і наступнага расчаравання. Напаўненне канцэпту адбываецца не толькі за кошт адпаведных намінацый, але і прапазіцый, у якіх яны ўжываюцца. Канцэпт «радзіма» трансфармуецца пад уплывам палітычных падзей і звужаецца да паняццяў «Літва», «ліцвін», «сям'я», «вёска паблізу Вільні». Беларускі кампанент канцэпту не з'яўляецца яўным, але можа быць прааналізаваны з пункту гледжання сучасных геапалітычных рэалій, праблематыкі аўтарства «Песні беларускіх жаўнераў 1794 года» і ўдзелу жыхароў беларускіх земляў у паўстанні 1794 г.

Можна сцвярджаць, што мемуары М. Кл. Агінскага з'яўляюцца канцэптаўтвараючым прэцэдэнтным тэкстам і пашыраюць уяўленне пра канцэптасферу беларускай мовы, а таксама могуць садзейнічаць інтэрпрэтацыі паланэза «Развітанне з Радзімай». Канцэпт «радзіма», які раскрываецца, а з іншага боку, ствараецца тэкстам, можа разглядацца як частка нацыянальнага канцэпту.

ЛІТАРАТУРА

1. *Агінскі, М. Кл.* Успаміны пра Польшчу і палякаў з 1788 да 1794 г. / М. Кл. Агінскі // ARCHE Пачатак. – 2011. – № 6. – С. 461–722.
2. *Агінскі, М. Кл.* Мемуары пра Польшчу і палякаў з 1795 да 1810 года / М. Кл. Агінскі // ARCHE Пачатак. – 2015. – № 9. – С. 5–194.
3. *Маслова, В. А.* Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова. – Минск : ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
4. *Попова, З. Д.* Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М. : АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / Беларуская савецкая энцыклапедыя [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://www.skarnik.by/tsbm/68821. – Дата доступу : 26.02.2019.
6. Free online French definition dictionary [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.dictionary-fr.com/definition.php?word=patrie&x=0&y=0. – Date of access : 26.02.2019.
7. *Трафімчык, А. В.* «Наш Касцюшка слаўны!»: гістарычная постаць Тадэвуша Касцюшкі ў беларускай літаратуры / А. В. Трафімчык. – Мінск : А. М. Янушкевіч, 2017. – 192 с.
8. *Мальдзіс, А. І.* Падарожжа ў XIX стагоддзе: з гісторыі беларускай літаратуры, мастацтва і культуры: навукова-папулярныя нарысы / А. Мальдзіс. – Мінск : Нар. асвета, 1969. – 204 с.
9. *Мальдзіс, А. І.* З літаратуразнаўчых вандраванняў: нарысы, эсэ, дзённікі / А. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 1987. – 213 с.

The article is dedicated to the analysis of the concept "motherland" in the memoirs by the eminent political figure and composer Mikhal Kleafas Ahinski. The concept is considered as an emotionally, experientially, culturally, and politically determined entity. It is concluded that the text under analysis not only deciphers but also generates a new understanding of the concept, which may enhance the interpretation of the corresponding national concept and the famous polonaise by the author.

Поступила в редакцию 04.03.2019

ПРОБЛЕМЫ ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Н. Г. Швец

ФОРМАЛЬНЫЙ СПОСОБ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ РЕКЛАМНЫХ ОБЪЯВЛЕНИЙ В ВИДЕ ТЕЗАУРУСА

В статье рассматривается тезаурусное описание изображения как способ, позволяющий учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения, а также представить иллюстрацию в виде некоторого набора слов (дескрипторов) и отношений между этими словами в рамках определенной предметной области.

Детально исследуется методика тезаурусного описания изображений при решении задач выбора компьютером иллюстрации к тексту рекламного объявления и порождения текста рекламного объявления по изображению.

Развитие семиотики дает возможность рассмотреть такие знаковые системы, как естественный язык и изобразительное искусство с некоторой единой точки зрения. Как и в естественном языке, в «языке живописи» есть свой набор основных единиц (словарь) и определенные правила их сочетаемости (грамматика) [1, с. 103]. Если смысл текста раскрывается словами, то иллюстрация «говорит» на языке форм или других ее элементов (цветов (красок), размеров, образов и т.п.).

При создании компьютерной системы, моделирующей понимание текста и изображения рекламного объявления (РО) человеком, возникает проблема поиска способа эффективной формализации изображения. Необходимо придать иллюстрации «неизобразительный» вид, ибо соответствующие алгоритмы приспособлены для переработки лишь неких символических описаний. Под описанием изображения будем понимать более простое, чем само изображение, представление исходного изображения в некотором «неизобразительном» виде (набор чисел, граф, словесная форма).

Среди возможных способов формального представления иллюстрации особый интерес вызывает тезаурусное представление изображения в качестве способа, позволяющего учесть как доминирующие, так и второстепенные черты изображения. Данный метод позволяет описать иллюстрацию в виде определенного набора слов (дескрипторов) и отношений между этими словами в рамках некоторой предметной области.

Обычно *тезаурус* определяют как словарь, содержащий лексические единицы с явным указанием семантических отношений между ними [2, с. 148].

В работе С. Е. Никитиной [3] тезаурус рассматривается не только как средство информационного поиска, но и как инструмент теоретических исследований в области семантики, гносеологии, лингвистики и терминоведения. Эти идеи получили развитие в другой работе того же автора [4].

Исследователь Е. А. Шингарева предлагает семиотическую модель тезауруса, в которой под тезаурусом в плане содержания понимается множество понятий и отношений между ними. В плане выражения – множество терминов, упорядоченных относительно друг друга. Денотатом тезауруса является представление (коллективный мыслительный образ) об объектном ядре предметной области. В семиотическую модель тезауруса введен также уровень референтов, «воплощающих те реальные объекты внешнего мира, которые на уровне представления о них включаются в процесс семиозиса» [5, с. 3].

Тезаурус может задавать парадигматические отношения: синонимии, родо-видовые, ассоциативные, синтагматические: объект – характерное свойство и др. При построении тезаурусов выявляют наиболее существенные отношения между словами, обусловленные исключительно свойствами самих предметов и явлений, обозначаемых этими словами, или, иначе говоря, содержанием выражаемых ими понятий. Из числа этих связей фиксируют лишь те, которые отражают существенные зависимости и типичны для рассматриваемой предметной области.

Лексические единицы тезауруса принято делить на две группы:

1) *термины* (ключевые слова, дескрипторы и синонимы);

2) *идентификаторы*, объединяющие имена собственные.

По определению, данному Т. Р. Кияк, «термин – слово или словесный комплекс, соотносящийся с понятием определенной организованной области познаний (науки, техники), вступающий в системные отношения с другими словами и словесными комплексами и образующий вместе с ними в любом отдельном случае и в определенное время замкнутую систему, отличающуюся высокой информативностью, однозначностью, точностью и экспрессивной нейтральностью» [6, с. 104].

В роли дескрипторов, по сложившейся практике построения тезаурусов, выступают термины, обозначающие некоторые понятия предметной области и удовлетворяющие принципам общеупотребительности, распространенности, краткости и терминологической точности.

Синонимами дескрипторов считаются термины, обозначающие то же понятие, что и дескриптор. В тезаурусе синонимами могут быть отдельные существительные, именные группы, отдельные прилагательные, глаголы и глагольные группы. Дескриптор в совокупности с его синонимами представляет в тексте определенное понятие предметной области.

Систематическая часть тезауруса представляет собой алфавитно упорядоченный перечень дескрипторов, или основных понятий с относящимися к ним лексическими единицами, и ключевых слов, являющихся разновидностью основных понятий и занимающих в систематической части свое место по алфавиту, но лишенных самостоятельной статьи. Как отмечает Ю. Н. Караулов, «ключевые слова являются теми нитями, которые связывают внутреннюю структуру тезауруса, т.е. организацию словарной статьи, с его внешней структурой, образуемой парадигматическими связями дескрипторов» [2, с. 150].

Стандартный тезаурус имеет, как правило, четыре входа, соответствующие четырем размерностям семантического представления лексики [7, с. 42]:

1. К→К – вход «от концепта к концепту», от одного понятия к другому, воплощенный в схеме иерархически и корреляционно связанных друг с другом понятий;

2. К→З – вход, представленный дескрипторной частью тезауруса, отражающий переход «от концепта к знаку»;

3. З→К – вход «от знака к концепту», соответствующий алфавитному указателю адресов слов в понятийных полях дескрипторов;

4. З→З – вход «от знака к знаку», или пермутационный указатель, который имеет смысл для тезаурусов, включающих словосочетания.

Процесс создания тезауруса состоит из следующих этапов [8, с. 19].

1. Выделение лексических единиц – формирование словника (глоссария) тезауруса.

2. Разработка набора семантических связей. Можно выбрать либо методику «от текста» (т.е. выявить те отношения, которые возникают между терминами в тексте), либо методику анализа предметной области, либо гибридный метод.

3. Актуализация связей – установление связей между терминами. При этом можно использовать знания экспертов, документы сферы фиксации (словари, классификаторы и т.д.), документы сферы функционирования (рефераты, статьи, монографии и т.д.).

В работе С. Д. Шелова сформулированы несколько общих требований, касающихся самого тезауруса и его построения [9, с. 6–7].

1. Соотношению «парадигматические связи в информационном тезаурусе – смысловые связи, которые задаются системой дефиниций соответствующих единиц» необходимо быть предельно ясным.

2. Структура тезауруса должна допускать математическую определенность, при которой каждая единица может быть охарактеризована своим уровнем.

3. Допуская произвольно глубокую дифференциацию парадигматических отношений, следует фиксировать в каком-то смысле только минимальное их количество.

4. Построение информационного тезауруса должно включать описание основных необходимых процедур анализа текста. Этим процедурам следует быть общими при решении многих задач автоматической обработки текста.

Анализ изображений 200 РО по теме «Косметика и парфюмерия» показал, что в большинстве случаев на иллюстрации обязательно присутствует изображение человека. Поэтому необходимо выявить наиболее употребительные существительные, используемые при описании внешнего облика человека и установить системные отношения между ними.

Отметим, что «особенности лексического состава описания определяются, прежде всего, структурой самого описания, которое служит для детального изображения состояний действительности с подробным перечи-

слением ряда одновременно существующих объектов и их признаков» [10, с. 96]. Функции объектов выполняют слова, обозначающие основные компоненты внешнего описания, которыми являются:

1) тело человека и его части (соматическая лексика);

2) мимика, поза, жесты (кинетическая лексика);

3) предметы одежды (вестиальная лексика).

Рассмотрим структурные отношения в группе соматической лексики. Для ее систематизации подходит отношение меронимии. Меронимия – способ ассоциативной сетевой организации понятий на основе отношения ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ. Это отношение обладает следующими свойствами [11, с. 30]:

1) оно транзитивно: ЦЕЛОЕ (ЦЕЛОЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X);

2) дескрипторы-части наследуют отношение АССОЦИАЦИЯ: АСЦ (ЦЕЛОЕ (X)) = АСЦ (X);

3) отношение ЧАСТЬ наследуется видовыми дескрипторами: ЧАСТЬ (ВЫШЕ (X)) = ЧАСТЬ (X);

4) отношение ВЫШЕ – НИЖЕ поглощается отношением ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ: ЦЕЛОЕ (ВЫШЕ (X)) = ЦЕЛОЕ (X), ВЫШЕ (ЦЕЛОЕ = (X)) = ЦЕЛОЕ (X).

Пример построения меронимических отношений соматем представлен на рис. 1.

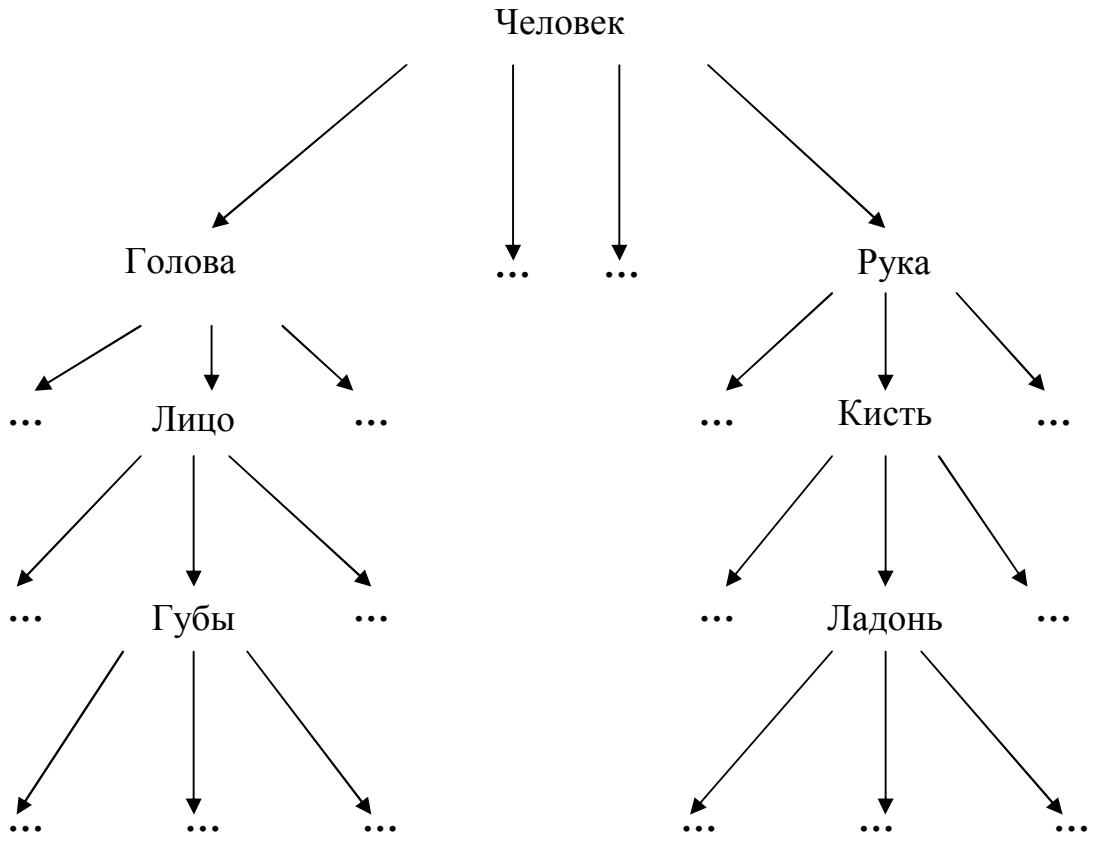


Рис. 1. Меронимические отношения соматем
(«→» – отношение меронимии; «…» – другие меронимы)

К характеризующим словам, описывающим внешние признаки, обычно относятся слова, указывающие на цвет, форму, толщину, величину. В зависимости от типа характеризуемого объекта набор признаков меняется. Анализ некоторых работ позволил нам выделить следующие признаки соматемы «Лицо» [10; 12]:

1) цвет и окраска кожного покрова (*загорелое*, *бледное*, *восковое*, *синее*, *землистое* и др.);

2) форма (*круглое*, *овальное*, *треугольное*, *квадратное* и др.);

3) величина (*большое*, *крупное*, *маленькое* и др.);

4) толщина (*худое*, *сухое*, *сытое*, *тонкое* и др.);

5) характер кожного покрова (*гладкое*, *холеное*, *морщинистое* и др.);

6) отличительная деталь (*длинноносое*, *курносое*, *скуластое*, *узколобое*, *большеглазое*, *черноглазое*, *чернобровое* и др.):

6.1) величина и форма носа;

6.2) форма скул;

6.3) величина и форма губ;

6.4) величина и форма лба;

6.5) величина, форма и цвет глаз;

6.6) наличие или отсутствие волосяного покрова на лице и голове.

7) состояние здоровья и возраст (*здоровое*, *усталое*, *молодое*, *свежее* и др.);

8) признак внешней выраженности интеллектуальных способностей (*умное*, *мудрое*, *простое*, *глупое* и др.);

9) общее впечатление:

9.1) положительные оценки (*красивое*, *миловидное*, *приятное* и др.);

9.2) отрицательные оценки (*неинтересное*, *невзрачное*, *непривлекательное* и др.);

10) доминирующая черта характера, особенность поведения (*благородное*, *честное*, *открытое*, *важное*, *самодовольное* и др.);

11) выражение черт характера и свойств личности (*волевое*, *властное*, *строгое*, *гордое*, *скромное*, *доброе*, *кроткое*, *хитрое*, *угодливое*, *насмешливое* и др.);

12) выражение доминирующих психоэмоциональных состояний (*живое*, *бодрое*, *радостное*, *счастливое*, *сердитое*, *равнодушное* и др.);

13) представление о социальном статусе личности (*благородное*, *интеллигентное* и др.).

Признаки других соматем представлены в таблице 1.

Таблица 1

Признаки соматем

Соматема	Признак	Пример
Волосы	Цвет	*Русые*
	Форма	*Прямые*
	Длина	*Короткие*
	Густота	*Редкие*
	Мягкость	*Жесткие*
	Толщина	*Тонкие*
	Влажность	*Мокрые*
	Блеск	*Блестящие*
	Сила	*Слабые*
	Укладка	*Растрепанные*
	Здоровье	*Посеченные*
	Тяжесть	*Легкие*
	Чистота	*Грязные*
	Общая положительная оценка	*Восхитительные*
	Общая отрицательная оценка	*Некрасивые*
Глаза	Цвет	*Голубые*
	Форма	*Круглые*
	Величина	*Маленькие*
	Блеск	*Блестящие*
	Возраст	*Молодые*
	Здоровье	*Воспаленные*
	Эмоции	*Восторженные*
	Доброта	*Злые*
	Общая положительная оценка	*Притягательные*
	Общая отрицательная оценка	*Невыразительные*
	Образ из сферы флоры	*Ореховые*
	Образ из сферы фауны	*Змеиные*
	Образ на основе экзотизмов	*Цыганские*
Губы	Цвет	*Красные*
	Форма	*Оттопыренные*
	Толщина	*Пухлые*
	Величина	*Большие*
	Состояние	*Свежие*
	Влажность	*Сухие*
Зубы	Цвет	*Белые*
	Форма	*Ровные*
	Величина	*Мелкие*
	Расположение	*Редкие*
	Состояние	*Жемчужные*

Окончание табл. 1

Соматема	Признак	Пример
Кожа	Цвет Толщина Пигментация Возраст Особое состояние Влажность Тип Эластичность	*Белая* *Тонкая* *Смуглая* *Молодая* *Гусиная* *Сухая* *Комбинированная* *Дряблая*
Нос	Форма Величина Цвет Характер кожного покрова Длина Образ на основе сходства по форме с носами животных и птиц	*Курносый* *Большой* *Красный* *Блестящий* *Короткий* *Орлиный*
Ресницы	Цвет Величина Длина Густота	*Черные* *Большие* *Длинные* *Редкие*
Тело (фигура)	Величина Толщина Тяжесть Сложение Гибкость Длина Нагота Цвет Чистота Здоровье Возраст Сила	*Щуплое* *Худое* *Легкое* *Стройное* *Гибкое* *Короткое* *Полуобнаженное* *Розовое* *Грязное* *Больное* *Молодое* *Дюжее*
Женщина	Возраст Осанка Рост Телосложение Сила Нагота Чистота Здоровье Ухоженность Интеллект Психоэмоциональное состояние Характер Социальный статус Общая положительная оценка Общая отрицательная оценка	*Молодая* *Грациозная* *Высокая* *Стройная* *Сильная* *Голая* *Чистая* *Здоровая* *Ухоженная* *Умная* *Веселая* *Властная* *Интеллигентная* *Привлекательная* *Несимпатичная*

Очень часто на иллюстрации РО изображается предмет рекламы (флакон духов, баночка крема и др.). Для его описания используются такие признаки, как форма, цвет, содержимое, название, фирма-изготовитель, а для представления связей между дескрипторами – такие отношения, как ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, АССОЦИАЦИЯ, ОБЪЕКТ – ХАРАКТЕРНОЕ СВОЙСТВО и др.

Можно предложить следующую методику тезаурусного описания изображений РО по теме «Косметика и парфюмерия», которая включает следующие этапы.

1. Выявление языкового, денотативного и коннотативного содержаний для каждого изображения исследуемых РО.

2. Определение дескрипторов, образующих первый уровень тезауруса.

3. Выделение следующих типов отношений между дескрипторами: ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, СОМАТЕМА – ПРИЗНАК, СОМАТЕМА – ДЕЙСТВИЕ, ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК, ОБЪЕКТ – ДЕЙСТВИЕ, АССОЦИАЦИЯ.

4. Систематизация отношений типа СОМАТЕМА – ПРИЗНАК по ряду параметров (цвету, форме и т.п). Такие параметры были выделены для описания следующих соматем: «Женщина», «Волосы», «Глаза», «Губы», «Зубы», «Кожа», «Лицо», «Нос», «Ресницы», «Тело (Фигура)».

5. Систематизация отношений типа ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК по следующим параметрам: «форма», «цвет», «содержимое», «название», «фирма-изготовитель».

Проиллюстрируем процедуру тезаурусного описания на примере изображения РО, показанного на рис. 2.

Рис. 2. Рекламное объявление

Иллюстрация РО, представленного на рис. 2, имеет следующее языковое содержание, полученное путем рассмотрения надписи на бутылке с шампунем: «Новшество. Laboratoires Garnier Paris. Fructis с активным концентратом фруктов. Укрепляющий шампунь и бальзам-ополаскиватель. Подходит для частого применения. 2 в 1 для нормальных волос».

На анализируемом изображении можно выделить такие объекты, как рекламный персонаж (женщина), предмет рекламы (флакон с шампунем), фон (дольки фруктов), схема-пояснение (на ней показан корень волоса, окруженный молекулами разных активных веществ, которые его питают, укрепляют и разглаживают). Это денотативное содержание изображения.

Рассматривая исследуемое изображение более детально, можно выделить несколько коннотативных содержаний, т.е. тех ассоциаций, которые проходят через сознание человека при восприятии данного изображения.

Во-первых, завязывание волос в узел демонстрирует силу волос. Так как на иллюстрации изображена еще и бутылка с шампунем, это говорит о том, что именно он помог женщине так укрепить свои волосы.

Во-вторых, женщина и бутылочка с шампунем изображены на фоне долек с фруктами. Значит, активные вещества этих фруктов входят в состав рекламируемого шампуня.

В-третьих, желто-салатовые цвета фона и бутылки с шампунем ассоциируются с целебными свойствами предмета рекламы.

Следовательно, у человека, посмотревшего на данное изображение РО, возникает мысль: «Чтобы добиться такого эффекта сильных и блестящих волос, необходимо использовать шампунь, который рекламируется».

Тезаурусное представление анализируемого РО приведено в табл. 2.

Таблица 2

Тезаурусное представление иллюстрации РО

Дескриптор (его уровень тезаурусной иерархии)	Мероним (его уровень тезаурусной иерархии)	Признак (его уровень тезаурусной иерархии)	Действие (его уровень тезаурусной иерархии) (Ассоциация)
Женщина (1)	Голова (2) Руки (2)		
Флакон (1)	Шампунь (2)	Зеленый (2) Прямоугольный (2)	
Фон (1)	Фрукты (2)		
Схема-пояснение (1)	Волос (2) Вещество (2)		
Голова (2)	Волосы (3)		
Руки (2)			Завязывать волосы в узел (3) (сила волос)
Шампунь (2)		Fructis (Фруктис) (3) Garnier Paris (3)	
Волос (2)	Корень (3)		
Вещество (2)	Молекулы (3)	Активное (3) Зеленое (3)	
Фрукты (2)	Дольки (3)		
Волосы (3)		Блестящие (4) Сильные (4) Густые (4) Шелковистые (4) Длинные (4) Гладкие (4)	
Корень (3)		Здоровый (4) Сильный (4)	
Молекулы (3)		Зеленые (4) Красные (4)	Проникать в корень (4) (сила и блеск волос)
Дольки (3)		Зеленые (4) Желтые (4)	

Тезаурус является иерархической структурой, состоящей из дескрипторов различных уровней. Первый уровень тезауруса иллюстрации анализируемого РО (уровень тезауруса в табл. 2 обозначается цифрой в скобках) образуют следующие дескрипторы: *женщина*, *флакон*, *фон* и *схема-пояснение*.

Между дескриптором первого уровня *женщина* и дескрипторами второго уровня *голова* и *руки* устанавливаются системные отношения типа ЦЕЛОЕ (холоним) – ЧАСТЬ (мероним).

Дескриптор первого уровня *флакон* связан с дескриптором второго уровня *шампунь* отношением ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, а с дескрипторами второго уровня *зеленый* и *прямоугольный* – отношением ОБЪЕКТ – ПРИЗНАК.

Между дескриптором первого уровня *схема-пояснение* и дескрипторами второго уровня *волос* и *вещество* устанавливаются отношения типа ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ.

Третий уровень тезауруса образуют следующие дескрипторы: *волосы*, *завязывать волосы в узел*, *сила волос*, *Fructis (Фруктис), Garnier Paris*, *корень*, *молекулы*, *активное*, *зеленое*, *дольки*, *волосы*.

Дескрипторами четвертого уровня тезауруса являются: *блестящие*, *сильные*, *густые*, *шелковистые*, *длинные*, *гладкие*, *здоровый*, *сильный*, *зеленые*, *красные*, *желтые*, *проникать в корень*, *сила и блеск волос*.

В результате использования тезаурусного подхода были построены многоуровневые тезаурусные описания изображений 200 РО по теме «Косметика и парфюмерия», которые вошли в базу данных компьютерной программы, позволившей проверить эффективность работы формальной модели, связывающей текст и иллюстрацию РО.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов, В. В.* Структурно-типологический подход к семантической интерпретации произведений изобразительного искусства в диахроническом аспекте / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Труды по знаковым системам: учен. зап. Тарт. гос. ун-та. – Тарту, 1977. – Вып. 411. – С. 103–119.

2. *Караулов, Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка / Ю. Н. Караулов. – М. : Наука, 1981. – 366 с.

3. *Никитина, С. Е.* Тезаурус по теоретической и прикладной лингвистике / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1978. – 312 с.

4. *Никитина, С. Е.* Семантический анализ языка науки (на материале лингвистики) / С. Е. Никитина. – М. : Наука, 1987. – 276 с.

5. *Шингарева, Е. А.* О двух направлениях представления семантики текста (тезаурус и фрейм) / Е. А. Шингарева // НТИ. Сер. 2. – 1982. – № 8. – С. 1–8.

6. *Кияк, Т. Р.* Лингвистические аспекты терминоведения / Т. Р. Кияк. – Киев: УМК ВО, 1989. – 104 с.

7. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ / Ю. Н. Караулов [и др.]; под общ. ред. Ю. В. Караулова. – М. : Наука, 1982. – 96 с.

8. Тезаурус как средство описания систем знаний / П. И. Браславский [и др.] // НТИ. Сер. 2. – 1997. – № 11. – С. 16–22.

9. *Шелов, С. Д.* Об одном подходе к информационному тезаурусу / С. Д. Шелов // НТИ. Сер. 2. – 1982. – № 7. – С. 6–10.
10. *Старикова, Г. В.* Лексика портретных описаний / Г. В. Старикова. – Л., 1985. – 198 с.
11. *Лукашевич, Н. В.* Представление знаний в системе автоматической обработки текстов / Н. В. Лукашевич, А. Д. Салий // НТИ. Сер. 2. – 1997. – № 3. – С. 27–33.
12. *Богуславский, В. М.* Оценка внешности человека: словарь / В. М. Богуславский. – М. : ООО «Изд-во АСТ»; Харьков : Торсин, 2004. – 254 с.

The article discusses one of the approaches to the formal presentation of illustrations. Thesaurus is proposed as a way of description of the image, allowing to take into account both the dominant and minor features of the image. Details of the thesaurus image description methodology are outlined in solving problems of choosing a computer illustration to the text of the ad and the generation of an ad text based on the image.

Поступила в редакцию 17.01.2019

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Л. Н. Казакова

В ПОИСКАХ СОЗВУЧИЯ: О ФОРМИРОВАНИИ МУЗЫКАЛЬНО-ЗВУКОВОГО МОДУСА В РОМАНАХ ДЖ. ДЖОЙСА И ДЖ. БАРНСА

В статье проводится компаративный анализ особенностей формирования музыкально-звукового модуса в поэтике романов Джеймса Джойса (1916) и Джулиана Барнса (2016) с точки зрения мультимодальности. Выраженность в тексте музыкального дискурса, рефрены мотивов, ритмическая организация нарративов свидетельствуют о значимости звуковых модусов для реализации авторских концепций двух произведений, что обусловливает актуальность их сопоставительного анализа.

Понятие *модальность* трактуется психолингвистикой как принадлежность к определенной сенсорной системе, обозначает характеристики ощущений, сигналов, стимулов, информации, рецепторов. Коммуникация мультимодальна по своей природе, предполагает вербальные и невербальные формы общения. В современных исследованиях термин *модальность* используется для обозначения сенсорных каналов восприятия (модусов). В когнитивной лингвистике он определяется как «один из кодов информации, включенный в понятие гибридизированного текста» [1, с. 58].

Модальность обладает социокультурной предопределенностью, имеет свою традицию моделирования и передачи информации в обществе. Для более глубокого понимания модальности необходимо проникновение в рассматриваемую культуру с учетом идей, верований, мировоззрения, ценностей, норм, социальных факторов, влияющих на жизнь всего общества и на индивидуальность человека.

Термин *мультимодальность* опирается на понимание модальности, принятое в психологии, нейрофизиологии и информатике. Модальность – это «тип внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь, зрением и слухом» [2, с. 134]. Мультимодальность предполагает формирование и передачу информации через разные модусы (текст, образ, речь, звуковой фон) соответствующих социокультурных конвенций. Исследователь Г. Кресс считает мультимодальными явлениями взаимодействия между вербальными текстами и изображениями, видео, речью и жестами, размером и цветом текста [3, p. 5]. Мультимодальным можно считать любой текст, соединяющий в себе различные семиотические коды и задействующий разные перцептивные каналы. Кресс подчеркивает: «Мультимодальный подход предполагает, что сообщение распространяется через все коммуникативные модусы-каналы. Если это так, то каждый модус – это лишь частичный носитель глобального значения сообщения» [3, p. 6]. Мультимодальность предусматривает одновременное использование разных

модусов: звукового, визуально-образного, цветового и любых иных при передаче информации с комбинированным вводом-выводом данных (multimodal application, multimodal interaction).

В литературном произведении мультимодальность предполагает функционирование каналов-модусов разной природы, по которым информация передается от автора произведения к читателю, то есть прочтение не только текста произведения. Например, когда мы анализируем отношения между персонажами художественного произведения, то, помимо собственно речевой формы общения, важно учитывать, например, просодию. По определению А. Кибрика, «просодия – это альтернативный несегментный звуковой канал». И далее: «Просодия – это несегментные аспекты звука. Сегменты – это фонемы, то есть дискретные элементы, а несегментные аспекты – это все то, что связано с интонацией, ударением, темпом, громкостью и иными характеристиками» [2, с. 136]. То, как персонаж относится к другому персонажу или объекту неживой природы, к искусству и к литературе иной страны, может быть выражено не прямым высказыванием в их адрес, а просодически, т.е. через создание особо достоверной, детально выписанной атмосферы, через тональность звучания текста, посредством звуковых и шумовых эффектов, воссоздаваемых в художественном пространстве произведения. Просодические или несегментные аспекты также являются носителями информации. Присутствие таковых в поэтике произведения свидетельствует о мультимодальности текстовой структуры.

Мультимодальность прослеживается в произведениях ряда современных англоязычных авторов, например, в рассказах молодых американских писателей С. Стейнберг и К. Рассел, в романах Дж. С. Фоера и Дж. Иган, экспериментирующих с линейностью и нелинейностью, а также в романе «The noise of time» (2016) британского писателя Джулиана Барнса.

Но еще столетие назад Джеймс Джойс в раннем романе «A Portrait of the Artist as a Young Man» (1916) уходил от линейности, наделял слово комплексом новых смыслов и значений, делая его видимым, осязаемым, звучащим и слышимым. В «Портрете» слово, структура фразы, организация отдельной главы или абзаца передают восприятие мира героем не только вербально, но и визуально, а также через создание звукового фона-дискурса, и посредством изменения ритма, тона, синтаксических и лексических особенностей текста.

Джойс нигде не говорит, сколько лет Стивену, нарратив передает возраст и взросление, развитие личности персонажа. Простые синтаксические конструкции на первых страницах романа воспроизводят образ мышления и восприятие маленького Стивена: «His father told him that story: his father looked at him through a glass: he had a fairy face» [4, p. 223]. Джойс знакомит читателя с персонажами романа через восприятие ребенка: “His mother had a nicer smell than his father” [4, p. 223]. С первой же страницы в текст романа вплетаются мелодии, которые играет и напевает у колыбели мать. Мир, окружающий младенца, показан через звуки и образы, а также запахи. Растет ребенок – меняются не только синтаксические конструкции в тексте

романа, меняется характер мышления и восприятие мира мальчиком. В нём по-прежнему присутствуют звуки: «He sat in a corner of the playroom pretending to watch a game of dominoes and once or twice he was able to hear for instant a little song of the gas» [4, p. 229]. Позднее гармонию звуков Стивен находит в поэзии:

«Stephen Dedalus is my name,
Ireland is my nation.
Clongowes is my dwellingplace
And haven my expectation.

He read the verses backwards, but then they were not poetry» [4, p. 231].

Передача особенностей восприятия мира Стивеном происходит не только через описание, прослеживается тенденция к замене рассказа показом, для чего постепенно усложняются структурно-стилистические особенности текста. Организационным принципом в стилевом единстве текста становится ритм. Каждый текстовый фрагмент, будь то размышления Стивена или комментарии эксплицитного нарратора, неизменно подчиняется то скрытому, то явному, но всегда явному ритмическому движению, что заметно в приведенных фрагментах. Следовательно, посыл автора, комплекс его мыслеобразов читатель может не только прочесть неоднократно (повторы ключевых мыслей), но и услышать. Читателю предлагается увидеть-проследить развитие персонажа, происходящие перемены в его мышлении, услышать, как постепенно меняется восприятие окружающего мира.

Стилистико-композиционные структуры в романе воплощают и общие закономерности развития искусства в его соотнесённости со становлением личности. Главы последовательно передают развитие повествовательных форм: от лепета младенца, от простейшей колыбельной песенки до сказки и далее, к усложненной и мультимодальной по способу развития смысла через ритм, патетической оркестровке дневниковых записей Стивена:

«April, 5

Wild spring. Scudding clouds. O life! Dark stream of swirling bogwater on which apple-trees have cast down their delicate flowers. Eyes of girls among the leaves. Girls demure and romping. All fair of auburn: no dark ones…» [4, p. 419].

Отдельные главы оформляются Джойсом в соответствии с разработанной им эстетической теорией и представляют разные виды искусства. На первой ступени писатель помещает лирическое искусство (первая глава романа о детстве героя), на второй – эпическое (вторая глава, рост и становление личности героя), на третей и высшей – искусство драматическое (зрелость как период самостоятельных решений и перемен, когда Стивен принимает решение покинуть Ирландию).

Умберто Эко рассматривает эстетическую концепцию Джойса как «оппозицию между классической концепцией формы и потребностью в более гибкой и “открытой” формулировке творчества и мира, в диалектике порядка и случая, в контрасте между миром средневековых “Сумм” и современной философией» [5, с. 19], подчеркивая феноменальную чуткость Джойса, как

бы способность видеть «сквозь время». Благодаря чуткости, музыкальности слуха Джойсу удалось создать роман-предтечу современных экспериментов по достижению мультимодального, то есть нелинейного нарратива, важная роль в котором отводится музыке: ритмическая организация текста прослеживается при прочтении. В текст романа, не считая аллюзий, включены более десяти фрагментов из фольклорных (ирландские баллады) и популярных песен, стихотворений У. Блейка, П. Б. Шелли, А. Попа и других авторов. Открытый финал романа – обращение Стивена к жизни, к старому мастеру, творцу и наставнику – также предполагает перекличку настоящего и прошлого. В раннем романе Джойса «полностью завершается позднесредневековый кризис схоластики и обретает форму космос, родившийся заново» [5, с. 77], набирают силу «ростки художественного мышления нового метода» [6, с. 129]. Кроме того, Джойс сумел создать произведение, обращенное в далекое будущее, предвосхитив время. Тем самым в поэтике его романа реализуется идея диалога с грядущим тысячелетием.

Роман «Шум времени» одного из самых оригинальных современных британских романистов Джулиана Барнса (*The Noise of Time*, 2016) удивительным образом напоминает ранний шедевр Джойса вниманием к звуковым и музыкальным сигналам воссоздаваемой в романе реальности, к деталям российской культуры изображаемого периода.

Каждый из романов организован по принципу трезвучия, в разных музыкальных тональностях. Трезву́чие – аккорд, состоящий из трех звуков, расположенных по терциям. Те́рция (лат. *tertia* ‘третья’) – музыкальный интервал шириной в три ступени, обозначается цифрой 3. Вспомним три ступени развития искусства в структуре романа Джойса, а также то, что каждой ступени (главе) в романе Джойса соответствует особая ритмическая организация. Три части романа Джойса менее связаны с музыкальной организацией, восходят прежде всего к образу «Троицы», единства Бога-отца, Бога-Сына и Святого Духа. Но тема искусства как высшего проявления жизни, определяющая лейтмотив романа Джойса, является ключевой и в романе Барнса. Искусство Барнс называет «шепотом истории», противопоставляя его «шуму времени», точнее, ставя его выше: «Art belongs to everybody and nobody. Art belongs to all time and no time. Art belongs to those who create it and those who savour it. Art no more belongs to the People and the Party than it once belonged to the aristocracy and the patron. Art is the whisper of history, heard above the noise of time. Art does not exist for art’s sake: it exists for people’s sake» [7].

Эпиграф из Овидия к роману Джойса (таблица), как и выраженный в романе комплекс идей, представляет отношение к искусству как к универсальному, возвышающему человеческий дух ремеслу, что характерно и для романа Барнса. Эпиграф к роману Барнса взят из русского фольклора, что также позволяет проследить преемственность прошлого и настоящего, придает роману характер притчи. И в этом есть определенное созвучие с романом Джойса, в основе и в подтексте которого лежит древний миф о Дедале и Икаре.

Эпиграфы к романам Дж. Барнса, Дж. Джойса

Дж. Барнс	Дж. Джойс
One to hear *One to remember* *And one to drink*	*Et ignotas animum dimittit in artes*
Кому слушать, *Кому на ус мотать,* *А кому горькую пить*	*...И к ремеслу незнакомому дух устремил*
Русский фольклор (пословица)	Овидий *Metamorphoses*, VIII, 18

Жанровые формулы романов Барнса и Джойса совпадают: гибридное повествование, в котором особенности биографического жанра сочетаются с особенностями художественной прозы. Создавая роман о жизни и творчестве российского композитора XX в. Дмитрия Шостаковича, Барнс завершает и публикует книгу в год 110-й годовщины со дня рождения композитора. Название романа – аллюзия на произведение одного из наиболее ярких российских поэтов Серебряного века Осипа Мандельштама. Вошедшие в сборник Мандельштама «Шум Времени» (1923) эссе и критические статьи написаны прозой, в которой прослеживается четкость ритма, свойственная поэзии и музыке: «Я помню хорошо глухие годы России – девяностые годы, их медленное оползание, их болезненное спокойствие, их глубокий провинциализм – тихую заводь: последнее убежище умирающего века» [8]. Музыкальные ассоциации вплетаются в повествование повсеместно, начиная с первых страниц, и порой совершенно неожиданно: «За утренним чаем разговоры о Дрейфусе, имена полковников Эстергази и Пикара, туманные споры о какой-то Крейцеровой Сонате и смене дирижеров за высоким пультом стеклянного Павловского вокзала, казавшейся мне сменой династий» [Там же].

Метафора в названии романа Барнса ассоциируется с тремя историко-культурными пластами:

- драматичной для российской культуры ситуацией 1937 года, когда Шостакович балансировал на грани жизни и смерти, находясь под угрозой ареста, а Осип Мандельштам погиб в лагерях спустя год;
- восприятием творчества Шостаковича официальными кругами, прессой, в которой музыку композитора называли «сумбуром», какофонией, то есть шумом; в результате опера композитора «Катерина Измайлова» оказалась под запретом на долгие 20 лет;
- насыщенным трагическими событиями и катаклизмами XX веком, с тоталитарным режимом.

В интервью с Познером Барнс назвал себя «a trans-genre writer» [9], избегая определения «постмодернизм», к которому ранее критики сводили его произведения. Выбор британским писателем в качестве центрального персонажа российского композитора Д. Шостаковича, показанного в разные периоды его жизни, свидетельствует о сходстве концепций романов: изобразить творческую личность на фоне времени, в процессе развития, в поиске творческих идей и самореализации. Фрагменты размышлений персонажа Барнса о сути искусства близки трактовке Джойса: «Music – good music, great music – had a hard, irreducible purity to it. It might be bitter and despairing and pessimistic, but it could never be cynical. If music is tragic, those with asses' ears accuse it of being cynical» [7].

Барнс акцентирует внимание на отношениях между режимом, властью и творческой личностью, Джойс – на влиянии догм церкви на стремящегося к свободе художника. Общее в концепциях романов – мотив власти над личностью, свобода творчества и догматизм. Мотив компромисса как отступничества, проявления слабости и двойственности выражен в книге Барнса. Художественные пространства произведений близки по способу изображения персонажа и реальности через просодические характеристики, порой сходство прослеживается в ритмической организации текста, наполненного фрагментами звучащих образов: «Faces, names, memories. Cut peat weighing down his hand. Swedish water birds flickering above his head. Fields of sunflowers. The smell of carnation oil. The warm, sweet smell of Nita coming off the tennis court» [7]. Такое сходство объясняется тем, что в центре каждого из романов – неординарная творческая личность, обладающая особой чуткостью и восприимчивостью окружающей действительности, развитым осязательно-слуховым восприятием мира.

Дмитрий Шостакович стал всемирно известным композитором в 20 лет, когда его Первая симфония прозвучала в концертных залах СССР, Европы и США. Через 10 лет оперы и балеты Шостаковича шли в ведущих театрах мира. Мать композитора была пианисткой, как у Стивена Дедалуса и у самого Джойса. В жизни Шостаковича было несколько периодов взлетов и падений, что также позволяет провести параллель с образом Стивена Дедалуса, литературного альтер-эго Дж. Джойса. Имя персонажа напоминает о древнем мифе, об извечном стремлении человека достичь солнца и о тщетности этих усилий. В 1936 г. Сталин слушал оперу композитора «Екатерина Измайлова», после чего в «Правде» вышла статья «Сумбур вместо музыки», оперу объявили «антинародной»: «Those in favour rarely stayed in favour; it was just a question of when they fell» [7].

Первая из трех частей романа о Шостаковиче – «На лестничной площадке» – повествует о периоде, когда композитора вызывали на допросы, критиковали в прессе и публично клеймили. По ночам он собирал вещи и с маленьким чемоданом в руке выходил на лестничную площадку, чтобы, в случае ареста, не подвергать опасности близких. С характерной для его авторской манеры иронией Джулиан Барнс изображает композитора как

противоречивую личность, сильного в творческих порывах, но подверженного внутренним метаниям, способного на двойственные поступки в реальной жизни, из-за сложности которой в его голове порой звучит какофония звуков: «The cacophony of sounds in his head. His father's voice, the waltzes and polkas he had played while courting Nita» [7].

Одна из особенностей музыкальных произведений Шостаковича заключалась в стремлении композитора передать «шум времени», характерные его приметы. «Я так слышу», – по свидетельству очевидцев говорил Шостакович в ответ на упреки в сложности восприятия создаваемых произведений. «Я так слышу войну», – говорил он о своей, пожалуй, наиболее известной Ленинградской симфонии, написанной в конце 1941 года [10, p. 19].

Большая часть романа Барнса написана в форме внутреннего монолога. Повествование развивается, двигаясь из юности в зрелость Шостаковича. Вторая и третья части романа содержат постоянные переклички «внешний мир – мир искусства – мир музыки». Бюрократические препоны для персонажа становятся приметой времени: «Bureaucrats assessed musical output as they did other categories of output; there were established norms, and deviations from those norms» [7]. Художественное пространство романа наполнено звуковыми приметами времени: песнями, которые горланят нищие в вагонах электричек, звуками улиц и криками болельщиков на стадионах: «The composer's ear found meaning in almost every combination and collaboration of sounds» [Там же]. В стремлении воспроизвести звуковую картину времени композитор оставался верен себе до конца жизни. Далеко не все принимали и позитивно оценивали его творчество. Артуро Тосканини по поводу исполненной и записанной им Седьмой симфонии Шостаковича позднее высказался следующим образом: «I asked myself, did I conduct that? Did I spend two weeks memorazing that symphony? Impossible. I was stupid! Did I really learn and conduct such junk?» [10, p. 20].

Музыкально-звуковой дискурс, ориентированный на ассоциативно-слуховое восприятие, оформляется из воспоминаний о произведениях, созданных композитором в течение жизни. Они переплетаются со звуковыми иллюстрациями до- и послевоенной Москвы, с конца тридцатых годов до шестидесятых, с размышлениями персонажа об искусстве и о его роли: «He plays for the people who can value his music. It doesn't matter what social position they have. He who has ears, let him hear» [7]. Акцентация на слуховом восприятии, на способности человека услышать музыку, достичь чистоты звучания, становится мерилом личностной целостности и духовной ценности. Размышления композитора о прошлом России также насыщены звучащими образами: «He likes striking clock. And he has several striking clocks. It's interesting to imagine a house where all clocks are striking at the same time. Where every hour the gold combination of sounds takes place, such a domestic, homish variant of the sound that was heard in the ancient small and big Russian towns where all the bells were striking simultaneously» [Там же].

Мультимодальность обусловлена ритмической организацией нарратива, тональностью оригинального текста, меняющейся от первой ко второй и третьей частям произведения, что опять же напоминает художественную манеру Джойса: «There could be a smugness to irony … You woke up one morning and no longer knew if your tongue was in your cheek; and even if it was, whether that mattered any more» [7].

Оригинальность поэтики романа выражена с первых страниц: читателю предлагается дайджест биографических подробностей из жизни Шостаковича. Начальная часть романа подобна не имеющей строгой формы музыкальной прелюдии, из отдельных фрагментов которой впоследствии развиваются актуальные для автора мотивы. Наиболее актуальные звучат рефренами через всё повествование, свидетельствуя о намерении автора компоновать книгу музыкально, лейтмотивно, основываясь на повторе, метафоре и ассоциации. Один из таких мотивов – воспоминание о родительской даче Шостаковичей, о диспропорции просторных комнат и крохотных окон. Смешение грандиозного, высокого и низкого, низменного и величественного далее разворачивается как метафора трагического парадокса всей жизни композитора: «Tragedies in hind sight look like farces» [Там же].

Мультимодальность, актуальная для современной языковой реальности, оформляется в художественном пространстве романа Барнса прежде всего как модус, ориентированный на слуховое восприятие нарратива, на создание звуковой атмосферы изображаемого времени, музыка прослеживается между строк и вне слов: «Music escapes from words: that is its purpose, and its majesty» [Там же].

Но еще в начале XX в. Джойс разрабатывал мультимодальные нарративные стратегии, предсказывая современные тенденции. В поэтике его романа прослеживаются музыкально-звуковой, собственно-текстовый (дневниковые записи) и визуальный модусы, усложняющие подтекстовое пространство произведения и его рецептивные связи. В концепциях двух романов рассматривается творческий процесс, вскрываются несовершенства и противоречия творческой личности, проявляющиеся во взаимоотношениях с обществом. Внутренний монолог занимает большую часть нарратива каждого произведения. Романы Джойса и Барнса написаны в трех частях, по принципу трезвучия, каждая часть развивается в разных тональностях и ритмах. Выраженность музыкального дискурса, рефрены мотивов свидетельствуют о значимости звукового модуса для развития авторской концепции как Джойса, так и Барнса, что обусловливает актуальность их сопоставительного анализа. Романы Джойса и Барнса были опубликованы с интервалом ровно в сто лет. Преемственность, которая прослеживается при сопоставлении поэтики произведений, символизирует диалог столетий, реализуя «принцип межкультурной диффузии» [11, с. 319]. Происходит перекличка эпох, в стремительном движении которых не растворяются, а перекликаются и наследуются, находя продолжение и развитие, оригинальные творческие решения. Преодолевая границы и расстояния, в едином диалоге звучат голоса разных культур, стран и эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Казакова Л. Н.* Метафоризация в профессиональном дискурсе как способ формирования моно- и мультимодальных фразеологизмов / Л. Н. Казакова // Изв. ЮЗГУ, 2016. – Лингвистика и педагогика. – № 3. – С. 58–65.
2. *Кибрик А. А.* Мультимодальная лингвистика / А. А. Кибрик // Cognitive researches. – М., 2010. – Р. 134–152.
3. *Kress, G. R.* Multimodal Discourse: the modes and media of contemporary communication / G. R. Kress, Th. V. Leeuwen. – London, 2002. – 350 p.
4. *Joyce, J.* Dubliners. A Portrait of the Artist as a young man / J. Joyce. – М. : Прогресс, 1982. – 582 p.
5. *Эко, У.* Поэтики Джойса / У. Эко. – М. : АСТ, 2015. – 445 с.
6. *Гениева, Е. Ю.* Джеймс Джойс и «Портрет митця замолоду» / Е. Ю. Гениева, // Всесвіт. – 1975. – № 6. – С. 129–131.
7. *Barnes, J.* The Noise of Time. London Univeristy Press [Electronic resource] / J. Barnes. – Режим доступа : https://www.nytimes.com/2016/05/15/books/review/the-noise-of-time-by-julian-barnes.html. – Дата доступа : 19.03.2015.
8. *Мандельштам, О.* Шум времени [Электронный ресурс] / О. Мандельштам. – Режим доступа : http://lib.ru/POEZIQ// MANDELSHTAM/shum_wremeni.txt.
9. *Познер, В.* Гость – Джулиан Барнс (Вып. от 26.12.2016) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://www.youtube.com/watch?v=MLOBAH26LoI. – Дата доступа : 18.04.2019.
11. *Feofanov, D.* Shostakovich reconsidered / D. Feofanov. – N. Y. : Toccata Press, 1998. – 110 p.
12. *Казакова, Л. Н.* От многомерности художественного пространства до взаимодействия жанрових форм: Дж. Джойс. «Портрет художника в молодости» – Дж. Хеллер. «Портрет художника в старости» / Л. Н. Казакова // Американський модернізм: контекст, постаті. Післяпостмодерністський погляд. Американские литературные студии в Украине. – Київ : Факт, 2008. – С. 309–319.

This article comprises a comparative research of the peculiarities of musical and sound modalities in the poetics of two novels: by J. Joyce (1916) and J. Barnes (2016). The specificity and importance of their musical discourses, the refrain of motifs and rhythmical organization of narratives confirm the topicality of the musical and sound modalities for the development of the authors' poetic conceptions, which proves relevance of their comparative analysis.

Поступила в редакцию 19.04.2019

С. У. Калядка

ЭМАТЫЎНАСЦЬ ПАЭТЫЧНАГА СІНТАКСІСУ

В статье описывается явление эмотивности поэтического текста в непосредственном его выявлении в синтаксических конструкциях и синтаксической организации стихотворной речи. Выдвигается положение, что анализ поэтического произведения через приз-

му разных уровней поэтического текста позволяет отобразить различные способы раскрытия в них авторской эмоциональности. В статье позиционируется традиционный подход к поэтическому тексту, который базируется на анализе метрики, ритмики, интонации, риторических и синтаксических фигур, на специфике словоразмещения в поэтической строке, их лексической характеристике. Теоретические аспекты эмотивности рассматриваются на примерах анализа поэтических произведений белорусской поэтессы Евгении Янищиц.

Сутнасць традыцыйнага падыходу да аналізу паэтычнага сінтаксісу абумоўлена разглядам твора як эстэтычнай з'явы, звязанай з экспрэсіўнай і эмацыянальнай функцыяй сінтаксічных канструкцый. Грунтуецца наша выснова на агульнапрынятай тэзе традыцыйнай паэтыкі (тэорыі літаратурнага твора) аб надзеленасці паэтычнай мовы большай эмацыянальнасцю, чым празаічная.

Эматыўнасць вобраза, выказвання ў паэтычным творы, у значнай ступені залежыць ад кантэксту, атрымліваючы больш яркае выражэнне ці, наадварот, аслабленае, у сувязі з іншымі элементамі твора, набываючы эмацыянальную нагрузку ці яе значна павялічваючы і г.д. Кантэкстам для выяўлення эмоцыі становіцца таксама структура твора, у прыватнасці сінтаксічная будова выказвання, у якім, дзякуючы пастаяннаму ўплыву дыфузнасці і сынкрэтызму, адны элементы вылучаюцца на пярэдні план, другія зрушваюцца ці нейтралізуюцца, трэція служаць грунтам для аўтарскіх акцэнтаванняў. Як адзначае В. П. Рагойша, «сінтаксіс паэтычны – сістэма сінтаксічнай арганізацыі вершаванай мовы. Сінтаксіс паэтычны знаходзіцца ў арганічнай еднасці з рытмам, узаемадзейнічае з ім. Сінтаксіс вершаванай мовы больш складаны, чым сінтаксіс празаічнай мовы…»

Да сінтаксісу паэтычнага перш за ўсё адносяцца рытарычныя фігуры, розныя віды і формы стылістычных, або сінтаксічных, фігур (градацыя, недасказ, паралелізм, разнастайныя паўторы (анафара, эпіфара, кальцо, падваенне, сімплака, шматзлучнікавасць і інш.), усе віды і формы парушэння звычайнай сінтаксічнай ці лагічнай сувязі паміж словамі ўнутры вершаваных радкоў (інверсія, анакалуф, эліпс, амфібалія, недасказ), супастаўленне і супрацьпастаўленне гэтых радкоў, групоўка іх у пэўныя інтанацыйна-сінтаксічныя адзінствы (паралелізм, перанос, антытэза, ампліфікацыя, перыяд сінтаксічны і інш.)» [1, с. 143]. Кожная з гэтых рытарычных ці сінтаксічных (стылістычных) фігур або іх канфігурацыі ў канкрэтным кантэксце маюць свае функцыі і ўзмацняюць эстэтычную выразнасць і эмацыянальнасць выказвання, адыгрываюць у творы сваю выяўленчую ролю. Улічваючы тэзу аб эканоміі сродкаў і цеснаце вершаванага радка (выраз Ю. М. Тынянава), сінтаксічныя фігуры бяруць на сябе дадатковую сэнсава-эмацыянальную нагрузку, дапамагаючы аўтару глыбей раскрыць пачуцці, перажыванні, эмоцыі, выразней раскрыць сэнс вобразнай думкі. Паэтычны сінтаксіс належыць у роўнай ступені і плану выражэння, і плану выяўлення: аўтар не толькі шукае найменне для думкі, але іншым разам прадумвае, у якім кантэксце яна павінна загучаць, якія сродкі павінны яе ўзмацняць, пры якіх умовах чытач яе адчуе і зразумее.

Паэт Алесь Разанаў некалі заўважыў: «Змест і форма ў творы не супадаюць, а ўзаемадзейнічаюць. Яго мадэль уяўляе не славутую «шклянку з вадою», а, хутчэй, мадэль рэха – з множнасцю формаў і множнасцю зместаў, дзе тое, што было зместам для папярэдняй формы, само становіцца формай для наступнага зместу» [2, с. 188]. Адзін паэтычны вобраз можа прадукаваць сотні спосабаў свайго раскрыцця ў творы – гэтым і адрозніваецца мастацкая літаратура, напрыклад, ад фактаграфічных сродкаў масавай інфармацыі ці дакументальнай хронікі. Так і адна эмоцыя можа ўваходзіць у розныя паэтычныя кантэксты і на розныя ўзроўні арганізацыі тэксту і ў кожны з іх уносіць свае адценні сэнсу.

Мы не ставім задачу прааналізаваць усе вышэйпералічаныя сінтаксічныя і рытарычныя фігуры і прыёмы, названыя В. П. Рагойшам (гэтаму можна прысвяціць асобнае даследаванне), нам важна акрэсліць уздзеянне паэтычнага сінтаксісу на перадачу сэнсу, раскрыццё вобраза, выяўленне эматыўных інтэнцый аўтара. Тэндэнцыі паэтычнай мовы да максімальнай выразнасці, маляўнічасці, метафарычнасці звязаны з паэтычным сінтаксісам і інтанацыяй, з рытмічнай арганізацыяй твора, якія выступаюць адным са спосабаў перадачы аўтарскай індывідуалізацыі і ўнікальнасці яго (аўтара) мастацкага свету. У літаратуразнаўчых даследаваннях не аднойчы адзначалася, што наватарства ў большасці залежыць ад таленту аўтара ў знаёмым разгледзець незнаёмае, у здольнасці гаварыць пра знаёмае як пра незнаёмае і ўмець увесці знаёмае ў незнаёмы кантэкст. Некалі К. Маркс называў мову непасрэднай рэчаіснасцю вобраза, аднак гэта не толькі верыфікаваная плошча для разгортвання думкі, пачуцця, перажывання, эмоцыі, гэта таксама і моўная структура, што мадэлюецца падчас стварэння верша, у якой гэты вобраз крыталізуецца. Пры прачытанні верша чытач, з аднаго боку, успрымае тэкст як цэласную структуру, з другога боку – уздельнічае ў паэтапным, ад страфы да страфы, яго ўспрыманні і асэнсаванні, гэта значыць становіцца ўключаным у працэсуальнасць яго ўтварэння постфактум. Зразумела, што за кадрам рэчаіснага быцця твора застаецца карпатлівая праца пісьменніка над словам, у якой значная роля належыць адбору і кантэкстуальнаму збліжэнню тых слоў, якія выступаюць сутнаснымі ўласцівасцямі канкрэтнага паэтычнага вобраза. Кантэкст для вобразнага слова – гэта і сінтаксіс, і інтанацыя, і сістэма пабудовы паэтычнага выказвання, і набор тропаў, з дапамогай чаго дасягаецца «ўзгадненне» ідэйнага зместу з яго фармальнымі асаблівасцямі.

Эмацыянальнасць, эматыўнасць – гэта велічыні пастаянныя, кшталту аксіомы, характэрныя для паэзіі апрыёры як роду літаратуры і віду мастацкай дзейнасці. Эмацыянальнасць аўтара раскрываецца праз максімальна павышаныя суб’ектыўна-эмацыянальныя адносіны да прадмета рэфлексіі, да адлюстраваных у творы вобразаў, з’яў, падзей і г.д. «Верш уяўляе сабой найбольш згушчаную, сканцэнтраваную, гіпербалічную форму эмацыянальна афарбаванага маўлення, дзе значна адчувальна кожнае слова, кожная паўза, гук, тэмп маўлення і г.д.» [3, с. 103]. Гэтая вылучанасць кожнага паэтычнага сродка ў тэксце, яго тэкстаўтваральны і стылеўтваральны патэнцыял з’яўля-

юцца прадметам нашага даследавання. Фігурацыя мовы можа дасягацца як пераўтварэннямі ў пабудове фразы, так і пераўтварэннямі ў яе змесце, і ў выніку выступаць з'явай індывідуальнага стылю аўтара.

Звернемся да верша Я. Янішчыц «Пісьмо ў Прылукі», змешчанага ў зборніку «Снежныя грамніцы» (1971):

Што там у Вас, за горадам?
Вясна? Вяселле?!
Пераблытала поры года.
Я ў Асеннім.
Перапоўнены вільгаццю вочы.
Пэўна, выліцца хочуць
Паводкай вясенняй…
Пераблытала дні і ночы.
Я ў Асеннім.
Тут мне добра. Выдумкам цесна.
Загараюцца словы ўначы.
І тады твая песня
Белагрудай чайкай крычыць.
Удаль працягнуты тонкія рукі.
Гаварыце, Прылукі!
Вам – надзеі. А мне – разлукі.
Гаварыце, Прылукі.
Што за горадам спее зараз?
Клопат? Натхненне?!
Пераблытала час і адрас.
Я ў Асеннім. [4, с. 75]

Выбар верша абумоўлены манерай выкладання думак, не зусім характэрнай для творчага метаду Яўгеніі Янішчыц, наяўнасцю менш дыстанцыяванага дыялогу з чытачом за кошт звароту да больш нязмушана-размоўнай інтанацыі, рубленых радкоў з рознымі сінтаксічнымі канструкцыямі і памерам. Жанр твора паэтэса вызначыла сама – пісьмо. Насамрэч стылістыка тэксту больш нагадвае тэлеграму. Верш астрафічны, мае няцотную колькасць радкоў – 21. Рыфмоўка неўпарадкаваная, рыфма жаночая, за выключэннем трох радкоў, націруецца наступным чынам: АБАБВВБВБГдГдЕЕЕЕЖБЖБ. Гэта дольнік. Метрычная аснова – трохскладовая. Міжнаціскныя інтэрвалы займаюць адзін-два склады. Тэлеграфічнасць рытмікі, неўпарадкаванасць чаргавання двух-, трох-, і чатырохіктавых радкоў, экспрэсіўнасць сінтаксісу (пытальнікі, клічнікі, шматкроп'е, працяжнікі, кароткія сказы) надаюць вершу непаўторную інтанацыю. Важным кампазіцыйным элементам твора выступае гукавая анафара – гук «п» пачынае ў вершы шэсць радкоў, з іх чатыры ідуць адзін за адным. Сінтаксічны паралелізм прысутнічае ў афармленні многіх сказаў: у большасці выпадкаў сказы пачынаюцца дзеясловамі; пабудова сказаў з працяжнікамі паўтараецца; клічнікавыя сказы ўяўляюць сабой пералік аднасастаўных намінатыўных сказаў у пачатку

і канцы твора («Вясна? Вяселле?!» – «Клопат? Натхненне?!»); яшчэ адзін аднасастаўны пэўна-асабовы сказ са зваротам «Гаварыце, Прылукі!» паўтараецца двойчы з рознымі камунікатыўнымі ўстаноўкамі (з выклічнікам і апавядальнай інтанацыяй); эліптычны сказ «Я ў Асеннім» паўтараецца тройчы, узмацняючы экспрэсію выказванняў, рэфрэнам праходзячы па розных строфах; абыгрываюцца ў розных кантэкстах пытальныя сказы з паўторамі («Што там у Вас за горадам?» – «Што за горадам спее зараз?»). У творы Яўгеніі Янішчыц таксама выяўляюцца рысы аратарскага верша – у пастаноўцы пытанняў, якія ў паэтычным творы набываюць рытарычны характар, бо мы так і не пачуем на іх адказы. Клічнікі, пытальнікі, звароты заўсёды разглядаюцца ў традыцыйным літаратуразнаўстве як знакі эмацыянальнасці, патэтычнасці.

Увесь тэкст складаецца з аднарадковых і двухрадковых сказаў-выказванняў, аднак большасць складаюць аднарадковыя. Інтанацыйна-сінтаксічнае і рытмічнае чляненне маўлення як супадае, падтрымліваючы і ўзмацняючы адно другое, так і не супадае. Яўгенія Янішчыц у некаторых выпадках пераносіць радок на другі, аднак ён не спыняецца на сярэдзіне (прыём называецца *анжамбеман*), а даводзіцца да канца без перабіўкі рытму. Пры гэтым паэтэса часта паўтарае некаторыя словы, кшталту *пераблытала*, *за горадам*, абыгрываючы іх значэнні ў разнастайных кантэкстах з рознымі настроямі. У падобным абыгрыванні слоў, ва ўзмацненні эмацыянальнай выразнасці выказвання, што дасягаецца зменай інтанацыі і ўжываннем розных рытарычных фігур, знаходзіць выяўленне стылістычны прыём *эмфаза*. Увогуле, у вершы «Пісьмо ў Прылукі» Яўгенія Янішчыц часта карыстаецца *эмфатычнымі паўзамі* (суправаджаюцца працяжнікамі, пытальнікамі пасля кожнага слова), якія адлюстроўваюць эмацыянальнасць мовы, яе няроўнасць, перарывістасць, акцэнтуюць увагу на самым важным для аўтара ў яе рэфлексіі. Рэзкі перарыў у эмацыянальнай мове лірычнай гераіні суправаджаецца шматкроп’ем.

Калі звярнуцца да лексікі названага верша, то яго асноўны змест складаюць агульнаўжывальныя і метафарычныя словы і выразы (з пераносным значэннем – вочы «выліцца хочуць паводкай асенняй», «выдумкам цесна», «загараюцца словы ўначы», клопат, натхненне «за горадам спее зараз», з параўнаннем – песня «чайкай крычыць»), якія ў сваім чаргаванні ў сказах з нізкай і высокай эмацыянальнасцю перадаюць своеасаблівую экспрэсіўнасць, прыўзнятасць, паэтычнасць лексікі і надаюць зместу сінтаксічных канструкцый розную танальнасць. А значыць, дыяпазон лексічнага матэрыялу – ад даверлівага тону размовы да прыўзнятага эмацыянальнага элегічнага роздуму – скіраваны на выяўленне мноства адценняў настрою лірычнага героя.

Такім чынам, інтанацыя жывой мовы з яе нязмушанасцю, эмацыянальнай няроўнасцю выяўляецца ў роўнай ступені як праз структуру сінтаксічных адзінак, так і праз іх змест, напоўненасць пэўнай лексікай. Выразнасць і экспрэсія верша абумоўлена таксама адсутнасцю сістэмы і ўпарадкаванасці

ў чаргаванні сказаў, розных па сінтаксічнай будове, карэлюе з наяўнасцю галоўных членаў сказаў, з напоўненасцю сказа даданымі членамі і г.д. Эфект узаемадзеяння ўсіх апісаных намі сродкаў, фігур і іх канфігурацый у творы звязаны з гучаннем тэксту ў розных танальнасцях і ў выніку з характарам фарміравання індывідуальна-аўтарскага стылю.

Калі традыцыйны падыход да верша грунтуецца на аналізе метрыкі, рытмікі, інтанацыі, рытарычных і сінтаксічных фігур, на спецыфіцы слова-размяшчэння ў паэтычным радку, іх лексічнай характарыстыцы, то ў розных канцэпцыях літаратурнага твора ўлічваюцца таксама шматлікія іншыя аспекты паэтычнага сінтаксісу, якія могуць быць выяўлены пры ўдумлівым прачытанні і далучэнні аналітычнага метаду інтэрпрэтацыі – гэта значыць пры герменеўтычным падыходзе да аналізу твора.

Звернемся яшчэ раз да верша Я. Янішчыц «Пісьмо ў Прылукі». У творы няма расшыфроўкі імені адрасата пісьма, не указана канкрэтная асоба, да якой звяртаецца аўтар. Але ж верш прысвечаны Варлену Бечыку, беларускаму літаратуразнаўцы і крытыку, які даследаваў творчасць паэтэсы, аналізаваў некаторыя яе творы ў раздзеле «Наабапал вышыні» ў зборніку «Прад высокаю красою…: літаратурна-крытычныя артыкулы» (1984), неаднойчы пра яе пісаў у іншых навуковых працах. Адсюль даверлівасць інтанацыі ў першых радках звароту да свайго наяўна-ўяўнага суразмоўніка. З аднаго боку, наяўнасць абумоўлена прысутнасцю безадраснага «Вас» у пачатку верша, а ўяўнасць – адсутнасцю яго рэальнага вобразу, спасылкі на жывую канкрэтную асобу. З другога боку, у вершы разыгрываецца ролевая сцэнка, у якой актыўная роля належыць аўтару/лірычнаму герою, а субяседнік – пасіўная фігура. У першых двух радках, дзякуючы пытальным сказам, звернутым да суразмоўніка, яго пасіўнасць ажывае, хранатоп «прывязваецца» да месца «за горадам», дзе ён жыве/знаходзіцца, і паўстае арганізацыйным цэнтрам, у якім завязваецца сюжэтны вузел з няпэўнай эматыўнай устаноўкай: лірычнай гераіні ўсё роўна, дзе апынуцца – ці ў «вясне», ці на «вяселлі», але ў гэтым загарадным месцы. Пазней субяседнік зноў апынаецца на паверхні ўяўнай дыялагічнай прасторы твора, дзякуючы з’яўленню пабуджальных сказаў: «Гаварыце, Прылукі!». Прычым Яўгенія Янішчыц карыстаецца мастацкім тропам – сінекдахай – і найменне прыватнага ці часткі (свайго суразмоўніка – «Вы») яна пераносіць на агульнае ці цэлае (Прылукі – месца яго пражывання). У фінальнай частцы верша субяседнік зноў паўстае ўяўна абазначанай фігурай дыялагічнага дыскурсу праз звернутыя да яго пытанні: «Што за горадам спее зараз? Клопат? Натхненне?». Гэты хранатоп становіцца ўвасабленнем сюжэтнага вузла развязкі. Тут паэтэса паглыбляецца ў эмацыянальнае як характарыстыку таго ж месца «за горадам», але ўжо з іншымі канатацыямі, узмоцненымі метафарай «спее клопат, натхненне». У выніку разрыву паміж часам і прасторай з «вясенне-вясельнымі» эматыўнымі каардынатамі у першай частцы твора і «клопатна-натхняльнымі» ў фінальнай частцы вылучаецца сістэма хранатопаў, якая прадвызначае структуру твора. Рух ад жаданага трапляння

ў «вясну» да выхаду з гэтай «вясны» ў клопатным настроі перапыняе рэфлексія гераіні адносна яе самаадчування ў новым для яе месцы нараджэння новых творчых ідэй, дзе «выдумкам цесна». У асобным эматыўна-дамінантным хранатопе «Я ў Асеннім» (*Прылукі* метафарызаваліся ў эмацыянальна-сэнсавае азначэнне *Асенняе* паводле крытэрыяў асобаснай ацэнкі/эмацыянальнага водгуку) знаходзіцца лірычная гераіня, якая на пэўны час стала часткай месца «за горадам», прычым у псіхалагічным плане яе стан можна акрэсліць з дапамогай сказаў з паўтаральным дзеясловам: «Пераблытала поры года», «Пераблытала дні і ночы», «Пераблытала час і адрас», – у якім фіксуецца «внеположная» (*у* і *па-за* кантэкстам азначанага хранатопу адначасова) прысутнасць яе свядомасці, паддадзенай эмацыянальнай няўстойлівасці, хаатычнасці настрояў. Чытач успрымае гераіню як носьбіта ўзнёслай натуры, павышанай эмацыянальнасці, яна «загараецца» ў сітуацыі прысутнасці суразмоўніка, які яе разумее.

Эмфатычная паўза звязана з падзелам радка на два сказы: «Тут мне добра. / Выдумкам цесна», «Вам – надзеі. А мне – разлукі» – і гэта драбленне выказвання на мікратэксты ўтварае своеасаблівае кадрыраванне верша. Кадры, калі іх скласці ў паслядоўнасці, перадаюць дынаміку эмацыянальных станаў: перапоўненыя вільгаццю вочы – загарэўшыя ўначы словы – працягнутыя тонкія рукі – разлука. Нестрафічны верш можна падзяліць на эмацыянальна-сэнсавыя, сінтаксічна няроўныя групы – эматэмы, у кожнай з якіх вылучаецца ў якасці дамінанты адна эмоцыя. Трапляючы ў розныя хранатопы, гэтыя эмоцыі не толькі становяцца эксплікатарамі ўнутраных перажыванняў, але і прадвызначаюць рух і суадносіны ў гэтым руху часу і прасторы з пэўнымі эматыўнымі ўстаноўкамі.

У нашым аналізе мы адлюстравалі голасавядзенне з дамінантай монавыказвання лірычнага героя і віртуальнай прысутнасцю ў тэксце субяседніка, які паўстае прыхаванай, нябачнай выяўленай фігурай.

Такім чынам, фактары эмацыянальнасці (эмацыянальна маркіраваная лексіка, эмацыянальна зараджаныя словы, экспрэсіўны сінтаксіс з яго рытарычнымі і сінтаксічнымі фігурамі і сродкамі і інш.) і эматыўнасці (вобразы-эматывы, эматыўныя стратэгіі, прывязаныя да хранатопу і інш.) раскрываюцца на інтанацыйна-сінтаксічным, рытмічным, інтанацыйным узроўнях арганізацыі тэксту. У паэзіі Яўгеніі Янішчыц розныя сінтаксічныя сродкі актыўна спалучаюцца і ўзаемадзейнічаюць у разнастайных эматыўна-сэнсавых плоскасцях тэксту, структурыруюць тэкст, арганізуюць паэтычны сінтаксіс. Неаўтарскія словы адносяцца да розных ўзроўняў сінтаксічных канструкцый не толькі ў якасці адзінкавых тэкставых украпін ці лакальных тэкставых эпізодаў, але і ў якасці тэкстаўтваральных эматыўных фактараў паэтычнай мовы. Аўтар прадвызначае паслядоўнасць з'яўлення ў творы розных галасоў і ў дачыненні да структуры наяўнага/уяўнага дыялогу выступае своеасаблівым наратарам, які размяркоўвае ролі. Адыход паэта ад строгіх схем эмацыянальна-нейтральнай мовы і сінтаксісу прысутнічае ў той ці іншай ступені ў творчасці Я. Янішчыц, гэта дапамагае нам акрэсліць тып аўтарскай

эмацыянальнасці, выявіць індывідуальна-аўтарскія імправізацыі з формай і зместам твора, асацыятыўнае багацце вобразных увасабленняў, пазначаных прысутнасцю эмоцый.

ЛІТАРАТУРА

1. *Рагойша, В. П.* Паэтычны слоўнік / В. П. Рагойша. – 3-е выд., дапрац. і дап. – Мінск : Беларус. навука, 2004. – 637 с.
2. *Разанаў, А.* Паляванне ў райскай даліне: Версэты. Паэмы. Пункціры. Вершаказы. З Вяліміра Хлебнікава. Зномы / А. Разанаў; маст. С. В. Чарановіч. – Мінск : Маст. літ., 1995. – 287 с.
3. *Крупянкова, А. А.* Моўныя сродкі стварэння эмацыянальна-ацэначнай канатацыі ў паэзіі Яўгеніі Янішчыц / А. А. Крупянкова // Актуальные проблемы филологии: сб. науч. ст. / УО «Гомел. гос. ун-т им. Франциска Скорины». – 2013. – Вып. 6. – С. 103–107.
4. Яўгенія Янішчыц: творы, жыццяпіс, каментарыі: у 4 т. / уклад: С. У. Калядка, Т. П. Аўсяннікава; рэд. тома Л. Г. Кісялёва.– Мінск : Беларус. навука, 2016. – Т. 1. – 599 с.

This article deals with the representation of emotion in poetic syntax. It analyzes emotionally marked vocabulary, emotionally charged words, expressive syntax with its rhetorical and syntactic figures and means in Eugenia Janischitz poetic works.

Поступила в редакцию 22.01.2019

Е. В. Романовская

ОБРАЗЫ КИТАЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ И СПОСОБЫ ИХ ПЕРЕДАЧИ СРЕДСТВАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье дана характеристика традиционного восприятия художественного образа китайской поэзии; описаны категории китайской поэтики «исян» и «ицзин»; раскрыта соотнесенность художественного образа с определенной этической категорией, исторической личностью, культурной реалией. В зависимости от сходства либо различия семантики образа в культурах оригинала и перевода предлагаются определенные способы перевода (буквальный перевод, подбор функционального аналога или описательный перевод).

Художественный образ является одним из центральных элементов художественного произведения, а само искусство иногда представляется как «способ мышления художественными образами» [1]. Вопрос о сущности художественного образа в литературных произведениях интересовал многих ученых (А. А. Потебня, Н. Д. Арутюнова, Б. В. Томашевский, П. В. Палиевский). Проблему передачи образов китайских классических стихов при переводе рассматривали в своих работах В. М. Алексеев, Л. Н. Меньшиков, Л. З. Эйдлин, О. М. Городецкая, И. С. Смирнов и др.

Под художественным образом обычно понимается «присущий искусству способ отображения и преобразования действительности» [2]. Существует множество определений художественного образа: «способ и форма освоения действительности в искусстве, характеризующиеся нераздельным единством чувственных и смысловых моментов» [2]; «обобщенное художественное восприятие действительности, облеченное в форму конкретного индивидуального явления» [3, с. 682]. К функциям художественного образа обычно относят эстетическую (вызывает эстетическое переживание), коммуникативную (способствует включению в межличностную и межкультурную коммуникацию), познавательную (помогает открыть новые грани окружающего мира).

В китайском стихосложении понятию образа соответствует термин «исян» (*意象*, букв. ‘мысль [и] изображение’), впервые появившийся в трактате Лю Се «Резной дракон литературной мысли» (V–VI вв.). Как отмечают китайские исследователи, «образ – это объективное явление в сочетании с субъективным чувством, либо субъективное чувство, выраженное посредством объективного явления» *(意象是融入了主观情意的客观物象，或者是借助客观物象表现出来的主观情意)* [4].

С понятием образа «исян» тесно связано понятие «ицзин» (*意境*) – «мысленное представление» (букв.: мысль [и] место): *意境是情与境和谐的统一* ‘ицзин – это гармоничное единство [внутреннего] чувства и внешних условий’ [5, с. 135]. Объясняя сущность приема «ицзин», китайские комментаторы приводят в качестве примера стихотворение Лю Цзунъюаня «Снег над рекой» (柳宗元《江雪》): *“千山鸟飞绝，／万径人踪灭。／孤舟蓑笠翁，／独钓寒江雪”。 作者把天寒地冻(意象)、人鸟绝迹(意象)的雪景垂钓（合称“境»)与自己遭到贬斥以后孤独无援的心情(意)融为一体，创造了一种凄清孤寂的境界，这便是意境。*‘[Среди] тысячи гор больше не летают птицы, / [На] десяти тысячах тропинок исчезли следы людей. / [В] одинокой лодке старик в травяном плаще и бамбуковой шляпе, / Одиноко удит [в] снегу студеной реки»’. Автор соединяет в одно целое рыбака, снежный пейзаж, включающий студеный день (образ), отсутствие людей и птиц (образ) – образы в целом именуются «цзин»; ощущение одиночества и беспомощности после понижения в должности, то есть собственное настроение («и») – все это создает печальную и тихую картину, именно в этом состоит «ицзин» [5, с. 135]. В образах одинокого рыбака, заснеженной реки скрываются личные переживания автора (одиночество, горечь и разочарование, вызванные понижением в должности), хотя в явном виде параллель с личными переживаниями автора не проводится.

Понятие образа в теории китайского стихосложения так же, как и в западной традиции, включает изображение некоторого элемента внешней действительности и имплицитную информацию о мыслях и чувствах человека. Образ выступает своеобразным связующим звеном между изображением внешнего мира и внутреннего состояния человека. Вместе с тем есть важные отличия в традиционном и современном понимании художествен-

ного образа. Для современного читателя (как на Западе, так и на Востоке) характерно доминирование установки на новизну, что проявляется и в восприятии образной основы художественного произведения. Современными читателями ценятся, прежде всего, оригинальные, неожиданные, яркие образы. Подобная точка зрения отражена в словаре литературоведческих терминов: «Если в науке общее как бы вбирает в себя индивидуальное, то в искусстве происходит обратный процесс: в художественном образе общее выступает в своем индивидуальном своеобразии и неповторимости» [6, с. 242][1].

Китайской классической поэзии свойственен совершенно иной подход. Одним из ее основных характерных свойств является традиционность, которая заключается в использовании заданных лирических ситуаций и сюжетов, воспроизводимых в явном виде или в виде аллюзий, прямых или косвенных цитат, реминисценций, словесных клише и других форм так называемых «дяньгу», т.е. обращений к древним книгам, предшествующим письменным источникам[2]. Как пишет М. Е. Кравцова, « …самобытность признанных шедевров китайской поэзии тоже будет весьма условной, если их оценивать с позиций европейской эстетики. Ведь творческая индивидуальность и стилистическое мастерство их создателей нередко воплощаются в малоприметных и малопонятных для европейского читателя нюансах: это и обыгрывание, например, принятых образов и лексических клише, и неожиданное столкновение поэтических формул, восходящих к различным письменным источникам и литературным традициям, и новая грань знакомого сюжета или привнесение в повествование свежей интонации» [8, с. 25].

Устойчивость, повторяемость характерна и для всей образной системы китайской классической поэзии. Китайскому читателю была нужна «узнаваемость» образов, возможность возвращения к уже известным образам и сюжетам. Образ, с одной стороны, служил средством обращения к историческим событиям и культурным реалиям, с другой стороны – способом выражения собственных чувств, поскольку конфуцианскими нормами предписывалась сдержанность, не одобрялось «прямоговорение» и открытое выражение своих чувств. Поэтому изображение внешних явлений часто служило средством передачи эмоционального состояния автора: луна (月) символизировала тоску по родине и чувство одиночества; ива (柳) – разлуку и печаль из-за расставания; фасоль угловатая (红豆) – мысли о возлюбленной; селезень с уткой (鸳鸯) – нерушимую любовь; распущенные волосы (散发) – желание стать отшельником.

В китайской классической поэзии образ часто включает определенную этическую категорию. Например, хризантема (菊花), символизирующая стойкость, мужество, решимость следовать своему пути среди всевозможных

[1] Стоит вспомнить и принципы, провозглашенные основоположником имажизма Т. Э. Хьюмом: «Образы в стихе – не просто декорация, но самая суть интуитивного языка», назначение же поэта – искать «внезапность, неожиданность ракурса» [7].

[2] Аналогичное явление характерно для литературы постмодернизма.

житейских горестей[1], иногда сопоставляется с известными историческими личностями. Например, в стихотворении «Многогранная красавица. Воспеваю белую хризантему» (多丽·咏白菊) китайская поэтесса Ли Цинчжао проводит параллель между хризантемой, подвергшейся воздействию сильного ветра и дождя, но сохранившей красоту и достоинство, с Цюй Юанем и Тао Юаньмином.

Соотнесенность предмета или явления с определенным эмоциональным состоянием либо моральными качествами человека может быть обусловлена ассоциативной связью с некоторыми свойствами природного явления, растения или животного. Очевидна соотнесенность дикой сливы (梅), цветущей во время морозов, со стойкостью; прямого ствола бамбука (竹) – с несгибаемостью; утреннего солнца (朝阳) – с надеждой и жизненными силами; текущей воды (流水) – с изменчивостью и быстротечностью жизни.

Большое влияние оказывали особенности социального и жизненного уклада (крик обезьян (猿啸) был символом скорби и одиночества для чиновников-северян, служивших в южных районах Китая[2] и страдавших от непривычного климата и жизни на чужбине); исторические реалии (в эпоху Тан самым известным местом, откуда люди покидали столицу – город Чанъань, был мост Балиньцяо, по обе стороны которого росли ивы, отсюда пошла традиция отламывать ветку ивы на прощанье, а ива (柳) стала символизировать печаль расставания [10]).

Традиционность, преемственность образов, наличие устойчивого значения, обусловленного культурной традицией, приводят нас к мысли, что образ в китайской классической поэзии представляет собой культурный стереотип[3], средство аккумулирования культурной памяти: «Вне человеческого восприятия художественное произведение существует лишь как объективная возможность, эстетическая же реальность произведения, объективность которой обусловлена всей совокупностью культурно-исторического бытия, а не только вещественной неизменностью артефакта, актуализируется лишь в восприятии, «подключенном» к соответствующей культурно-исторической общности» [11, с. 92].

Все эти особенности, несомненно, затрудняют понимание китайских классических стихов и еще более затрудняют их перевод на другие языки. Перед переводчиком возникает проблема не только интерпретации содержания стихотворения, но донесения имплицитных смыслов до читателя, порой не обладающего необходимыми фоновыми знаниями.

---

[1] Хризантема признана одним из четырех цветков-цзюньцзы (四君子, букв. ‘четыре благородных мужа’: слива, орхидея, бамбук, хризантема) и считается символом стойкости (цветок хризантемы не опадает, а высыхает на стебле) [9, с. 171].

[2] Во времена династий Хань, Тан и Сун большинство китайских поэтов были чиновниками, по строгим правилам, существовавшим в то время, чиновник не мог служить в родных местах и часто отправлялся на службу в отдаленные районы Китая.

[3] В рамках комбина́торной семантики стереотип обозначает «закодированный интеллектом повторяющийся элемент в копии мира» [12].

Исходя из сходства либо различия интерпретации носителями культур оригинала и перевода, образы можно разделить на следующие группы:

1. Образы, обладающие сходной семантикой в культурах оригинала и перевода.

Для перевода образов этой группы возможен буквальный перевод образа, поскольку интерпретация образа носителями культур оригинала и перевода будет схожа. Рассмотрим отрывок из стихотворения Ду Фу (杜甫) «Поднявшись на высоту» (登高): *风急天高猿啸哀，* ***渚清沙白****鸟飞回* ‘Ветер стремительный, небо высокое, обезьяны кричат, скорбят, / отмель чистая, песок белый, птицы летят обратно’. Художественный перевод этого отрывка, выполненный А. И. Гитовичем, выглядит так: «Стремителен ветер, и небо высоко, / В лесу обезьяны вопят. / Над чистой осенней водою потока / Осенние птицы летят». Если не считать незначительных изменений (добавлений «осенней водой», «осенние птицы», опущений «скорбно вопят», «белый песок»), в целом перевод отличается высокой степенью точности.

2. Образы, насыщенные имплицитными смыслами, отсутствующими в культуре перевода.

Рассмотрим стихотворение Ли Бо «Печаль на яшмовых ступенях» (“玉阶怨») (табл. 1).

Таблица 1

Стихотворение Ли Бо «Печаль на яшмовых ступенях»

Оригинал	Подстрочный перевод	Художественный перевод
玉阶生白露, 夜久侵罗袜。 却下水晶帘, 玲珑望秋月。	Яшмовые ступени рождают белую росу, Ночь долгая, полонен шелковый чулок. Возвращаюсь [и] опускаю хрустальную занавеску, [Раздается] звон, смотрю на осеннюю луну.	Ступени из яшмы давно от росы холодны. Как влажен чулок мой! Как осени ночи длинны! Вернувшись домой, опускаю я полог хрустальный И вижу – сквозь полог – сияние бледной луны. (Пер. А. И. Гитовича)

Оригинал стихотворения чрезвычайно лаконичен и неопределенен, скрытый смысл стихотворения читатель может понять лишь благодаря отдельным намекам: «чулок» указывает на то, что героиней является женщина, «ступени из яшмы» подразумевают ступени императорского дворца, следовательно, это стихотворение – о тоске и одиночестве покинутой наложницы [13]. В случаях высокой степени имплицитности информации, заключенной в произведении, при переводе можно оставить исходную образную основу, но необходимо сопроводить перевод комментарием, эксплицирующим семантику образа.

3. Образы, обладающие различной семантикой в культурах оригинала и перевода.

Применение буквального перевода в таких случаях нежелательно, поскольку может привести к появлению совсем иных ассоциаций и искажению понимания образа[1]. Поэтому необходимо применять переводческие трансформации, например, прием описательного перевода или подбора функционального аналога. Рассмотрим отрывок из стихотворения «Красавица» (硕人) поэтической антологии «Шицзин» (табл. 2).

Таблица 2

Стихотворение «Красавица» («Песни царства Вэй»)

Оригинал	Подстрочный перевод	Художественный перевод
硕人 手如柔荑， 肤如凝脂， 领如蝤蛴， 齿如瓠犀。 螓首蛾眉， 巧笑倩兮， 美目盼兮。	Красавица Руки как нежные ростки, Кожа как застывший жир, Шея как личинка, Зубы как ряды тыквенных семян, Голова цикады, брови мотылька, О, прелестная улыбка, О, прекрасные глаза.	Ты величава собой Пальцы – как стебли травы, бела и нежна… Кожа – как жир затвердевший, белеет она! Шея – как тело червя-древоточца, длинна, Зубы твои – это в тыкве рядком семена. Лоб – от цикады, от бабочки – брови… княжна! О, как улыбки твои хороши и тонки, Светят-сверкают в глазах твоих нежных зрачки. (Пер. А. Штукина)

Сохранение исходной образной основы (кожа как жир, шея как червь, зубы как семечки) совершенно не вызывает у современного читателя ассоциаций с образом красивой девушки. Поэтому, полагаем, что буквальный перевод образов уместен лишь при научном исследовании, когда нужно передать фактическую информацию о восприятии красоты, характерном для древних китайцев. В художественном переводе, основной целью которого является вызывание у читателя эстетического переживания, на наш взгляд, метод буквального перевода использовать нежелательно, потому что в таком случае возникают негативные ассоциации и нарушается целостность восприятия стихотворения. Предлагаем следующий вариант перевода этого отрывка:

Пальцы ее так тонки и нежны,
Кожа белее, чем снег, у княжны,
Зубы ее, как жемчужины, в ряд,
Шея длинна, и искусен наряд.
Лоб так высок и брови дугой,
Свет ее глаз так влечет за собой!

[1] О различных ассоциациях, возникающих при упоминании одного и того же образа в разных культурах, пишет К. И. Чуковский: «В нашем языке это слово [попугай] презрительное: «болтаешь, как попугай», «попугайничаешь», а в узбекской поэзии – это каноническое любовное обращение к девушке <…> в данном случае дословный перевод уже потому не будет точным, что то слово, которое в атмосфере одного языка вызывает умиление и нежность, в атмосфере другого – презрительное фырканье, насмешку» [14].

Сочетая метод описательного перевода (пальцы тонки и нежны; шея длинна; лоб высок) и подбор функционального аналога (кожа белее, чем снег; зубы ее, как жемчужины; брови дугой), вынужденно пожертвовав буквальной точностью в отображении образов, мы постарались максимально сохранить общий смысл стихотворения и избежать нежелательных ассоциаций. Вместе с тем подобный способ перевода нужно использовать крайне осторожно, лишь в тех случаях, когда буквальное воспроизведение образа препятствует целостному восприятию стихотворения.

Художественный образ в китайской классической поэзии обладает специфическими особенностями, во многом обусловленными традиционностью китайской поэзии. Для образа характерна закрепленность семантики, интерпретация образа осуществляется читателем не индивидуально, а подсказана предшествующей традицией. Образ становится средством аккумулирования культурной памяти и выполняет функцию эстетического воздействия на читателя благодаря «узнаваемости», а не новизне. При помощи устойчивых, повторяющихся образов читатель китайских классических стихов получает возможность распознавать эмоциональное состояние автора, ощущать взаимосвязь различных людей и событий, разграниченных временем и пространством.

Перевод образов китайской классической поэзии, насыщенных национально-культурной спецификой, требует от переводчика умения выбрать необходимый способ адекватного отображения образа в переводе. Буквальный перевод можно применить при переводе образов со сходной семантикой в культурах оригинала и перевода; подбор функционального аналога – при различной семантике образа; буквальный перевод, снабженный комментарием, либо описательный перевод – при высокой степени имплицитности информации. Все это поможет сохранить целостное восприятие и максимально полно донести до читателя смысловую многомерность китайского классического стихотворения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Николаев, А. И.* Основы литературоведения: учеб. пособие для студентов филологических специальностей [Электронный ресурс] / А. И. Николаев. – Режим доступа : https://www.listos.biz. – Дата доступа : 15.06.2018.
2. *Русова, Н. Ю.* От аллегории до ямба: терминологический словарь-тезаурус по литературоведению / Н. Ю. Русова. – М. : Изд-во «Флинта», 2004. – 301 с.
3. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. – СПб. : «Норинт», 2003. – 1536 с.
4. 马云。唐诗“意象”探析 (*Ма, Юнь*. Исследование «образов» поэзии эпохи Тан) [Электронный ресурс] / Ма Юнь. – Режим доступа : http://wuxizazhi.cnki.net/Search/QHSX2006S2026.html. – Дата доступа : 10.07.2018 (на кит. яз.).
5. 刘福元、杨新我。古代诗词常识 / 刘福元、杨新我。- 上海：上海古籍出版社，2009.5 – 222页。(*Лю, Фуюань*. Общие сведения о древней поэзии / Лю Фуюань, Ян Синьво. – Пекин : Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2009. – 222 с.) (на кит. яз.).

6. *Мясников, А.* Словарь литературоведческих образов / А. Мясников. – М., 1974. – 618 с.
7. *Кудрявицкий, А. И.* Поэты-имажисты [Электронный ресурс] / А. И. Кудрявицкий. – Режим доступа : http://kudryavitsky.webs.com/russian.html. – Дата доступа : 21.09.2018.
8. *Кравцова, М. Е.* Хрестоматия по литературе Китая / М. Е. Кравцова. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 768 с.
9. *Тань, Аошуан.* Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность / Аошуан Тань. – М. : Языки слав. культуры, 2004. – 240 с.
10. *Смирнов, И. С.* Китайцы ценят в литературе «пресность» [Электронный ресурс] / И. С. Смирнов. – Режим доступа : http://old.russ.ru/krug/20010614_smir-pr.html. – Дата доступа : 01.12.2018.
11. *Егоров, Б. Ф.* Ритм, пространство и время в литературе и искусстве / Б. Ф. Егоров. – Л. : Наука, 1974. – 299 с.
12. *Гордей, А. Н.* Принципы исчисления семантики предметных областей / А. Н. Гордей. – Минск : БГУ, 1998. – 156 с.
13. *Жолковский, А. К.* Русское инфинитивное письмо и китайская классическая поэзия [Электронный ресурс] / А. К. Жолковский, И. С. Смирнов. – Режим доступа : http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/ess/bib156.htm. – Дата доступа : 26.10.2018.
14. *Чуковский, К. И.* Высокое искусство / К. И. Чуковский. – М. : Худож. лит., 1991. – 260 с.

The article focuses on the images of Chinese classical poetry, depicts the traditional view on the image, reveals its correlation to some ethic category, historical figure, culture-specific element. Depending on the similar or different meaning of an image in the SL and TL the author proposes the methods of literal, adaptive or free translation.

Поступила в редакцию 05.02.2019

М. Ю. Шода

СВЕТАПОГЛЯДНЫЯ АСНОВЫ ПОЗНЯЙ ТВОРЧАСЦІ У. Б. ЕЙТСА

Артыкул прысвечаны аналізу рэлігійна-філасофскай сістэмы ірландскага паэта У. Б. Ейтса, сфармуляванай у зборніку эсэ «Відзежа» («A Vision»), і яе вобразнаму ўвасабленню ў вершах. Разглядаецца канцэпцыя, якая тлумачыць асобныя аспекты светаўспрымання Ейтса, і пытанні, што ўздымаліся паэтам у сталы перыяд творчасці, як, напрыклад, канфлікт паміж зямным і духоўным або кантраст паміж абмежаванасцю чалавечага жыцця і ідэяй несмяротнасці.

Ірландскі паэт Уільям Батлер Ейтс (William Butler Yeats, 1865–1939) заўсёды згадваецца ў якасці прыкладу міфатворцы, аднаго з аўтараў, што на пачатку ХХ ст. ператварылі міф з мастацкага элемента (іншасказання ці алегорыі), якім ён быў для еўрапейскай культуры, пачынаючы з эпохі Сярэдневякоўя, у форму ўпарадкавання навакольнай рэчаіснасці, аднавілі

яго аксіялагічную і тэлеалагічную функцыі ў кантэксце сучаснага быцця. Выкарыстанне міфа для мадэлявання мастацкага свету было характэрна для многіх пісьменнікаў той эпохі – Дж. Джойса, Т. Мана, Д. Г. Лоўрэнса, Т. С. Эліёта, В. Іванава і інш.

Творчасць У. Б. Ейтса зазнала грунтоўную эвалюцыю ад увасаблення рамантычнай і сімвалісцкай паэтыкі да мадэрнісцкага светаўспрымання. Гэтаксама няспынна эвалюцыянаваў і міфапаэтычны складнік яго творчасці. Умоўна можна вылучыць тры этапы мастацкага шляху Ейтса: 1) 1885–1904 гг. – ранняя творчасць, для якой характэрныя рамантычныя і сімвалісцкія рысы, цікаўнасць да ірландскага фальклору; 2) 1904–1916 гг. – прамежкавы перыяд, час пошукаў новай паэтыкі, пераход ад міфалагічнай сюжэтнасці да выкарыстання вобразаў з рэальнага жыцця; 3) 1916–1939 гг. – позняя творчасць, чый асноўны канфлікт складае супрацьстаянне жарсці і розуму, зямнога і духоўнага, а светапоглядная аснова сфармуляваная ў міфа-рэлігійна-філасофскай канцэпцыі, якую крытыкі лічаць фундаментам ейтсавай міфатворчасці.

Менавіта ў той час, калі ўсю Еўропу ахапіла вайна, Ейтс быў заклапочаны зусім іншымі праблемамі. Яго паэтычны свет патрабаваў абгрунтавання, уласнай філасофска-рэлігійнай базы. І з 1917 г., пачынаючы з кнігі «Per Amica Silentia Lunae» («Пры спрыяльным маўчанні поўні»)[1], а потым у «Відзежы» («A Vision» – першая рэдакцыя з'явілася ў 1925 г., другая ў 1937 г.) вымалёўваецца яго ўласная паэтычная філасофія: сістэма, якая прадстаўляла сабой інтэрпрэтацыю чалавечага жыцця і гісторыі, спробу знаходжання месца чалавека ў гісторыі, сістэма, якая праходзіла апрабацыю ў вершах Ейтса. Спачатку ён яе называў «міфалогіяй», потым стаў ацэньваць як «філасофію». Яна будуецца на ідэях «адзінства быцця» і «вечнага вяртання», на вобразах вечных трансфармацый, узятых з кельцкіх міфаў, духоўна-рэлігійных асноў індуізма, элеўсінскіх містэрый, прац Дж. Віка, Я. Бёмэ, Э. Сведэнборга, Ф. Ніцшэ.

Візуальна канцэпцыя Ейтса выяўляецца ў графічных сімвалах *Gyre* (конусаў-спіраляў, якія вяршынямі ўзаемапранікаюць адно ў адно) і *Great Wheel* (Вялікага Кола), падзеленага на 28 сегментаў, адпаведных фазам месяца. Кожная цывілізацыя праходзіць праз 28 цыклаў, рухаючыся ад стадыі росту да сталасці (што перагукваецца з тэорыяй кругазвароту лакальных цывілізацый Дж. Віка, на якую абапіраліся ў сваіх канцэпцыях культуры О. Шпенглер і А. Тойнбі). Гэтаксама рух па Вялікім Коле сімвалізуе і жыццё кожнага чалавека. Кожная цывілізацыя – фаза большага кола, што ў сваю чаргу ёсць фазай наступнага кола, якіх усяго 12. Гэтыя 12 цыклаў доўжацца прыблізна 26 000 год (Вялікі год жыцця Сусвету, згодна з Платонам). Конусы-спіралі Ейтса – гэта свет духу (ноўменальны) і свет пачуццяў (фенаменальны), якія супрацьстаяць і ўзаемапранікаюць. Усім кіруе *Anima Mundi*, яна ж Вялікая Памяць. Таксама на Вялікім Коле антынамічна адбі-

[1] Тут і далей пераклад наш. – *М. Ш.*

ваюцца чатыры псіхалагічныя пачаткі: *Will* (Воля – ego, асоба) і *Mask* (Маска – антыпод Волі, тое, чым бы мы жадалі зрабіцца), *Creative Mind* (Творчая свядомасць) і *Body of Fate* (Прадвызначэнне) – так знаходзіць сваё адлюстраванне ідэя псіхалагічнага дуалізму (асоба складаецца з «я» і «анты-я»), якая паралельна ўвасабляецца ў вершах Ейтса, пачынаючы ад зборніка «Дзікія лебедзі ў Куле» (Wild Swans at Coole, 1919).

Сябра Ейтса, пісьменнік Дж. Расэл, вядомы ў англійскай крытыцы пад псеўданімам Æ, паэт і мастак, які сам цягнуўся да загадкавых, містычных пейзажаў, так адзываўся пра «Відзежу»: «Уся фантазія і паэтычная філасофія, што знаходзяцца ў гэтай кнізе, ствараюць вакол яе цвёрдай, герметычнай сарцавіны атмасферу зімовай прыгажосці, гэта як калі б ветраныя перад-світанкавыя суцемкі атачалі піраміду з каменнай скалы» (цыт. па [1, p. LV]). Пры ўсёй эфемернасці вобразаў і метафар гэтае азначэнне мае права на існаванне, бо ілюструе суадносіны ейтсаўскай міфа-філасофскай сістэмы і створанага ім міфа, увасобленага ў паэзіі і драматургіі. Звычайна даследнікі, разважаючы пра міфатворчасць Ейтса, абмяжоўваюцца згадкай «Відзежы» і аналізам асноўных яе тэзісаў. На нашу думку, гэта ўсё адно што аналізаваць спецыфіку міфалагічнага мыслення, не разглядаючы яго выніку, гэта значыць міфа. «Відзежа» – схема, якая тлумачыць асобныя моманты светаўспрымання Ейтса, яго канцэпцыя міфалагічнага часу і прасторы. Толькі гэта час і прастора чалавечай душы, бо, у адрозненне ад старадаўніх міфаў, ствараючы якія, архаічны чалавек неўсвядомлена імкнуўся растлумачыць сабе свет прыроды, «Відзежа» ствараласа Ейтсам як спроба растлумачыць, у першую чаргу, чалавека і свет вакол яго – соцыум, цывілізацыю і г.д., а таксама як спроба тлумачэння пытанняў, якія турбавалі паэта, галоўнае з якіх – кантраст паміж абмежаванасцю чалавечага жыцця і ідэяй несмяротнасці. Іншымі словамі, «Відзежа» – гэта той светапоглядны фундамент, на якім будаваўся міф Ейтса, што знаходзіў вобразнае ўвасабленне ў вершах і п'есах паэта.

«Відзежа» ёсць найлепшым каментарыем для мноства вершаў, напісаных, пачынаючы з 1919 г., – «Under the Round Tower» («Пад Круглай вежай»), «The Hawk» («Ястраб»), «His Phoenix» («Яго фенікс»), «Ego Dominus Tuus» («Я Уладар твой»), «The Phases of the Moon» («Фазы месяца»), «The Cat and the Moon» («Кот і поўня»), «The Saint and the Hunchback» («Святы і гарбун»), «Two Songs of a Fool» («Дзве песні блазна»), «The Double Vision of Michael Robartes» («Падвойная відзежа Майкла Рабарціса»), «Michael Robartes and the Dancer» («Майкл Рабарціс і танцорка») і многія іншыя.

У гэтых тэкстах увасобілася вельмі важная для Ейтса канцэпцыя «маскі», звязаная з цікавасцю паэта да японскага тэатра масак Но, у традыцыях якога былі пастаўлены некалькі драм Ейтса, напісаных для тэатра Абацтва, у прыватнасці некаторыя з п'ес кухулінаўскага цыкла: «At The Hawk's Well» («Ястрабіны калодзеж»), «The Only Jealousy of Emer» («Апошняя рэўнасць Эмер»), «The Death of Cuchulain» («Смерць Кухуліна»). Па вобразе і падабенстве тэатральнага дзеяння Ейтс уяўляў сабе стасункі аўтара і яго лірычнага героя. Як актор павінен адчуваць сябе адначасова злітым

з роллю і аддаленым ад яе, так і паэт павінен прымерыць на сябе тыя пачуцці, якія ён прыпісвае свайму герою. «Тое, што я называю “маскай”, – пісаў Ейтс, – эмацыйная антытэза таму, што ёсць унутранай прыродай суб’екта» [3, p. 189]. Паэтычнае мысленне Ейтса было антытэтычным па сваёй прыродзе. У пэўнай ступені ў гэтым вінаватыя супярэчнасці, з якімі паэт сутыкаўся ў жыцці і творчасці: ён пісаў на англійскай мове, гістарычна чужой яго народу, па натуры быў эстэтам і сузіральнікам, але займаўся палітычнымі і грамадскімі праблемамі і быў адначасова містыкам і рацыяналістам.

«Маскі» былі адной са спроб знайсці сябе ў гэтых супярэчнасцях. Паэтычныя «двайнікі» Ейтса, яго лірычныя «я» і «анты-я», часам сутыкаючыся на адной старонцы, пераходзілі з тэксту ў тэкст. Так, напрыклад, верш «Фазы месяца» – паэтычнае пераасэнсаванне «Відзежы», пабудаванае ў форме размовы двух вандроўнікаў (Майкла Рабарціса і Ахерна), якія спыніліся адпачыць каля вежы, дзе працуе сам паэт. У вусны сваіх герояў Ейтс укладае, акрамя рэцытацыі тайных ведаў, яшчэ і аўтахарактарыстыку. Гэта ён сам, паэт Уільям Ейтс, *seeks in book or manuscript / What he shall never find* ‘шукае ў кнігах ці манускрыптах тое, / чаго ніколі не знойдзе’ [1, p. 138], у той час як яго «маскі» ведаюць неспасціжнае. Прытрымліваючыся сваёй тэорыі, Ейтс імкнецца ў сваёй творчасці не столькі выразіць тое, што дадзена яму ад прыроды, колькі зрабіцца такім, якім не дадзена ад прыроды. У адной з дысертацый, прысвечанай сімвалу як быційна-чалавечаму пачатку ў мастацтве, выказываецца наступная думка: «Феномен маскі служыць ключом да тайны сфінкса: надзець маску – значыць, застаючыся біялагічным індывідам, сканструяваць сябе быццам бы “наперад сябе”, гэта значыць зрабіцца створаным з дапамогай дадзенай формы чалавекам. Маска – гэта Важак, які глядзіць наперад <…> не “маё іншае”, але той Іншы, што па-за мной. Ад маштабу маскі залежыць маштаб той неабходнасці, якую паэт можа задаволіць. Чым глыбей яе карані, тым большай сілай яна валодае» [4, с. 16].

Майкл Рабарціс – найбольш частая «маска» паэта, «анты-я”, якое дапамагае разабрацца з духоўным і інтэлектуальным разладам. Калі паэт перажывае чарговую адмову каханай, калі не складваюцца ў зладжаную сістэму веды, якія ён назбіраў у розных акультных кнігах, з’яўляецца Рабарціс – маг, мудрэц, чалавек дзеяння, чалавек з моцным характарам, дастаткова цынічны і ўдачлівы ў каханні. І ён разбіраецца ў фазах месяца, якія, паводле тэорыі Ейтса, кіруюць чалавечым жыццём. Адпаведна фазам месяца і развіваецца чалавечая душа, паколькі ёй дадзена магчымасць рэінкарнацый, у якія Ейтс доўгі час верыў.

Коратка канцэпцыю фаз месяца, якую тлумачыць Рабарціс у аднайменным вершы, своеасаблівай вершаванай прадмове да «Відзежы», можна апісаць наступным чынам. Ёсць бесцялесная душа, якая павінна прайсці паслядоўнасць інкарнацый. Душа мае пэўныя магчымасці, але не мае ніякага досведу. Першая яе мэта – пазнанне сябе праз увасабленне ў цела. У наступ-

ных інкарнацыях душа пазнае сябе, адкідаючы выпадковае і вонкавае, і шукае форму, якая будзе дасканалым адлюстраваннем яе сутнасці. Яна шукае законы для самой сябе:

From the first crescent to the half, the dream
But summons to adventure and the man
Is always happy like a bird or a beast;
But while the moon is rounding towards the full
He follows whatever whim's most difficult
Among whims not impossible, and though scarred.
As with the cat-o'-nine-tails of the mind,
His body moulded from within his body
Grows comelier. Eleven pass, and then
Athene takes Achilles by the hair,
Hector is in the dust, Nietzsche is born,
Because the hero's crescent is the twelfth.

'Ад першай фазы і да сярэдзіны мроя / Кліча да прыгод, і чалавек / Заўсёды шчаслівы, як птушка ці звер; / Але калі месяц акругляецца да поўні, / Ён падпарадкоўваецца любому капрызу / з тых немагчымых, нягледзячы на шнары. / Быццам бізуном свядомасці, / яго цела вылепліваецца знутры ягонага цела / Ўсё прыгажэйшым. Адзінаццатая фаза праходзіць і – і вось / Афіна цягне Ахіла за валасы, / Гектар у праху зямным, Ніцше нараджаецца, / Таму што дванаццатая фаза – гераічная' [2, p. 138].

Пасля дасягнення гэтай стадыі душа пачынае забываць пра сябе і пазнае сусвет. Яе мэтай робіцца падпарадкаванне абставінам, адмаўленне ад сваёй суб'ектыўнасці і пошукі праўды пра навакольны свет. Яна шукае законы, якія кіруюць светам.

And after that the crumbling of the moon.
The soul remembering its loneliness
Shudders in many cradles; all is changed,
It would be the world's servant, and as it serves,
Choosing whatever task's most difficult
Among tasks not impossible, it takes
Upon the body and upon the soul
The coarseness of the drudge.
A h e r n e. *Before the full*
It sought itself and afterwards the world.

'Душа памятаючы сваю самотнасць, у мностве калысак трымціць; усё мяняецца, / Гэта служэнне свету, і як слуга, / Яна выбірае найбольш складаную задачу / З не самых немагчымых, кладзецца / Разам на душу і цела – / цяжар манатоннай працы. / А х е р н: Перад поўняй / Душа шукае сябе, а пасля свет' [2, p. 139].

І далей – жыццё за жыццём – душа дыстанцыруецца ад самой сябе, перастае жадаць чагосьці для сябе, цалкам падпарадкоўваецца боскай волі. І тады вяртаецца назад увесь яе папярэдні досвед і сутнасць яе праяўляецца

ў іншай форме, каб пачаць новы цыкл інкарнацый. Тут Ейтс відавочна сплятае ў адно індыйскае прадстаўленне пра вечнае кола непазбыўнай сансары і астралагічную канцэпцыю ўздзеяння месяца на асобасныя дэтэрмінанты.

Вобразы месяца ў ейтсаўскай паэзіі, пачынаючы з гэтага моманту, робяцца метафарамі для ўсіх трывожных, неспасціжных і таямнічых касмічных сіл. Так, напрыклад, верш «Кот і поўня» («The Cat and the Moon») – на першы погляд сюжэтная замалёўка, «верш на выпадак», прагулка, назіранне за скокамі па траве чорнага ката – ператвараецца ў метафізічнае разважанне, у якім месяц, пераходзячы ад фазы да фазы, сімвалізуе няспынную зменлівасць жыцця, што вечна эвалюцыяніруе, падпарадкоўваючыся адным і тым жа заканамернасцям натуры.

З канцэпцыяй эсе таксама звязаны верш «Ego Dominus Tuus», які мае форму дыялогу паміж *Hic* – аб'ектыўнай постаццю, звязанай з целам, і *Ille* – яе суб'ектыўнай антытэзай, звязанай з душой. *Ille* ёсць *alter ego* самога паэта, пра што адназначна сведчыць пачатковая рэпліка *Hic*:

On the grey sand beside the shallow stream
Under your old wind-beaten tower, where still
A lamp burns on beside the open book
That Michael Robartes left, you walk in the moon.

'На шэрым пяску ля плыткага ручая / Пад сваёй старой, пабітай вятрамі вежай, дзе лямпа / Яшчэ гарыць над адкрытай кнігай, / Што пакінуў Майкл Рабарціс, ты гуляеш пад поўняй' [2, p. 134].

І зноў тут згадваецца ўсюдыісны Рабарціс, носьбіт ідэй «Відзежы», кніга якога прымусіла *Ille* задумліва бадзяцца пад месяцам і шукаць «не стыль, а вобраз». Кожная з гэтых постацей бароніць сваю канцэпцыю жыцця: дыялог вядзецца пра канфлікт паміж жыццём і мастацтвам, паміж мастацтвам экстравертным і інтравертным. *Hic* імкнецца адшукаць «у сабе – сябе», а не вобраз, гэта значыць пазнаць і зразумець уласную рэальнасць, вучыцца майстэрству ў вялікіх: *A style is found by sedentary toil / And by the imitation of great masters* 'Стыль даецца ўпартай працай / І перайманнем вялікіх майстроў'. *Ille* ж сцвярджае, што *Those men that in their writings are most wise, / Own nothing but their blind, stupefied hearts* ('Тыя, хто найбольш мудрыя ў сваёй творчасці, / Не маюць нічога, акрамя сляпых агаломшаных сэрцаў') [2, p. 136]. Ён прыводзіць у прыклад Кітса, сцвярджаючы, што яго паэзія, напоўненая «сусветнай радасцю» і любоўю да жыцця – гэта праява антынамічнага характару чалавека, які з дзяцінства быў прыгавораны абмяжоўваць жаданні. *Ille* заклікае да пошукаў «уласнага антыпода», бо верыць, што падаючыся, а не існуючы, будучы апранутым у маску «анты-я», можна стварыць ісціну, якая ўзвысіцца над чыстай рэальнасцю. Гэтым жа і кіраваўся Ейтс, ствараючы міфалагічны дыскурс сваёй паэзіі, узвышаючы над рэальнасцю сваіх сяброў і знаёмых.

Квінтэсэнцыя месяцовай канцэпцыі чалавечага жыцця – апошні верш зборніка «Дзікія лебедзі ў Куле» пад назвай «The Double Vision of Michael

Robartes» ‘Падвойная відзежа Майкла Рабарціса’. Ён выводзіць адзін з цэнтральных вобразаў сваёй паэзіі – танцорку (у ранняй яго паэзіі вельмі часта сустракаюцца вобразы духаў – фэйеры, якія танцуюць на скрыжаваннях дарог, марскім пяску і г.д.). Танцорка, якая, апынуўшыся паміж Сфінкс (Інтэлектам) і Будай (Сэрцам), рухаецца са звышчалавечай грацыяй, з’яўляецца сімвалам чалавечай дасканаласці ў мастацтве, выяўленнем боскіх магчымасцей недасканалага чалавека, адным з ключавых вобразаў позняй паэзіі Ейтса.

Акрамя відавочных запазычанняў з прыведзеных вышэй крыніц, у міфафіласофскай сістэме Ейтса можна заўважыць паралелі з галоўнымі ідэямі вядомых сучаснікаў паэта. Тут варта казаць пра тыпалагічнае падабенства, бо, напрыклад, ствараючы канцэпцыю Вечнай Памяці і «маскі», паэт не ведаў тэорыі К. Г. Юнга пра калектыўнае несвядомае, пра ўзаемазалежнасць свядомага і падсвядомага, пра інтравертную і экстравертную асобы, і вельмі дзівіўся гэтаму падабенству, пазнаёміўшыся з працамі псіхолага. А паэтычны пераказ сістэмы Ейтса ў вершах «Ego Dominus Tuus» і «Фазы месяца» выглядае вельмі сугучным з узніклай у тыя ж гады канцэпцыяй дыялагізму М. Бубера, якая апісвае падвойнае стаўленне асобы да свету ў стасунках *Я – Ты* і *Я – Яно*. Мы кажам менавіта пра тыпалагічнае падабенства, бо для Ейтса перадусім важнымі былі пошукі суб’екта дыялогу ўнутры сябе (паміж «я» і «анты-я»), а для Бубера, як падкрэслівае, аналізуючы яго канцэпцыю, Г. В. Сініла: «Стасункі *Я – Ты* – гэта не ўнутраная рэальнасць аднаго чалавека, а стасункі паміж дзвюма асобамі (суб’ектамі) як стасункі паміж індывідуумамі, якія адкрываюцца адно аднаму ўсёй сваёй сутнасцю» [5, с. 498]. Але наступная рэпліка даследніцы: «Гэтыя стасункі характарызуюцца … сапраўднай духоўнай напоўненасцю; яны абсалютна бескарыслівыя і валодаюць сапраўднай су-творчай сілай» [5, с. 498] можа ўспрымацца не толькі як інтэрпрэтацыя канцэпцыі Бубера. Гэтымі словамі могуць тлумачыцца пошукі героямі Ейтса свайго «анты-я» як пошукі «су-творчай сілы». Бубераўскае *Вечнае Ты* таксама можа, з пэўнымі асцярожнымі дапушчэннямі, асацыявацца з яго *Anima Mundi*. Асабліва блізкімі ейтсавай тэорыі, увасобленай у вершы «*Ego Dominus Tuus*», з’яўляюцца разважанні Бубера пра стасункі мастака і вобраза, які той стварае. «Крыніца вобраза – не суб’ектыўнае *Я* мастака, але надасобасны свет як цэласнасць, як *Ты*, больш за тое – *Вечнае Ты*. Твор, які аддзяліўся ад свайго творцы, робіцца рэччу ў свеце *Яно*, але дзякуючы чытачу, які жыве ў свеце *Ты*, яно ствараецца зноў і зноў як *Ты*, як сапраўднае жывое жыццё» [5, с. 498]. Свет *Яно* Бубера пераклікаецца з «рукачыннай вечнасцю» Ейтса, светам мастацтва, які складаецца з артэфактаў, што пазбавіліся ўлады свайго творцы, але вяртаюцца да жыцця, дзякуючы чытачу або гледачу.

І калі звярнуцца да позніх тэкстаў У. Б. Ейтса, то ў іх можна прачытаць тую ж упэўненасць у «жыццядайнасці» свету мастацкіх вобразаў, спакойнага, але ў сваіх творчых праявах багацейшага за бясконцую трывогу быцця, упэўненасць у тым, што зарукай вечнасці ёсць не спрадвечны рух у межах

цыкла «нараджэнне – смерць», а вечны артэфакт, які ў сваёй несмяротнасці ўступае кожны раз у новы кантакт з яго рэцыпіентам, тым самым наноў вяртаючыся да жыцця. Таму галоўным лейтматывам позняй творчасці У. Б. Ейтса выступае вера ў тое, што сапраўдны мастак здольны ўвасобіць сябе ва ўласным дасканалым творы, спасцігнуць вечнасць і такім чынам вырашыць праблему, якая спакон вякоў хвалявала ўсіх творцаў, – ці пакінуць яны, творцы, пасля сябе пэўны трывалы след у мастацтве. Менавіта гэтыя разважанні зрэдку заканчваюцца ганарыстым «*Exegi monumentum...*», шчырай справаздачай перад сабою і нашчадкамі, якая сведчыць пра тое, што ўласнае жыццё не загублена марна.

Такім чынам, можна сказаць, што міфа-філасофская канцэпцыя У. Б. Ейтса, увасобленая ў зборніку эсэ «Відзежа», з'яўляецца метафізічнай асновай для мастацкай сістэмы паэта і спалучае ўсе вобразы і матывы яго позняй творчасці ў адзіны міфапаэтычны ўніверсум, а тэорыя «маскі» ірландскага паэта, заснаваная на ідэі супрацьлегласці, на дыялогу антытэтычных праяў аўтарскага «я», тыпалагічна адпавядае філасофскім пошукам яго сучаснікаў (М. Бубер, Ф. Разэнцвейг), якія разглядалі парадыгму дыялагічных стасункаў як найістотнейшы прынцып чалавечага існавання.

ЛІТАРАТУРА

1. *Hoffman, D. G.* Barbarous Knowledge. Myth in the poetry of Yeats, Graves and Muir / D. G. Hoffman. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 1967. – 266 p.
2. *Yeats, W. B.* Autobiographies / W. B. Yeats.– London : Macmillan, 1980. – 591 p.
3. *Yeats, W. B.* The Collected Works / W. B. Yeats. – London : Wordsworth Ed., 1994. – 325 p.
4. *Орёл, Е. В.* Символ как проявление бытийно-человеческого начала в искусстве : автореф. дис. … канд филос. наук : 09.00.04 / Е. В. Орёл. – Екатеринбург, 1993. – 20 с.
5. *Синило, Г. В.* Лирические книги Библии как архетексты немецкой поэзии XVII века / Г. В. Синило. – Минск : БГУ, 2016. – 550 с.

The article is dedicated to the analysis of the mythical-philosophical system of the Irish poet W.B.Yates, formulated in his essay collection *Vision* and its metaphorical embodiments in thepoems.The article explicates the concept, which explains some aspects of Yates' perception of the world and the questions that were raised by the poet in the mature period of creativity for example, the conflict between the physical and the spiritual or the contrast between the limitations of human life and the idea of immortality.

Поступила в редакцию 19.02.2019

НАШИ АВТОРЫ

Беланович Елена Владимировна – кандидат филологических наук, зав. кафедрой иноязычного речевого общения факультета межкультурных коммуникаций МГЛУ. Тел. (+375 29) 340-66-43.

Биюмена Анна Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычного речевого общения МГЛУ. Тел. 294-75-74.

Бурло Валентина Денисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры фонетики и грамматики французского языка МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Гордей Екатерина Александровна – аспирант кафедры языкознания и страноведения Востока БГУ. Тел. (+375 44) 469-88-68.

Грачева Людмила Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка МГЛУ. Тел. 342-23-97.

Гребень Татьяна Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Дубасова Анжелика Витальевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры интенсивного обучения иностранным языкам № 2 МГЛУ. Тел. 284-39-62.

Еромейчик Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации МГЛУ. Тел. 288-25-71.

Жигунова Вера Григорьевна – выпускник МГЛУ. Тел. 284-47-48.

Казакова Людмила Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Юго-Западного государственного университета. Тел. (+7920) 737-00-37.

Калядка Святлана Уладзіміраўна – кандыдат філалагічных навук, дацэнт, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела тэорыі і гісторыі літаратуры Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Тэл. (+375 29) 500-38-08.

Ключенович Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода № 2 МГЛУ. Тел. 288-25-69.

Костюченко Виктория Юрьевна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. (+375 29) 313-04-19.

Кулик Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана энергетического факультета Гомельского государственного технического университета имени П. О. Сухого. Тел. (8-0232) 30-08-59.

Микаилова Азада Рамазан – преподаватель кафедры лексикологии и стилистики английского языка-2 при факультете образования, Азербайджанский университет языков. Тел. (+994) 070-440-45-46.

Неборская Лариса Николаевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Олесько Вероника Сергеевна – магистрант кафедры теории и практики немецкого языка МГЛУ. Тел. (+375 33) 345-01-33.

Перова Светлана Вячеславовна – аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания БГУ. Тел. (+375 29) 718-97-92.

Романовская Елена Викторовна – старший научный сотрудник Центра системного анализа и стратегических исследований НАН Беларуси.

Рубанова Евгения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Тел. (+375 29) 627-15-17.

Солонович Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой второго иностранного языка (немецкий) МГЛУ. Тел. (+375 29) 772-41-17.

Старостина Анна Михайловна – старший преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики Могилёвского государственного университета имени А. А. Кулешова. Тел. (+375 29) 602-60-58.

Сытько Анна Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой фонетики и грамматики немецкого языка МГЛУ. Тел. 284-81-31.

Турчинская Мария Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики английского языка МГЛУ. Тел. 364-70-35.

Чайка Наталля Уладзіміраўна – доктар філалагічных навук, прафесар кафедры мовазнаўства і лінгвадыдактыкі БДПУ імя Максіма Танка. Тел. (+375 29) 373-95-29.

Соловьёва Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры истории и грамматики английского языка МГЛУ. Тел. 288-25-72.

Швец Наталия Георгиевна – старший преподаватель кафедры информатики и прикладной лингвистики МГЛУ. Тел. 284-81-56.

Шода Марына Юльянаўна – старшы выкладчык кафедры культуралогіі ФСК БДУ. Тэл. 223-04-10.

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (99), 2019

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *Е. М. Бобровская, О. С. Забродская, Е. И. Ковалёва*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.04.2019. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 11,85. Уч.-изд. л. 13,19. Тираж 100 экз. Заказ 21.
Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499.
ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172